

ISSN 3033-5795

Новые горизонты русистики

2026

№ 1 (31)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственные секретари — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — **А. С. Бурляй**, канд. филол. наук **Е. Н. Станкус**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **Л. В. Селезнева** (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — **A. S. Burlyai**, Candidate of Philology **E. N. Stankus**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **L. V. Selezneva** (Pushkin State Institute of the Russian Language); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» с 30.03.26 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.5 Русский язык. Языки народов России; 5.8. Педагогика: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. м. о. Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +7 856 302 92 33.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Веб-сайт: <https://dongu-ngr.ru>.

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 12 от 05.06.2026 г.

© Донецкий государственный университет, 2026

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 1 (31)
2026

С о д е р ж а н и е

Русский язык

Лексикология и стилистика

- Байдала Д. С., Шишлова И. Ю.** Лексика диалектного происхождения в региолекте г. Омска 3
- Димитриева О. А., Фролова Д. Е.** *Оговорка по Фрейду* в современной русской лингвокультуре (по данным Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) 15
- Жуйкова А. С., Шишлова И. Ю.** Фразеологизм *отец нации* в современном употреблении 23
- Пахомов Д. Д.** Функционально-семантические особенности оценочной лексики в современном русскоязычном медиадискурсе 31

Словообразование и грамматика

- Смирнова И. Р.** О формировании и развитии авторской концепции русской аббревиации: к 10-летию Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации 41
- Алтухова А. А.** Инициальные аббревиатуры как словарная сущность: принципы описания 56
- Газаты М. А., Теркулов В. И.** Абброконструктная группа «бух» (бухгалтерский) 65
- Калинин С. С.** Заимствование русскоязычных качественных прилагательных в ительменский язык: к вопросу о механизмах языкового контакта 74

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Печенкина О. Ю., Торопыно Д. И.** Структурная организация и семантическая деривация дендронимической лексики в поэзии А. К. Толстого 81
- Устюжанина Д. И.** Категории времени и пространства в малой прозе: единство при асимметрии 91
- Правила оформления материалов** 102

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 1 (31)
2026

C o n t e n t s

Russian language

Lexicology and Stylistics

- Baidala D. S., Shishlova I. Yu.** Words of dialectal origin in the modern Omsk regiolect 3
Dimitrieva O. A., Frolova D. E. *Freudian slip* in contemporary Russian linguistic culture 15
(according to the data from the National corpus of the Russian language and Internet sites)
Zhuykova A. S., Shishlova I. Yu. The phraseological unit *father of the nation* in modern 23
speech
Pakhomov D. D. Functional and semantic features of evaluative vocabulary in modern 31
Russian-language media discourse

Derivation and Grammar

- Smirnova I. R.** Formation and development of an original concept of Russian 41
abbreviation: 10th anniversary of the Experimental Laboratory for the Study
of Abbreviation Tendencies
Altukhova A. A. Initial abbreviations as a dictionary entity: principles of description 56
Gazaty M. A., Terkulov V. I. Abbroconstruct group "bukh" (bukhgalterskiy) 65
Kalinin S. S. Towards the mechanisms of language contact: borrowing Russian 74
qualitative

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Pechenkina O. Y., Toropyno D. I.** Structural organization and semantic derivation 81
of dendronymic vocabulary in A. K. Tolstoy's poetry
Ustyuzhanina D. I. Temporal and spatial categories in short prose: unity within 91
asymmetry
Rules for the design of materials 102

Научная статья

УДК 811.161.1'28

DOI: 10.5281/zenodo.20475191

Д. С. Байдала, И. Ю. Шишлова © 2026

¹⁻²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ивановский государственный университет»*

¹*ORCID 0009-0006-8035-5806*

²*ORCID 0000-0001-8372-5530*

ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РЕГИОЛЕКТЕ Г. ОМСКА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается лексика диалектного происхождения, которая активно функционирует в современном региолекте Омска — крупного сибирского города, в речи жителей которого исторически смешивались диалектные черты разных исходных территорий (в условиях позднего заселения и активных миграционных процессов). Цель исследования — выявить характер семантических изменений, которым подвергаются диалектные единицы при переходе в современную региональную городскую речь. Материалом послужили пользовательские комментарии в омских интернет-сообществах социальной сети «ВКонтакте». В ходе семантико-этимологического анализа лексем «каралька», «хахаряшки», «кильдым», «рям», «льва», «бекарас», установлено, что процесс перехода диалектной лексики в региолект может сопровождаться расширением, сужением или сдвигом исходного значения, а также грамматическими изменениями, которые не всегда фиксируются словарями. Показана продуктивность привлечения интернет-коммуникации для изучения актуального состояния региональной лексики.

Ключевые слова: лингворегионалистика, региолект, диалект, регионализм, диалектизм, этимология, семантика.

Для цитирования: Байдала, Д. С. Лексика диалектного происхождения в региолекте г. Омска / Д. С. Байдала, И. Ю. Шишлова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 3–14. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20475191>.

Введение. В настоящее время в лингвистике активно изучается региональная специфика речи городских жителей, и большое внимание к данному роду исследований вполне обосновано, поскольку «русский язык как язык общения относительно однородного коллектива, проживающего на огромной территории, подвержен территориальной и социальной дифференциации» [9, с. 3917]. Однако современная территориальная дифференциация речи не может быть ограничена рассмотрением исключительно диалектов русского языка: напротив, по замечанию Ф. П. Филина, сделанному еще в 1966 году, «сфера употребления территориальных диалектов чрезвычайно сузилась», тогда как распространение литературного языка, подвергшегося значительной демократизации, стало всеобщим» [19, с. 37–38]. Кроме того, территориальная специфика речи города обнаруживается и в регионах позднего заселения, где русский язык не был «исконным», из-за чего само применение такого понятия, как «диалект», непосредственно в настоящее время оказывается невозможным [17, с. 7].

Наблюдение же за актуальным состоянием городской речи доказывает наличие некоторой связи региолекта как с диалектом, так и с литературным языком: А. С. Герд

подчеркивал, что городская речь, с одной стороны, значительно отличается от диалекта, поскольку она утратила многие его архаические черты; с другой же стороны, с диалектом ее сближает большое количество «ареально варьирующихся черт, не совпадающих полностью с городским просторечием» [3, с. 22]. Таким образом, возникает необходимость во введении в отечественную лингвистику понятия *региолект*, объем которого по-прежнему не определен окончательно.

Впервые термин «региолект» в рамках лингвистических исследований был использован В. И. Трубинским в 1991 г. [14, с. 837], но необходимо признать, что и до этого времени учеными предпринимались попытки охарактеризовать состояние современной географически специфичной речи. Так, в 70-е годы XX в. активно использовался термин «полудиалект», под которым, по определению Т. С. Коготковой, понимался «сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [6, с. 6]. Однако не все диалектологи приняли рассматриваемое понятие: необходимо было «прояснить, с какого момента можно говорить о переходе диалекта в полудиалект и какие структурные категории его характеризуют» [10, с. 23]. Вместе с тем для обозначения данного явления лингвистами употреблялись (и порой употребляются до сих пор) такие термины, как «диалект», «региональный язык», «язык региона», «городское койне» [18, с. 11]. Начиная же с 90-х годов, после того как А. С. Герд ввел понятие «региолект» В. И. Трубинского в отечественное языкознание и дал ему определение, исследователи стали широко употреблять именно этот термин [8, с. 26], вследствие чего он стал постепенно вытеснять другие «синонимичные» терминологические наименования [18, с. 13]. Тем не менее, несмотря на частотность употребления термина «региолект» в современном научном дискурсе, понятие по-прежнему определяется учёными неодинаково.

Например, в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило *региолект* определяется вслед за А. С. Гердом как «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия». При этом носителями региолекта являются «местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [23, с. 300]. Приводимое определение уже не раз становилось предметом дискуссий. Во-первых, сомнения вызывает уточнение о «средних и малых городах», которое не подтверждается практикой: так, в настоящее время исследованием региональной специфики речи занимаются в г. Белгороде (С. А. Кошарная), г. Перми (Е. В. Ерофеева) и др. (хотя работы исследователей, конечно, не ограничиваются изучением речи жителей конкретного города). Во-вторых, многие лингвисты придерживаются мнения, что региолектные черты заметны в речи всех жителей региона, хотя и в разной степени: так, если С. А. Кошарная утверждает, что региолект используется всеми жителями региона без возрастных, социальных и других ограничений [7, с. 19], то, например, В. И. Теркулов, анализируя донецкий региолект, отмечает: минимальное количество региолектных черт речи обнаруживается «у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное — именно у тех, кто пользуется просторечием» [18, с. 15]. Под региолектом В. И. Теркулов понимает «не какую-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определённую регионально маркированную организацию всего языкового пространства региона» [17, с. 10].

Не отрицая возможности применения такого подхода к изучению современной речи региона, в данном исследовании мы будем определять региолект значительно уже, как «совокупность ареально ограниченных языковых элементов, бытующих в пределах одной области, одного региона» [5, с. 65], поскольку предметом нашего наблюдения стала не целая языковая система региона, а лишь отдельные специфические единицы с ограниченной территорией употребления — т. е. так называемые *регионализмы*. Также отметим, что мы разделяем позицию исследователей, которые считают, что ареальная ограниченность регионализмов не означает ареальную замкнутость языкового элемента [5, с. 65; 16, с. 11], вследствие чего возможность использования тех или иных языковых элементов на других территориях нами не отрицается.

Региональные особенности речи привлекают внимание не только лингвистов, но и самих говорящих: так, по утверждению некоторых исследователей, в интернет-обсуждениях «региональные речевые маркеры становятся средством самоидентификации пользователей, способом демонстрации принадлежности к определённому территориальному сообществу, а также инструментом конструирования образов „свой“ — „чужой“ в рамках сетевого дискурса» [12, с. 265]. С одной стороны, это действительно так: все чаще в Сети создаются любительские словари разных регионов, пользователи активно участвуют в обсуждении «своих» слов (впрочем, нередко предметом обсуждений становятся не регионально специфические слова, а просторечные, известные повсеместно, что необходимо учитывать специалисту, решившему обратиться к данному источнику). С другой же стороны, как нам кажется, подобное определение места локальных слов в интернет-дискурсе несколько сужено: в региональных обсуждениях пользователи, как правило, употребляют единицы не с целью демонстрации принадлежности к тому или иному сообществу, а вполне естественно, возможно, даже не осознавая, что используемая ими единица является регионально маркированной. Средством региональной идентификации в данном случае выступает, на наш взгляд, само обсуждение: пользователь не ожидает увидеть комментатора из другого города, например, в локальном новостном сообществе.

Тем не менее само замечание о возможности привлечения интернет-дискурса при изучении региональной единицы оказывается крайне важным. Как справедливо отмечают И. А. Букринская и О. Е. Кармакова, при анализе регионального слова, его специфики для лингвиста интересен любой источник, в том числе интернет-обсуждения, любительские словари разного типа и т. д., поскольку «они показывают метаязыковую деятельность носителя языка, его представление о территориальной маркированности слова и его самобытности» [11, с. 75]. И действительно, особенно активно жители разных регионов собирают именно лексику и фразеологию, поскольку региональные особенности речи говорящие, как правило, отчетливее распознают именно на лексическом (и фразеологическом) уровне. Вместе с тем уровень лексики оказывается достаточно сложен для лингвистического описания. Так, например, в речи городских жителей (в том числе и территорий позднего заселения) можно обнаружить ряд слов, диалектных по происхождению, однако при обращении к словарям диалектизмов и при сопоставлении семантики зафиксированной диалектной единицы с семантикой ее городского «аналога» наблюдаются несовпадения в значении. Кроме того, возможны и такие случаи, когда диалектной лексикографией зафиксированы лишь (предположительно) родственные слова, тогда как сама лексема, замеченная в речи горожанина в определенной форме, не описана. В связи с этим видится актуальным изучение отдельных региональных лексем, сопоставление их словарного или диалектного значения с тем, как единицы употребляются в реальной речи жителей региона, в том числе и в интернет-коммуникации.

В данном исследовании под диалектной единицей понимается любое слово, зафиксированное в том или ином диалектном словаре (в частности — в «Словаре русских народных говоров» или в «Русском диалектном этимологическом словаре» С. А. Мызникова). Следовательно, специфика диффузных региолектов как территорий, возникших путем «интерференции диалектов, региолектов, языков мигрантов» [16, с. 9], нами не учитывается.

Таким образом, **целью** работы стало определить, как трансформируется значение диалектной по происхождению единицы в составе современного региолекта. **Объектом исследования** являются диалектные по происхождению регионализмы, встречающиеся в речи жителей Омска — многонационального города, крупного промышленного, культурного и научного центра Сибири. **Предмет исследования** — семантические, структурные и функциональные особенности перечисленных лексем. **Выполняемые задачи:** 1) установить «исходные» значения отобранных лексем на основе диалектных словарей; 2) зафиксировать актуальные значения и контексты употребления данных единиц в современной речи жителей Омска; 3) выявить семантические сдвиги в значениях

исследуемых лексем при переходе из диалекта в региолект; 4) определить особенности функционирования указанных единиц в речи.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования являются диалектные по происхождению единицы в составе омского региолекта: «каралька», «хахаряшки», «кильдым», «рям», «лыва», «бекарас». Выборка лексем осуществлялась по следующим критериям: фиксация в региональном словаре («Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова), установленное диалектное происхождение, частотность употребления (не менее 10 вхождений при поиске по комментариям в региональных интернет-сообществах (список приводится далее); наличие единицы в формулировках пользовательских запросов, совершаемых с территории Омской области (по данным сервиса «Яндекс.Вордстат»). Семантические регионализмы (например, *латка* в значении ‘небольшой участок земли’, *сочень* в значении ‘очень тонко раскатанный кусок теста’ и др. [2]) не рассматривались, т. к. определение частотности их употребления с помощью сервиса «Яндекс.Вордстат» затруднено и требует иного подхода.

Семантический анализ лексем в их современном состоянии был выполнен на основании пользовательских комментариев в региональных интернет-сообществах социальной сети «ВКонтакте» («Инцидент Омск», «Омск ВК | Жизнь города — Новости — ЧП — ДТП», «ЧП Омск», «Омск Live» и под.) с частичным привлечением других материалов (их источник будет указываться отдельно). Полученные данные сопоставлялись с толкованиями, представленными как в диалектных словарях, так и в региональных («Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова), а также в словаре «Слова Сибири и Дальнего Востока» (составленном, по всей видимости, не учеными-лингвистами и предназначенном для широкого круга пользователей) на платформе «I'm Siberian».

В исследовании используются методы семантического, этимологического и контекстного анализа.

Основная часть. Лексема *каралька* (вариант написания — *коралька*), согласно «Словарю современного русского города», в омской речи обозначает крендель: *Каралек настряпала, Я каральку возьму, мам?* [32, с. 185]. В близких значениях лексема фиксируется в «Словаре русских народных говоров»: ‘крендель, большой калач или бублик, баранка, обычно с украшениями из теста’, ‘сушки домашней выпечки’, ‘маленький крендель’ [29, с. 72], при этом территория распространения данной единицы оказывается крайне обширной: согласно пометам словаря, единица фиксируется в Красноярской, Иркутской, Томской, Тюменской, Новосибирской, Курганской, Свердловской, Оренбургской и других областях. В последнем из перечисленных значений лексема зафиксирована также на территории Прионежского района Республики Карелия. Однако общую гиперсему для каждого из значений можно определить как ‘хлебобулочное изделие’ или ‘выпечка’.

В то же время в современном омском региолекте, на наш взгляд, происходит некоторое расширение семантики слова «каралька»: сейчас единица обозначает не только выпечку («*А вечером попозже снеговиков полепить да в снежки поигратся, потом горячий чай с каральками — и спать*»), но и нечто изогнутое в форме кренделя («*Купила крупную сельдь из ведра. Начала разделявать, а там... Там каральки, плотно скрученные, из длинного глиста...*»; «*Собираем волосы в высокий хвост и закручиваем в каральку*»; «*Есть каралька колбасы, проверенный рецепт теста и формы для маффинов, а значит будет и вкуснейшая горячая закуска*»; см. также названия полукопченой колбасы производителя «Омский бекон»: «*Каралька с грудинкой*», «*Каралька из печи*»).

Подобный семантический сдвиг фиксирует и платформа «I'm Siberian». Ценным оказывается приводимое на сайте толкование: ‘что-то закрученное — например колбаса каралькой’ — *У дворняги хвост каралькой!* [27] — как видим, составители избегают прямого отождествления лексемы «каралька» с кренделем или баранкой, хотя и конкретного указания на территорию употребления слова в данном значении не приводят.

Под влиянием единицы «каралька» трансформируется в омском региолекте и устойчивое выражение «баранки гну» (ироническая «реплика в ответ на вопрос „ну?“» [22, с. 27]): образуется его региональный вариант — «*кара́льки гну*»: «*Красавчики! Вижу реакцию админов этой группы... „Ну, ну“ — каральки гну. Пора принять тот факт, что есть другое, альтернативное мнение*»; «*„Ну?“ — не придумав ничего умнее, спросил я. — „Каральки гну! Сижу тут, как дура, с самого утра — хоть бы один подошел!“*»

В настоящее время, согласно статистике исследования И. В. Матвеевой, лексема «каралька» фиксируется также в Новосибирской и Кемеровской областях, в Алтайском крае [9, с. 3920], однако семантика слова на каждой из перечисленных территорий, к сожалению, не приводится.

Этимология же единицы затемнена. Интересные сведения дает топонимика некоторых регионов. Так, ранее река Корыльки, протекающая на территории Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа, называлась *Каралька*. В книге «Топонимика Западной Сибири» И. А. Воробьевой определено, что название данного водного объекта — селькупское [1, с. 97]. А. П. Дульзон в статье «Дорусское население Западной Сибири» уточняет, что название «Каралька» является адаптацией на русский язык селькупского названия и компонент *-ка* в нем можно считать измененным элементом *-кы*, использовавшимся селькупками для обозначения реки в целом (ср. *Катылька*, *Корылька*, *Корбылька* и др.) [4, с. 363]. Кроме того, на территории Томской области расположено и озеро Каралька, которое не похоже на озеро в типичном представлении, т. к. имеет извилистую форму с тремя ответвлениями.

То, что лексема «каралька» этимологически происходит из сочетания двух слов, доказывает, например, и существование реки *Коральяха* в Ямало-Ненецком автономном округе. В данном случае название оказывается ненецким по происхождению, на что указывает финалия *-яха*, типичная для ненецкого наименования рек [4, с. 363].

Если принять версию о происхождении единицы «каралька» через сложение двух слов, данную лексему можно, вероятно, считать родственной и диалектной единице *каракло* в значении ‘изгиб реки’: *А кривая речька, фсяким зигзагам, туде каракло, и сюда каракло, такие раздвоины*. Ср. эстонское *kaar*: *jõgi teeb kaare* — река образует дугу [24, с. 250].

Таким образом, при этимологическом анализе единицы удастся проследить ее связь с языками уральской семьи. Вместе с тем наблюдение за актуальными контекстами доказывает, что в настоящее время в омском региолекте единица не связывается с наименованием именно водных объектов.

Схожее расширение семантики, как в случае лексемы «каралька», наблюдается и при рассмотрении единицы *хахаряшки* (варианты написания — *хахряшки*, *хохряшки*, *хахоряшки*, *хохаряшки*, *хохоряшки*). По данным «Словаря современного русского города», слово обозначает ‘домашний скарб, вещи’: *Хахаряшек у нее целый шкаф! Подбери свои хахаряшки! А квартира вся хахаряшками заставлена!* [32, с. 525]. Однако актуальные контексты подобное толкование не подтверждают. В настоящее время единицей «хахаряшки» омичи обозначают мелкий мусор, что-то ненужное или лишнее и имеющее, как правило, округлую форму: «*Ну ты че, зато какое бахатство — струйная печать на портянке из винила. Главное — чтоб фон фиолетово-розовый и хахаряшек побольше натыкали*»; «*Вот купленная сегодня сметана, чуть гуще воды и с хахаряшками*». Частотными оказываются и контексты, в которых «хахаряшками» называют помехи на дороге, препятствующие движению: «*Молодец мужик, хоть снег чистит и хахаряшки на дорогах*»; «*Нет там дороги: 4 км от Саргатского асфальт, а потом латки, ямы, хохоряшки*».

В то же время единица встречается как обозначение продукта питания. Например, нами зафиксированы следующие контексты: «*К чаю быстро хахаряшек наделаю*», «*Целая гора хахаряшек со стакана кефира*», «*Крохотные пончики к чаю, с забавным названием „хахряшки“, сделанные на кефире, умиляют и приводят в восторг*» и под. В данных

контекстах лексема обозначает небольшое хлебобулочное изделие, приготавливаемое, как правило, на кефире.

Возможны также и некоторые окказиональные преобразования семантики при использовании данного слова. Так, в нескольких омских интернет-обсуждениях находим: «Я пришла нормальных мужиков *от хахаряшек* отделять», «Вкусняшек наготовила, пришла мужиков *от хахаряшек* сортировать».

В упомянутом ранее словаре «Слова Сибири и Дальнего Востока» фиксируются также близкие толкования, хотя и значительно сужающие семантику лексем в целом: ‘мелкие детали в швейном деле; кусочки снега, оставшиеся на одежде’ — *Стряхни хохряшки с пальто!* [27] Говорить об истинности или ложности значений, сформулированных таким образом, не представляется возможным, поскольку территория бытования лексем в описанном значении составителями не приводится. Однако, как видим, и первое, и второе определение единицы в словаре в целом подходит под общее толкование (‘мелкий мусор’), предложенное нами ранее на основании актуальных контекстов.

В «Словаре современного русского города» указано, что лексема существует лишь в формах мн. ч., однако нами зафиксированы контексты, не подтверждающие это суждение: «*Эта хахаряшка сколько стоит?*», «*Нет, по-моему, от этой хахаряшки-мазды ниче не осталось, гнилушка*», «*Я в Новый год еле удержала свою хахаряшку* (имеется в виду небольшая собака — Д. Б.). *Откуда только силы у них берутся вырваться...*». Следовательно, можно говорить о некотором изменении единицы региолекта и в грамматическом отношении.

Точно установить, как возникла лексема, затруднительно. Однако обратим внимание на то, что существует ряд диалектных слов с элементом *-хахар-*, *-хахор-* и под., которые оказываются семантически близки единице «хахаряшка». Например, в толковом словаре В. Даля находим: *хахорный* — арх. плохой, ветхий, негодный. *Хахорье* ср. собирает. всякий домашний скарб, бутор, шарабара, *хяхря* — во-сиб. чумичка, замарашка, грязнушка, неопрятный оборванец [21, с. 543]. В «Русском диалектном этимологическом словаре» С. А. Мызникова также фиксируется единица *харахур* — ‘тряпки’ (ср. азерб. *хырда-хуруш*, *хырда-мырда* ‘мелочь, тряпки’) [24, с. 844].

Таким образом, подтверждаются не только диалектные корни этого слова, но и изменения в семантике единицы, происходящие уже, по всей видимости, непосредственно в региолекте.

Несколько изменяется семантика при переходе из диалектной речи в региолектную и у лексем *кильдѳм*. В «Словаре современного русского города» значение единицы определено как ‘чулан, кладовка’: *Принеси из кильдыма стул* [32, с. 195]. Актуальные контексты подтверждают данное толкование: «*У меня одна мысль: я бы там не то что покупать не стала, а даже посуточно снимать. В такой кильдым идти жить — это пѳсец*» (имеется в виду квартира очень маленького размера, похожая на чулан); «*А еще не у нас не знают слова „кильдѳм“.* Объясняешь вечно, что это кладовка»; «— *Упомянули слово „кильдѳм“.* Я уже подзабыл это слово, так бабушка в мое детство называла кладовку. — *Сергей, даже у нас на работе кильдым есть, так и называем*».

В значении ‘кладовка’, согласно монографии «Опыт аспектного анализа регионального материала», единица «кильдѳм» (авторы приводят написание слова с «и») фиксируется и в Белгородской области [13, с. 38]. Можно предположить, что лексема проникла в речь сибиряков вследствие внутренней миграции населения, однако данный вопрос требует дополнительного исследования и обращения к историческим материалам.

Интересно, что в словаре «Слова Сибири и Дальнего Востока» приводится иное толкование единицы: ‘полный беспорядок; сарай для рыбалки, лодочной утвари, а также закуток для вещей’. — *Ты чего здесь кильдым устроил?* [27] На комментарий пользователя от 05.10.2023 о том, что в Томске «кильдѳмом» называют не беспорядок, а «кладовку в подъезде», администрация сообщества «I’m Siberian» в социальной сети «ВКонтакте» отвечает: «*Все верно — кильдымом назывался сарай для лодок (с большим беспорядком*

внутри), затем стала называться и кладовка с таким же беспорядком, и уже потом слово стало нарицательным». Не принимая во внимание некоторые терминологические неточности, обратимся к последовательности метафорического переноса в семантике, приводимой администрацией указанного интернет-сообщества: *сарай* — *кладовка* — *беспорядок*. И хотя последнее определение не подтверждается омским региолектным материалом, на то, что ранее данное слово действительно могло обозначать сарай, указывают предположительно родственные слова *кильдѣм* и *кильдима*.

В «Словаре русских народных говоров» находим, что в диалектном языке слово *кильдѣм* может означать ‘публичный дом’ (в Саратовской, Пензенской и других областях, согласно пометам словаря), ‘избу, в которую собирается молодежь на посиделки’ (Вятская губерния, ныне часть территории Кировской области и большая часть Республики Удмуртия), ‘небольшой домишко’ (уральское) [29, с. 210]. Лексема же *кильдима*, согласно тому же словарю, обозначает ‘хижину, избенку’ и зафиксирована на территории Иркутской области [29, с. 210].

При этом в этимологическом словаре С. А. Мызникова высказано предположение, что рассматриваемая пара лексем имеет тюркское происхождение, хотя и напрямую возводить их к татарскому *kildim* (1-е л. ед. число прош. вр. от *kil-* ‘приходить’), по замечанию автора, не следует. Эту же точку зрения разделяют некоторые другие ученые: М. М. Сывороткин считает, что в основе лексемы лежит тюркский корень *-ил-, -кил-* [15, с. 264]; в «Словаре шахтерской лексики (Пермский край, XX век)» И. А. Подюкова указано, что «кильдѣм» в значении ‘небольшой склад, каптёрка, место отдыха шахтёров’ также «считается тюркским заимствованием» [25, с. 89], топоним «Кильдим» («местечко в селе Троицкое Башмаковского района, в долине реки Орьёв, рядом с лесом») М. С. Полубояров объясняет как слияние чувашского *келета* (‘молельня, священная’) и буртасского *дим* (‘речка’) [26, с. 102]. Однако отметим, что единица в значениях ‘попойка, разгульное веселье’, ‘сборище, сброд’, ‘отсутствие или нарушение порядка, беспорядок’ зафиксировано и в «Словаре донских говоров Волгоградской области» [28, с. 244].

Паре лексем «кильдѣм» и «кильдима» близко по значению оказывается слово *кѣлья* — ‘изба, в которой происходили посиделки молодежи’: — *Тут вот три было кельи. Вот в дамах и ребята прихадили, в дом, и атдыхали все вместе; ‘помещение, в котором молодежь в деревне собирается на вечеринки посиделки’ В кельях всю зиму танцуем вяжем, ребята придут с гармошкой.* При этом значение ‘развратный дом’, согласно словарю, возникло в результате недоразумения: ср. чувашское *кил* ‘жилище (двор), дом, подворье’ [24, с. 298–299].

Сами же омичи «ощущают» тюркское происхождение рассматриваемой лексемы: так, в некоторых интернет-обсуждениях жители утверждают, что слово было заимствовано из казахского (поскольку Омская область расположена рядом с Казахстаном, возникновение такого предположения логично), но убедительных аргументов в качестве обоснования своей позиции не приводят.

Таким образом, в омском региолекте у слова «кильдѣм» наблюдается некоторый семантический сдвиг: от общего значения ‘здание’ / ‘пристройка’ до ‘место в доме, небольшая комната’ (уже — ‘кладовка’).

Незначительные изменения при сравнении диалектного и региолектного употребления отмечены и у лексемы *рям*. Согласно «Словарю русских народных говоров», единица фиксируется на территории Омской, Новосибирской областях, Пермской крае и некоторых других регионах в следующих значениях: 1. ‘болотистое или низкое место, болото, поросшее мелкими деревьями, кустарником’ (*В ряму-то смородину брали*), 2. ‘мелкий сосновый лес, кустарник, растущий на болоте’ (*Рям там клюква, брусника, и всегда вода есть, все вместе рям*) [31, с. 350]. В «Словаре современного русского города» приводится уже одно значение данной лексемы: ‘лес с болотами по берегу реки’ *Отправились в рям за клюквой. Наши в рям пошли за шишками* [32, с. 461]. При этом любительский словарь «Слова Сибири и Дальнего Востока» дает схожее толкование

(‘топкое место’), но значительно сужает ареал распространения единицы, сводя его исключительно к Томской области. Кроме того, в качестве иллюстрации приводится не существительное «рям», а образованное от него прилагательное «рямовый» (*Там рямовое болото!*) [27], примеры употребления которого в региолекте г. Омска нам не встретились.

Актуальные контексты подтверждают, что «рям» по-прежнему обозначает какую-то лесисто-болотистую местность: *«Долгое время жила в деревне ... и, знаете, никогда их (медведей — Д. Б.) не боялась. Они не ходят в деревню! И сколько случаев было, что некоторые с ними в ряму сталкивались и без происшествий...»*, *«В рям только в сапогах езжу»*, *«Как выходные или праздники, начинаются ночные гонки по лесам! Бедная живность, им от снегохода не уйти, если только в ряму»*.

Однако один из пользователей, например, уточняет значение: *«Рям — это небольшой болотистый лес, где живут змеи»* (выделено нами — Д. Б.). Подобное уточнение, вероятно, возникло по причине того, что в болотистой местности омичи действительно нередко обнаруживают змей, что подтверждают контексты: *«Это еще мало, я в ряму осенью на гнездовье попал. Там штук 100 было, грелись перед зимовкой на деревьях, на земле»*, *«Змеи там всегда водились, и не в малых количествах! Гадюк что в ряму, что в селе хватало»*.

Грамматических же изменений в употреблении данной лексики не обнаружено: ее использование по-прежнему возможно как в ед. ч., так и во мн. ч.: *«Местные ориентируются более-менее, там много болот, рямов»*.

Вероятно, лексема этимологически близка таким диалектным единицам, как «ряминщина», «ряменщина» со значением ‘мелкое болото’, ‘топкое место на краю болота’ (Пудожский район, республика Карелия), «рём» — ‘лес на болоте’, ‘мрачный лес, дебри’, ‘болото’, «рем» — ‘болото’ (оба слова в том или ином из приводимых значений отмечены на территории Архангельской области) [24, с. 700]. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, возможно карельское (rieme — ‘болото, поросшее лесом’) или финское (räme — ‘то же’) происхождение единицы [33, с. 537]. Однако необходимо отметить, что лексема фиксируется и в других славянских языках: ср. белорусское «рым» ‘болото, топкое место’, украинское диалектное «рим» ‘яма с водой’, ‘лог, залитый водой’, ‘глубокий ров’ [35, с. 235]. При этом авторы «Этимологического словаря белорусского языка» («Этымалагічны слоўнік беларускай мовы») допускают предположение, что лексемы связаны с польским «гута» (‘насморк’), чешским gúta (‘то же’), которые считаются заимствованиями из французского: «ghume» — ‘простуда» [35, с. 235].

Схожее изменение обнаруживается и при анализе слова *лы́ва*. Так, согласно «Словарю русских народных говоров», лексема на территории Сибири обладает следующими значениями: 1. ‘лу́жа’, 2. ‘яма с водой, яма’, 3. ‘низкое, сырое, не просыхающее место в лесу, на лугах и т. п.’ (напр., — *Почему это место не спажано? — Дак лы́ва тут, как ее пахатъ-то*). В отдельных значениях единица фиксируется также на более узких территориях: например, в Томской области «лы́ва» обозначает и ‘топкое место в болоте, трясину» [30, с. 216]. В «Словаре современного русского города» фиксируется уже, как и в случае слова «рям», лишь одно значение единицы — ‘лу́жа’: *У меня на огороде большая лы́ва от дождя. После дождя такие лы́вы кругом!* [32, с. 262]. В том же значении лексема приводится в словаре «Слова Сибири и Дальнего Востока»: *После дождя лы́вы на всю улицу!* [27].

Актуальные контексты подтверждают толкование, приводимое последними двумя источниками: *«Ну вот теперь и пыль не нравится, верните грязь и лы́вы!»*, *«Просто вчера там проезжали на маршрутке и одна пожилая дама еле-еле к нам забралась по этим лы́вам»*, *«На кой черт лез-то в эту лы́ву?»* При этом, как видим, по-прежнему отмечаются словоформы как ед. ч., так и мн. ч.

В этимологическом словаре М. Фасмера приводится вариант лексемы «лыва» — «лива». Предполагается, что слово так же, как и «рям», заимствовано из финского или карельского языка, где «liiva» — «ил, тина» [34, с. 539].

Необходимо отметить, что расхождение в семантике диалектной и региолектной единицы происходят не всегда. Например, словом *бекарас* (варианты написания — *бекорас, бикарас, бикорас*), по данным «Словаря современного русского города», омичи обозначают то или иное насекомое [32, с. 29]. В настоящее время также фиксируем следующие контексты: «Ты даже представить не можешь, сколько мух и водных бикарасов съели эти бычки»; «Ох, сколько тут энтомологов в группе оказывается. Автор, надо было зафотать бикарасов, тут бы такая дискуссия развернулась»; «Да это лампа, висит в целях, чтобы летом овощи бикарасы не объедали» — как видим, толкование, приведенное в словаре, подтверждается.

Вместе с тем в словаре «Слова Сибири и Дальнего Востока» семантика единицы, наоборот, несколько сужена: «мелкие ползающие насекомые» — *Смотри, сколько бикарасов на березе!* [27] При этом фиксируется лишь форма мн. ч., тогда как в актуальных контекстах встречаются употребления и в форме ед. ч.: например, «В орехах часто заводится какой-нибудь бикарас, надо чаще перебирать».

На диалектное происхождение единицы «бекарас» указывает ряд слов со схожей структурой и семантикой. В «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина: находим: бекас II «насекомое»: бикас — противна мошка, кусуча ... // Едва ли отделимо от букáха, букáшка «всякое мелкое насекомое» ... букáстая «жучок, букашка» [20, с. 55]; бикарас «нелетающее насекомое» ... // Ср. букáрица «насекомое, жучок, букашка» ... букáрь «насекомое» ... букáшка и др. Слово б°, воз-можно, из *букарас, произв. с суфф. -ас. [20, с. 181]; букáра «букашка» ... букарага «то же»..., букарака «большое насекомое»..., букарашка «насекомое, букашка»... и др. [20, с. 87].

Итак, единица «бекарас» демонстрирует устойчивость исходного диалектного значения при переходе в региональную городскую речь. В речи омичей лексема по-прежнему обозначает насекомое, что соответствует словарным фиксациям, а имеющиеся расхождения в источниках касаются лишь второстепенных признаков (размер, способ передвижения насекомого) или набора грамматических форм.

Заключение. В ходе исследования на основе данных лексикографических источников были установлены диалектные значения лексем «каралька», «хахаряшки», «кильдым», «рям», «лыва», «бекарас». Зафиксированы актуальные значения и контексты употребления указанных единиц в современной речи жителей Омска с использованием материалов интернет-коммуникации. Сопоставление словарных материалов с актуальными контекстами позволило установить, что переход диалектных единиц в речь жителей города сопровождается семантическими и грамматическими изменениями, характер которых варьируется в зависимости от конкретной лексемы, причем эти изменения не всегда отражаются даже в словарях речи региона. Комментарии же в региональных интернет-сообществах позволяют наблюдать за процессом семантического освоения слов диалектного происхождения в речи современного городского жителя.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением привлекаемого к анализу материала, уточнением вопроса о миграционных процессах в регионе, обращением к устной речи жителей Омска с целью верификации выводов, полученных по данным интернет-коммуникации. Кроме того, дальнейшего изучения требует вопрос о динамике семантических изменений рассматриваемых единиц, а также о степени их узнаваемости и частотности употребления среди разных возрастных и социальных групп городского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева, И. А. Топонимика Западной Сибири / И. А. Воробьева. — Томск: Издательство Томского университета, 1977. — 152 с.

2. Гайдамак, Н. А. Диалектизмы как составная часть народно-разговорной речи современного города (на материале речи жителей г. Омска): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гайдамак Наталия Алексеевна. — Барнаул 2003. — 23 с.
3. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 457 с.
4. Дульзон, А. П. Дорусское население Западной Сибири / А. П. Дульзон // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Материалы пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март 1960. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1961. — С. 361–371.
5. Казяба, В. В., Попов Р. В. Региолектная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации / В. В. Казяба, Р. В. Попов // Вопросы лексикографии, 2024, № 34. — С. 62–82.
6. Коготкова, Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. — М.: Наука, 1979. — 335 с.
7. Кошарная, С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 2017, № 14 (263). — С. 14–25.
8. Малахов, А. С. Русская диалектология: языковые особенности русских говоров : учеб. пособие / А. С. Малахов, К. М. Богрова. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. — 272 с.
9. Матвеева, И. В. Анализ пересечений в регионально окрашенной лексике территориальных единиц Западной Сибири / И. В. Матвеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2023, № 11. — С. 3915–3923.
10. Матвеева, И. В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска): дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Матвеева Ирина Владимировна. — Новосибирск, 2021. — 243 с.
11. Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям : коллективная монография / Отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. — Москва: ИНИОН РАН, 2025. — 455 с.
12. Овчинникова, З. О. Некоторые проявления региональных маркеров языковых явлений в сетевой коммуникации / З. О. Овчинникова // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2026, № 1. — С. 264–276.
13. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) : коллективная монография / Под ред. Т. Ф. Новиковой. — Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. — 228 с.
14. Супрун, В. И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. — Донецк: фолиант, 2018. — 265 с.) / В. И. Супрун // Неофилология, 2020, № 24. — С. 836–845.
15. Сывороткин, М. М. Система адаптации заимствованной лексики тюрского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона: дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.20 / Сывороткин Михаил Михайлович. — Саранск, 2005. — 523 с.
16. Теркулов, В. И. Локальное, региолектное и общезыковое в региолекте / В. И. Теркулов // Слово. Текст. Контекст, 2023, № 4 (16). — С. 7–17.
17. Теркулов, В. И. О понятии «региолект» / В. И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д: Филология и психология, 2018, № 3–4. — С. 5–16.
18. Теркулов, В. И. Понятие «региолект» / В. И. Теркулов // Донецкий региолект : монография / Под ред. В. И. Теркулова. — Донецк: ООО «НПП «Фолиант», 2018. — С. 8–23.
19. Филин, Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания, 1966, № 4. — С. 31–44.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе — болдыхать) / А. Е. Аникин / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 344 с.
21. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. Р-V. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1982. — 683 с.
22. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. / В. С. Елистратов. — М.: Русские словари, 2000. — 694 с.
23. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань: Пилигрим, 2010. — 486 с.
24. Мызников, С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов / С. А. Мызников. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 1076 с.
25. Подюков, И. А. Словарь шахтерской лексики (Пермский край, XX век) / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых. — СПб.: Маматов, 2025. — 240 с.
26. Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики / М. С. Полубояров. — М.: ЗАО «ФОН», 2010. — 224 с.
27. Слова Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://imsiberian.com/slova> (дата обращения: 01.04.2026).

28. Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун. — Волгоград: Издатель, 2011. — 704 с.
29. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Калун — кобза / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, 1977. — 362 с.
30. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Леснокаменный — масленичать / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, 1981. — 384 с.
31. Словарь русских народных говоров. Вып. 35. Реветь — рящик / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 2001. — 360 с.
32. Словарь современного русского города: Ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б. И. Осипова. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — 565 с.
33. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 (Е — Муж) / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1986. — 672 с.
34. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3 (Муза — Сят) / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — 832 с.
35. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 11. Р — С / Рэд. Г. А. Цыхун. — Мінск: Беларус. навука, 2006. — 333 с.

REFERENCES

1. Vorobyeva, I. A. (1977). Toponimika Zapadnoi Sibiri [Toponymy of Western Siberia]. Tomsk University Press. (In Russian).
2. Gaidamak, N. A. (2003). Dialektizmy kak sostavnaya chast narodno-razgovornoj rechi sovremenno goroda (na materiale rechi zhitelej g. Omska) [Dialecticisms as a component of the vernacular speech of the modern city (based on the speech of residents of the city of Omsk)]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences, Barnaul, 2003, 23 p. (In Russian).
3. Gerd, A. S. (2005). Vvedenie v etnolingvistiku: kurs leksii i khrestomatiya [Introduction to ethnolinguistics: A course of lectures and a reader]. St. Petersburg University Press. (In Russian).
4. Dulzon, A. P. (1961). Dorusskoe naselenie Zapadnoi Sibiri [Pre-Russian population of Western Siberia]. Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Trudy konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy plenarnogo zasedaniya i sektsii istorii dosovetskogo perioda, arkheologii i etnografii. Mart 1960 [Issues in the History of Siberia and the Far East: Proceedings of the Conference on the History of Siberia and the Far East. Materials from the Plenary Session and the Section on the History of the Pre-Soviet Period, Archaeology, and Ethnography. March 1960], Novosibirsk, 361–371. (In Russian).
5. Kazhaba, V. V., & Popov, R. V. (2024). Regiolektная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации [Regiolect lexicography: Problems and their solutions in the digital age]. Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography], 34, 62–82. (In Russian).
6. Kogotkova, T. S. (1979). Russkaya dialektная лексикология (sostoyanie i perspektivy) [Russian dialectal lexicology (state and prospects)]. Nauka. (In Russian).
7. Kosharnaya, S. A. (2017). Regiolekt Belgorodchiny kak lingvokulturnoe obrazovanie [The Regiolect of Belgorod Region as a Linguocultural Formation]. Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya [Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics], 14 (263), 14–25. (In Russian).
8. Malahov, A. S. (2021). Russkaya dialektologia: yazykovye osobennosti russkih govorov [Russian Dialectology: Linguistic Features of Russian Dialects]. Publishing House of VISU. (In Russian).
9. Matveeva, I. V. (2023). Analiz peresechenii v regional'no okrashennoi leksike territorial'nykh edinit Zapadnoi Sibiri [Analysis of intersections in regionally marked vocabulary of territorial units of Western Siberia]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 11, 3915–3923. (In Russian).
10. Matveeva, I. V. (2021). Tipologiya regionalizmov i ih leksikograficheskaya interpretatsiya (na materiale leksiki g. Novosibirsk) [Typology of Regionalisms and Their Lexicographic Interpretation (Based on the Vocabulary of the City of Novosibirsk)] Abstract of the dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences, Novosibirsk, 243 p. (In Russian).
11. Potapov, V. V., & Kazak, E. A. (Eds.). (2025). Novyi regionalizm: ot traditsionnykh form dialektov k novym realiyam [New regionalism: From traditional forms of dialects to new realities]. INION RAN. (In Russian).
12. Ovchinnikova, Z. O. (2026). Nekotorye proyavleniya regional'nykh markerov yazykovykh yavlenii v setevoi kommunikatsii [Some manifestations of regional markers of linguistic phenomena in online communication]. Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 1, 264–276. (In Russian).
13. Novikova, T. F. (Ed.). (2011). Opyt aspektного analiza regional'nogo yazykovogo materiala (na primere Belgorodskoi oblasti) [An experience of aspectual analysis of regional linguistic material (based on the Belgorod region)]. BelGU. (In Russian).
14. Suprun, V. I. (2020). Regiolekt vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (razmyshleniya po povodu knigi: Doneczkiy regiolekt: monografiya / pod red. V.I. Terkulova. — Doneczk: foliant, 2018. — 265 s.) [Regiolect vs Dialect: New Quests of Ethnolinguists (Reflections on the Book: Donetsk Regiolect: A Monograph edited by V.I. Terkulov)]. Neofilologiya [Neophilology], 24, 836–845. (In Russian).

15. Syvorotkin, M. M. (2005). Sistema adaptatsii zaimstvovannoy leksiki tyurskogo i finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v sovremennykh russkikh govorakh Oksko-Volzhsko-Surskogo regiona [The system of adaptation of borrowed lexicon of turkic and finno-ugric origin in modern russian dialects of the Oka-Volga-Sura region]. Dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences, Saransk, 523 p. (In Russian).
16. Terkulov, V. I. (2023). Lokal'noe, regiolektnoe i obshcheyazykovoe v regiolekte [Local, regiolectic and general linguistic in regiolect]. Slovo. Tekst. Kontekst [Word. Text. Context], 4(16), 7–17. (In Russian).
17. Terkulov, V. I. (2018). O ponyatii "regiolekt" [About "Regiolect" notion]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Ser. D: Filologiya i psikhologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 3–4, 5–16. (In Russian).
18. Terkulov, V. I. (2018). Ponyatie regiolekt [The concept of "regiolect"]. Doneckij regiolekt [Donetsk regiolect: a monograph]; edited by V.I. Terkulov. Publishing house of NPP Foliant LLC (In Russian).
19. Filin, F. P. (1966). K probleme sotsial'noi obuslovlennosti yazyka [On the problem of social conditionality of language]. Voprosy yazykoznaniya [Topics in the study of language], 4, 31–44. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2026 г.

D. S. Baidala, I. Yu. Shishlova

WORDS OF DIALECTAL ORIGIN IN THE MODERN OMSK REGIOLECT

The article examines words of dialect origin used in the Omsk regiolect. The aim of the study is to identify the nature of semantic changes that dialectal words undergo when transitioning into regional urban speech. The material consists of user comments from Omsk online communities on the social network VKontakte. A semantic and etymological analysis of the lexemes "karalka", "khakharyashki", "kildym", "ryam", "lyva" and "bekaras" reveals that the transition of dialect words to a regiolect is accompanied by shifts in their original meanings, as well as grammatical transformations that are not always recorded in dictionaries. The study demonstrates the effectiveness of using online communication to study the current state of regional vocabulary.

Key words: *linguoregional studies, regionalism, dialect, regionalism, dialectalism, etymology, semantics.*

Байдала Дарья Сергеевна.

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация.
Студент 3 курса бакалавриата.
Направление подготовки 45.03.01 Филология,
направленность образовательной программы
«Отечественная филология».
1ORCID 0009-0006-8035-5806.
E-mail: daria.baidala@yandex.ru.

Baidala Daria Sergeevna.

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian
Federation.
A 3rd year undergraduate student.
The field of study is 45.03.01 Philology (Russian
philology).
1ORCID 0009-0006-8035-5806.
E-mail: daria.baidala@yandex.ru.

Шишлова Ирина Юрьевна.

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры отечественной филологии.
2ORCID 0000-0001-8372-5530.
E-mail: shishlovai@gmail.com.

Shishlova Irina Yuriyevna.

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian
Federation.
Candidate of Philology, Associate Professor
of Department of Russian Philology.
2ORCID 0000-0001-8372-5530.
E-mail: shishlovai@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.20475396

О. А. Димитриева, Д. Е. Фролова © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

¹ORCID 0000-0003-2734-640X²ORCID 0009-0008-9759-8155

ОГОВОРКА ПО ФРЕЙДУ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена изучению функционирования фразеологической единицы *оговорка по Фрейду* в современном русском языке. Материалом для исследования послужили 97 фрагментов, извлеченных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и с интернет-сайтов (в частности, новостного портала «Коммерсантъ»). Основными методами исследования являются семантический и контекстуальный анализ, частично статистический метод. Выявлено, что в процессе освоения психологического термина происходит его фразеологизация. Воспроизводимость и устойчивость лексической единицы подтверждается в активном ее употреблении, участии выражения в языковой игре (расширении состава, замене одного из компонентов), комическом обыгрывании его значения. Уделяется внимание исследованию контекстуального окружения фразеологизма *оговорка по Фрейду*. Во-первых, определяется сочетаемость выражения в позиции субъекта (*случиться, произойти* и др.), прямого объекта (*допустить, сделать*) и предиката. Во-вторых, определяются частотные местоимения (*эдакий, такой*) и прилагательные (*классический, типичный, большой, очередной*). В-третьих, отмечаются средства выражения модальности.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологические инновации, фразеологическая неология, неофразеология, русская лингвокультура, лингвокультурология.

Для цитирования: Димитриева, О. А. *Оговорка по Фрейду* в современной русской лингвокультуре (по данным Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) / О. А. Димитриева, Д. Е. Фролова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 15–22. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20475396>.

Введение. В. М. Мокиенко пишет, что «наиболее общей доминантой современного состояния русского языка <...> следует признать его *интенсивную динамизацию*», которая проявляется в трех основных тенденциях: «неологизации (новеллизации), экспрессивизации, демократизации» [5, с. 22]. Современный русский язык активно пополняется новыми терминами из разных научных областей. Так, частотное употребление понятий из психологии, таких как *закрыть геитальт, стать / явиться триггером* чего-л., *испытывать экзистенциальный кризис, оговорка по Фрейду* и мн. др., становятся визитной карточкой современного публицистического дискурса и способом интерпретации актуальных событий действительности. Как отмечает Е. В. Ганапольская, основной целью неологии как науки является «изучение языковых изменений, наблюдаемых в данный момент», описание материала в его «живом функционировании», т. к. новые единицы, «становясь частью системы языка, функционируя в ней, с одной стороны, подпадают под действие законов, существующих в этой системе в данный момент, а с другой — изменяют саму эту систему» [2, с. 184]. Такой относительно новой единицей является выражение *оговорка по Фрейду*, которое активно функционирует в языке и становится частью его системы.

Целью работы является описание функционирования фразеологической единицы *оговорка по Фрейду* в современном русском языке. **Объектом исследования** является

новая фразеология, процесс трансфера (или перепрофилирования) научных терминологических выражений в повседневное употребление, а **предметом** — особенности адаптации «термина» *оговорка по Фрейду* в ненаучном дискурсе, этапы его осмысления. **Методологической** основой исследования послужили работы по новациям во фразеологии петербургской школы проф. В. М. Мокиенко [3, 5–7], а также исследования неологии и неографии ИЛИ РАН (см. [8–9] или [4]). С точки зрения лингвистики выражение *оговорка по Фрейду* упоминается в работе И.С. Балабанович в связи с прецедентным именем Фрейда, автор отмечает устойчивость приведенного выражения и констатирует потерю связи с текстом-источником [1, с. 117].

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченная из Национального корпуса русского языка (газетный и основной корпусы) [14], а также с сайта «Коммерсантъ» [13]. Всего проанализировано 97 словоупотреблений. Первый пример датируется 1994 годом. Основными методами исследования являются методы семантического и контекстуального анализа, на основе которых определяются сочетаемостные характеристики фразеологической единицы *оговорка по Фрейду*, уточняется лексическое значение выражения. Также частично используется статистический метод при подсчете количественных показателей употребления фразеологизма и выявления частотности единиц в его окружении.

Основная часть.

Оговорка по данным словарей

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово *оговорка* имеет следующее значение: «1. Разъяснительное замечание, поправка, дополнение к сказанному <...>; 2. Ошибка в словах; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных» [16, стб. 749]. В «Словаре русского языка» (МАС) *оговорка* имеет схожую дефиницию: «1. Дополнительное замечание, содержащее разъяснение, поправку, ограничение <...>. 2. Слово, фраза, по ошибке, нечаянно сказанные вместо других, нужных <...>» [15, с. 586]. В выражении *оговорка по Фрейду* реализуется второе значение, т. е. «нечаянно сказанные слова вместо нужных». Дополнительный смысл — экспликация тайных мыслей и желаний — «прирастает» за счет введения фамилии австрийского психолога, автора психоанализа, теории бессознательного — Зигмунда Фрейда.

Отметим также, что во фразеологических словарях *оговорка* приводится в сочетании с глаголом *делать / сделать* [17, с. 718]. Наиболее частотным глаголом, сочетающимся с рассматриваемым выражением, является глагол *допустить* (в 11 % от общего числа словоупотреблений), тогда как глагол *сделать* встречается только в 2 % примеров.

Этапы адаптации термина-фразеологизма «оговорка по Фрейду»

1. Оним как указатель «источника сообщения».

В структуре фразеологической единицы содержится отсылка к источнику — Зигмунду Фрейду, автору работы «Психопатология обывательской жизни» (1901), в которой и описывается процесс случайного самовыражения путем оговорок и других действий по ошибке т. п. Сочетание антропонима в дательном с предлогом *по* со значением субъекта мнения может появляться в контекстах в качестве вводного выражения (1) и особо выделяться, например с помощью тире (2):

(1) *В какой-то момент очередные ведущие, вышедшие с дежурными прибаутками на сцену, вынуждены оказались объявить о вручении премии погибшим журналистам. <...> То есть все очень просто — им дали не те конверты. Если наделить коллективное бессознательное всех телевизионщиков какими-то антропоморфными чертами, то можно сказать, что произошла, по Фрейду, значащая оговорка* [Михаил Новиков. Опепятка Тэффи // Газета «Коммерсантъ», 29.05.2007]; (2) *...удивительно, что в книге 25-летнего автора женского пола нет ни слова о имотках. Кажется, эта оговорка — по Фрейду* [Лиза Новикова. Книжки за неделю // Газета «Коммерсантъ», 15.03.2006].

В контекстах наряду с именем психолога З. Фрейда появляются основные понятия, апеллирующие к его теории бессознательного: вводятся прилагательные, в т. ч. и субстантивированные, такие как (*коллективное, культурное*) *бессознательное, тайное*,

неосознанное; глаголы с семантикой раскрытия — *обнаружить, выдавать, вытолкнуть наружу, обнажать, показывать* и т. п. (в качестве субъекта-каузатора названных действий выступает, как правило, *оговорка*); противопоставление «внутреннего» (*мыслей, желаний, страстей*) «внешнему» (*движения-оговорки, речь*):

(3) *Когда впоследствии такой умысел приписывался Бухарину и другим обвиняемым на «больших процессах» 30-х гг., это было со стороны Сталина своего рода фрейдовской оговоркой, обнаружившей его собственные тайные мысли* [Юрий Буртин. Три Ленина // Независимая газета, 20.01.1999]; (4) *И вообще автомобиль — это одна большая оговорка по Фрейду, которая выдает тайные страсти и желания своего владельца* [Игорь Мальцев. Турбонаддув // Журнал «Коммерсантъ Автопилот», 15.11.1996]; (5) *Это соло — почти клинический по точности портрет женщины-девочки, оставшейся наедине с собой. Зигмунд Фрейд был бы доволен: зафиксированы мельчайшие движения-оговорки, самые тайные и неосознанные желания выползли наружу в бесстыдной пластической наготе* [Татьяна Кузнецова. Русский ЦЕХ освоил новую линию // Газета «Коммерсантъ», 09.12.2004]; (6) *На встрече фантастов с рязанскими читателями произошел характерный инцидент. Один писатель допустил «оговорку по Фрейду», начав свою речь со слов о разнице между литературой и фантастикой. <...> Неловкая фраза как будто забылась. Но, полагаю, она не прозвучала бы, не будь мысль о «разнице между литературой и фантастикой» элементом культурного бессознательного* [Елена Сафронова. Фантаст в большой литературе: проблема самосознания // «Октябрь», 2013].

Интересным способом выражение оформляется графически: дается в кавычках либо выражение полностью «оговорка по Фрейду» (примеры 6, 8), либо только вторая часть — «по Фрейду» (примеры 7, 8), что показывает, что автор статьи, с одной стороны, обращает особое внимание на выражение (иногда осмысливаемое и как ироническое), с другой стороны, использует его как термин, не ставший еще широко распространенным, обиходным, как цитирование:

(7) *Общение с журналистами началось с оговорки «по Фрейду»: первая же фраза хореографа — «Я рад приезду в Санкт-Петербург». Сумбур в собственных словах он объяснил неудобством общения на английском и перешел на немецкий, на котором «Москау» прозвучало куда более уверенно* [Виктория Иванова. Нижинский и Малер в лучших традициях Гамбурга // Известия, 04.05.2012];

(8) *Впрочем, многие наблюдатели расценили эти слова президента Саакашвили как «оговорку по Фрейду» — якобы он невольно сказал то, что думает на самом деле* [Президент Грузии *оговорился «по Фрейду»* // Газета «Коммерсантъ», 10.02.2005].

Как видно из приведенных примеров, помимо выражения *оговорка по Фрейду*, появляются его «варианты» *фрейдовская оговорка* (3 % от общего числа примеров), *оговориться по Фрейду* (5 употреблений — 5 %).

2. «Оговорка по Фрейду» в трансформациях.

Дальнейшее употребление выражения в «игровых» контекстах, разноплановых трансформациях подтверждает его устойчивость и воспроизводимость. На основе классификации «авторских» трансформаций фразеологизмов русского языка Н. М. Шанского [11, с. 174–179]) рассмотрим употребление данной единицы.

Во-первых, активное употребление выражения приводит к тому, что в нем заменяется относительно безоценочный компонент *оговорка* диминутивом *оговорочка* (6 % от общего количества):

(9) *Ведь сколько мостов уже возведено на этом кольце: Костомаровский, Новоспасский. Казалось, что и перенос железнодорожных мостов — это тоже «оговорочка по Фрейду»* [Искандер Кузеев. Как выбить пробку // Огонек, №48, 03.12.2006];

(10) *«Это была высказанная вслух мысль о том, что следователь был бы счастлив, если бы Иван заключил соглашение. <...> Источники — это то, что интересует следователя. Но это оговорочка по Фрейду была <...>»* [Иван Сафронов не пошел на сделку со следствием // Происшествия, 28.07.2020].

Во-вторых, расширение состава выражения происходит за счет добавочных характеристик источника оговорки — Фрейда (пример 11) или путем расширения сочинительного ряда, например, *по Фрейду, по Марксу* (пример 12):

(11) *Сорок лет назад я обнаружил, что могу повлиять на то, что происходит у людей дома. Во всей России — от Сибири до Киева (это была не оговорка по его родственнику Фрейду, Геллер не знал, что Киев уже не наш. — «О») — у людей будут летать и сгибаться ложки, часы, которые годами не ходили, пойдут, и будут другие удивительные вещи* [Биг-маг // Журнал «Огонек», 17.08.2008];

(12) *Сравнение Сталина с Тамерланом — явно импровизированное, очевидным образом случайное — можно считать оговоркой по Фрейду или, скорее, по Марксу. Кто такой Тамерлан, значительная часть российского населения попросту не знает* [Тень Тамерлана // Известия, 21.01.2002].

В-третьих, одним из стилистических приемов актуализации фразеологизма является употребление его в контексте с предшествующим однокоренным глаголом:

(13) *Вчера, выступая на международной научной конференции в Тбилиси, президент Грузии оговорился, заявив об «убийстве премьера Зураба Жваниш». Правда, президент тут же поправился, сказав, что имел в виду «смерть Зураба Жваниш». Впрочем, многие наблюдатели расценили эти слова президента Саакашвили как «оговорку по Фрейду» — якобы он невольно сказал то, что думает на самом деле* [Президент Грузии оговорился «по Фрейду» // Газета «Коммерсантъ», 10.02.2005];

(14) *На одной из конференций, посвященных рынку элитной недвижимости, руководитель ведущего риэлторского агентства оговорился, назвав район «золотой мили» «Престиженкой». Оговорка, как принято считать, «по Фрейду»: в слове слились названия двух основных улиц — Пречистенки и Остоженки, образовавших престижное «гетто» столицы* [Александр Шевчук. Патриаршие VS Остоженка // «Дом», 24.04.2013].

В некоторых фрагментах компонент «Фрейд» заменяется другим — новой фамилией, но связь с исходным выражением выявляется в процессе чтения. Так, в статье «Оговорка по Осокину» приводятся курьёзные истории, коллекционируемые ведущим программы «Сегодня» на НТВ Михаилом Осокиным:

(15) — *Они [космонавты] сели на Землю, когда снимали Хрущёва. Космонавты успели все-таки с ним встретиться и буквально через день докладывали уже новому руководству. И получилась оговорка по Фрейду. Вместо традиционной фразы: «Готовы выполнить любое решение правительства» — произнесли: «Готовы выполнить решение любого правительства»* [Огонек, №14, 11.04.2004].

Следует также отметить, что редко встречается замена первого компонента — например, в выражении *опечатка, описка или ляпы по Фрейду*:

(16) *Упоминание уголовного дела о госизмене адвокат называет «очень странной историей» и «опечаткой по Фрейду»* [Четвертый подход к Ивану Павлову // Общество, 22.12.2021];

(17) *Ну так все же: выйдут ли США из НАТО, которую The New York Times только что печатно назвала «Организацией Североамериканского договора»? Описка, что называется, по Фрейду* [А. Шитов. Один против всех, все против одного? // tass.ru 06.04.2026]

В-четвертых, комическое обыгрывание содержания понятия «оговорка по Фрейду», его возможное «наполнение» представлено в следующем анекдоте:

(18) *Доктор! У меня вчера случилась оговорка по Фрейду. Обедаю я с тещей, хочу попросить е` передать масло, а вместо этого говорю: «Какая же ты дрянь! Всю жизнь мне сломала!»* [Закон всемирного остроумия // Журнал «Коммерсантъ Власть», 21.10.2002].

По своему значению фразеологизм *оговорка по Фрейду* в какой-то мере смягчает категоричность полученного высказывания и выполняет роль эвфемизма, но не со стороны говорящего, а напротив, со стороны рецептора, человека интерпретирующего и классифицирующего услышанное. В примере (18) комический эффект воссоздается с помощью соединения двух ролей — говорящего и интерпретатора в одном лице. Он

пытается объяснить грубую оценку тещи нечаянной ошибкой, заменой фразы о передаче масла инвективным высказыванием.

Таким образом, активное игровое употребление выражения и его трансформации (расширение состава, замена компонентов) свидетельствуют об устойчивости и воспроизводимости лексической единицы, что позволяет «присвоить» ему статус фразеологизма.

Сочетаемостьные характеристики

1. В позиции субъекта *оговорка по Фрейду* сочетается с глаголами с семантикой события-факта *случиться* (пример 18), *произойти* (пример 1), *получиться* (пример 15), *иметь место*. В большинстве своем глаголы употребляются в форме прошедшего времени, редко используется настоящее: (19) *Здесь фактически имеет место оговорка по Фрейду, потому что ревизовать минские соглашения стремилась до сих пор именно украинская сторона* <...> [Евгений Снегов. «Такие переговоры возможны только после военного поражения государства» // Радио «Ъ FM», 15.01.2016].

2. В позиции прямого объекта — используются, как правило, глаголы с семантикой совершения действия: *допустить* (пример 6), *сделать*, *оценить*:

(20) *Накануне своего анонсированного визита в Москву Александр Лукашенко дал интервью лучшим силам российской тележурналистики и сделал в нем оговорку по Фрейду* [Небатькины дети // «Ъ», 10.09.2010]; (21) *В зале оценили оговорку по Фрейду (или по Турчаку) и с облегчением засмеялись* [Михаил Зубов. Валентина Матвиенко чуть не ушла в отставку из-за Турчака // Московский комсомолец, 08.11.2017].

3. В позиции предиката — в бытийных предложениях типа *Это была / было / нулевая связка...* (примеры 3, 10, 11).

4. Позицию атрибутива чаще всего занимают определительные, неопределённые и указательные местоимения, такие как *этакий*, *эдакий*, *такой*, *этот*, *какой-то* и др.:

(22) *Впрочем, тема куда более земных ценностей присутствует во многих работах на выставке **этакой оговоркой по Фрейду**, будь то объект «Молчание-золото» Дарьи Татаренко* <...> [Ирина Кулик. Дерзость запустения // Газета «Коммерсантъ», 19.07.2008].

В некоторых высказываниях выражение сочетается с прилагательными со значением «образца» — *типичный*, *классический* и т. п.:

(23) *Многие великие люди всю свою жизнь вели подробные записи, фиксируя каждый прожитый день. Я великий человек, чтобы придавать значение каждому своему впечатлению, но... Ну вот, *slips*, **типичная оговорка по Фрейду**, — вместо «я не великий человек» случайно подумал «я великий человек»!..* [Е. В. Колина. Дневник измены (2011)].

5. В контекстах употребляется большое количество модальных слов и словосочетаний, выражающих разную степень уверенности при выборе названия явления (*конечно*, *возможно*, *кажется*), частиц с различными модальными оттенками (*уж действительно*, *вполне себе*, *всего лишь*, *прямо-таки*, *своего рода*), а также вводных предложений, т.н. «обобщающие «врезки»» (см. подробнее об эгоцентриках [10, с. 46]) (*как говорится*, *что называется*, *считается*, *как принято считать*, *по мнению многих*):

(24) *Был в заявлении госпожи Феры и ещё один примечательный момент — использованное ей слово «союзники» по отношению, в том числе, к Москве. Это **прямо-таки оговорка по Фрейду*** [Максим Юсин. «Москве важно взвесить все плюсы и минусы» // Радио «Ъ FM», 02.06.2020];

(25) *[Координатор по стратегическим коммуникациям в Совете национальной безопасности Белого дома] господин [Джон] Кирби от имени президента США заявляет: "Мы не стремимся к третьей мировой войне. Это имело бы ужасные последствия для Европейского континента". **Как говорится, оговорка по Фрейду**: в Вашингтоне убеждены, что от новой глобальной войны пострадают не США, а их европейские союзники* [Редакция сайта ТАСС: Лавров: Вашингтон заблуждается, что от новой войны пострадают не США, а ЕС // tass.ru, 16.07.2024].

Приведённые эгоцентрики отсылают к общепринятому штампу или клише, его широкую распространённость и общеизвестность.

6. В высказываниях активно используется предлог *вместо*, который эксплицирует собственно ошибку говорящего: интерпретатор, как правило, объясняет, что на самом деле должно быть в тексте. Это может быть:

а) перестановка слов, полностью меняющая смысл сказанного — «*Готовы выполнить любое решение правительства*» / «*Готовы выполнить решение любого правительства*» (пример 15);

б) добавление / вставка частиц, предлогов — *я великий человек / я не великий человек* (пример 23);

в) замена созвучным и актуальным в контексте высказывания: (26) *Особо "отличился" Гордон Браун, который назвал место высадки союзников "Обама-Бич" — вместо Омаха-Бич. Как говорится, оговорка по Фрейду* [Иван Антонов. Как Омаха-Бич превратилась в «Обама-Бич» // Известия, 08.06.2009];

г) иногда культурный фон становится «причиной» оговорки, например, помимо типичной концовки для двух грузинских фамилий имён *Саакашвили* и *Джугашвили*, за второй (фамилией Сталина) стоят определённые коннотации со всеми выходящими отсюда последствиями, что вызвало определённый резонанс со стороны общественности в связи со следующим высказыванием:

(27) *Оговорочку «по Фрейду» допустил президент Польши Лех Качиньский. Возвратившись из Литвы, где он присутствовал на саммите восточноевропейских государств, Качиньский в интервью польскому радио отметил, что находится под большим впечатлением от своей встречи «с президентом Грузии... Джугашвили»* [Семен Шапкин. Саакашвили приняли за Сталина // Комсомольская правда, 18.05.2006].

В основе некоторых понятий лежат определённые сценарии — набор неких типичных инструкций поведения. Например, понятие *толерантность* (от прил. *толерантный* имеет значение «терпимый к чужим мнениям, поведению и т. п.» [12, с. 1327]) исключает использование действия, обозначаемого глаголом *подтолкнуть*, который имеет отрицательные коннотации в мотивирующем глаголе *толкнуть* — *толкать*:

(28) *Интербригады с пейсами и хоругвями по безумному замыслу неизвестных энтузиастов должны решать следующую задачу: «воспитать толерантность и подтолкнуть людей на изучение иных культур». Оговорка по Фрейду: вот именно что подтолкнуть. Толкаешь гастарбайтера — и он тут же начинает изучать русскую культуру* [Добровольный народный ОМОН // Ведомости, 2010.07.28].

Заключение.

Таким образом, в результате проведённого анализа выявлено, что из трёх существующих вариантов употребления выражения — *оговорка по Фрейду*, *фрейдовская оговорка*, *оговориться по Фрейду* — самым распространённым является первое. Выражение может даваться в кавычках как целиком, так и частично — вторая часть, что показывает апеллирование к источнику-термину, его малоосвоенность и в то же время включает его в иронический модус. Единичными являются фрагменты, в которых встречаются следующие слова *опечатка*, *описка* или *ляпы по Фрейду* вместо *оговорка*. В контексте могут осмысливаться понятия теории бессознательного, такие как *коллективное*, *культурное бессознательное*, *тайное*, *неосознанное*.

Активное употребление фразеологизма маркируется словообразовательно (*оговорочка по Фрейду*). Выражение употребляется в позиции субъекта с глаголами *случиться*, *произойти* и др., прямого объекта (*допустить*, *сделать*) и предиката (*это была оговорка по Фрейду*). Частотным является использование разных по семантике местоимений (*эдакий*, *такой*, *этакий*, *какой-то*) и прилагательных (*классический*, *типичный*, *большой*, *очередной*).

В высказываниях распространены различные средства выражения модальности. Эгоцентрики (*как говорится, что называется, считается, как принято считать, по мнению*

многих) в контексте с выражением *оговорка по Фрейд* отсылают к общепринятому клише и свидетельствуют о его распространённости и общеизвестности. Следует также отметить, что в большинстве примеров фразеологизм *оговорка по Фрейд* является результатом «активной деятельности» интерпретатора, который классифицирует услышанное высказывание как нечаянное и непроизвольное, одновременно привнося модус комического или в некоторой степени эфемического в своё мнение о ситуации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабанович, И.С. Прецедентные феномены, связанные с психоанализом, в дискурсе русскоязычных СМИ / И. С. Балабанович // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. — Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2018. — С. 115–119.
2. Ганопольская, Е.В. Неология во фразеологии / Е. В. Ганопольская // Terra Linguistica. — 2010. — №111. — С. 183–189.
3. Идеографическая картина современной фразеологической неологии : Коллективная монография / А.С. Алешин, Х. Вальтер, Е. В. Генералова [и др.]. — СПб. : ЛЕМА, 2025. — 199 с.
4. Козловская, Н.В. Неологизмы терминологической природы в русской оперативной неологии / Н.В. Козловская // LI Международная научная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой : Избранные доклады. — СПб.: СПбГУ, 2025. — С. 138–153.
5. Мокиенко, В. М. Динамические тенденции в современном русском языке / В. М. Мокиенко // Записки Горного института. — 2011. — Т. 193. — С. 21–24.
6. Мокиенко, В. М. Идеографическая картина современной фразеологической неологии / В. М. Мокиенко // LI Международная научная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой : Сборник тезисов. — СПб. : СПбГУ, 2024. — С. 1517–1518.
7. Мокиенко, В. М. Современная славянская неологизация: сходства и различия / В. М. Мокиенко // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : Сборник научных статей. — Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2019. — С. 137–146.
8. Неология. Неология. 2024 : Сборник научных статей. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2025. — 328 с. — DOI 10.30842/294931452025.
9. Столярова, А.Н. Об экстралингвистической обусловленности неологизмов / А. Н. Столярова // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. — 2020. — № 1 (55). — С. 132–136.
10. Уржа, А.В. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков // Филология и человек. — 2019. — № 4. — С. 43–58.
11. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — СПб. : Специальная литература, 1996. — 192 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. — Санкт-Петербург: Норинт, 2000. — 1535 с.
13. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения 02.01.2026).
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 02.02.2026).
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К—О. — 736 с.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. Т. 2. Л—Ояловеть. — 1040 стб.
17. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 832 с.

REFERENCES

1. Balabanovich, I.S. (2018). *Precedentnyye fenomeny, svyazannye s psihoanalizom, v diskurse russkoyazychnykh SMI* [Precedent phenomena related to psychoanalysis in the discourse of Russian-language media]. *Slavyanskiy mir i nacional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoj kommunikacii* [Slavic world and national speech culture in modern communication]. Grodno, Yanka Kupala Grodno State University, 115–119. (In Russian)
2. Ganapol'skaya, E.V. (2010). Neologiya vo frazeologii [Neology in phraseology]. *Terra Linguistica*, 111, 183–189. (In Russian)
3. Alyoshin, A.S., Walter, H., Generalova, E.V. [et al.] (2025). *Ideograficheskaya kartina sovremennoj frazeologicheskoy neologii : Kollektivnaya monografiya* [The ideographic picture of modern phraseological neology : A collective monograph]. SPb., LEMA. (In Russian)

4. Kozlovskaya, N.V. (2025). *Neologizmy terminologicheskoy prirody v russkoj operativnoj neografii* [Neologisms of terminological nature in Russian operational neography]. *LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya imeni L.A. Verbitskoy : Izbrannye doklady* [LI International Scientific Philological Conference named after L.A. Verbitskaya : Selected reports]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, 138–153. (In Russian)
5. Mokienko, V.M. (2011). *Dinamicheskie tendencii v sovremennom russkom yazyke* [Dynamic trends in modern Russian]. *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute], 193, 21–24. (In Russian)
6. Mokienko, V.M. (2024). *Ideograficheskaya kartina sovremennoj frazeologicheskoy neologii* [The ideographic picture of modern phraseological neology]. *LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya imeni L.A. Verbitskoy : Sbornik tezisev* [LII International Scientific Philological Conference named after L.A. Verbitskaya : Collection of abstracts]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 1517–1518. (In Russian)
7. Mokienko, V.M. (2019). *Sovremennaya slavyanskaya neofrazeologiya: skhodstva i razlichiya* [Modern Slavic neophraseology: similarities and differences]. *Slavyanskie lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuuime : Sbornik nauchnykh statej* [Slavic linguistic cultures in the spatial and temporal continuum : A collection of scientific articles]. Gomel, Gomel State University named after Franziska Skaryna, 137–146. (In Russian)
8. Kozlovskaya, N.V. (ed.) (2025). *Neologiya. Neografiya. 2024* [Neology. Neography. 2024 : Collection of scientific articles]. Saint Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
9. Stolyarova, A.N. (2020) *Ob ekstralingvisticheskoy obuslovlennosti neofrazem* [On the extralinguistic conditionality of neophrasemes]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamyakina* [Bulletin of the I.P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University], 1 (55), 132–136. (In Russian)
10. Urzha, A.V. (2019). *Klassifikaciya egocentricheskikh sredstv yazyka skvoz' prizmu analiza perevodnogo narrativa. Funkcional'noe vzaimodejstvie egocentrikov* [Classification of egocentric means of language through the prism of translation narrative analysis. Functional interaction of egocentric people]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man], (4), 43–58. (In Russian)
11. Shansky, N.M. (1996). *Frazeologiya sovremennoego russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. St. Petersburg, Special Literature. (In Russian)

Поступила в редакцию 05.05.2026 г.

O. A. Dimitrieva, D. E. Frolova

**FREUDIAN SLIP IN CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE
(ACCORDING TO THE DATA FROM THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND
INTERNET SITES)**

The work is devoted to the study of the functioning of the phraseological unit Freudian slip in modern Russian. The material for the study was 97 fragments extracted by continuous sampling from the National Corpus of the Russian Language and from Internet sites (in particular, the Kommersant news portal). It is revealed that in the process of mastering a psychological term, its phraseologization occurs. The reproducibility and stability of a lexical unit is fixed in its active use, the participation of an expression in a language game (expansion of the composition, replacement of one of the components), comic playing of its meaning. The contextual environment of the phraseological unit Freudian slip is investigated. Firstly, the compatibility of the expression in the position of the subject (to happen, to happen, etc.), the direct object (to allow, to do) and the predicate is determined. Secondly, frequency pronouns (such, such) and adjectives (classical, typical, large, regular) are determined. Thirdly, the means of expressing modality are noted.

Keywords: *phraseological unit, phraseological innovations, phraseological neology, neophraseology, Russian linguaculture, linguacultural studies.*

Димитриева Ольга Альбертовна.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук, доцент.

ORCID 0000-0003-2734-640X.

E-mail: olgaal_79@mail.ru.

Dimitrieva Olga Albertovna.

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation.

Candidate of Philology, Associate Professor.

ORCID 0000-0003-2734-640X.

E-mail: olgaal_79@mail.ru.

Фролова Дарья Евгеньевна.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация.

Студент 3 курса бакалавриата.

Направление подготовки 45.03.05 Педагогическое образование, профиль «Русский язык и литература».

ORCID 0009-0008-9759-8155.

E-mail: darya.df11@mail.ru.

Frolova Darya Evgenievna.

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation.

A 3rd year undergraduate student.

The field of study is 45.03.05 Pedagogical education, profile "Russian language and literature".

ORCID 0009-0008-9759-8155.

E-mail: darya.df11@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.7

DOI: 10.5281/zenodo.20475490

А. С. Жуйкова, И. Ю. Шишлова © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет»¹ORCID 0009-0005-7757-6475²ORCID 0000-0001-8372-5530

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ОТЕЦ НАЦИИ* В СОВРЕМЕННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются современные контексты употребления устойчивого выражения *отец нации*, собранные на основе материалов Национального корпуса русского языка, СМИ и интернет-источников. Зафиксированные случаи позволяют всесторонне охарактеризовать выражение с точки зрения его номинативного и коннотативного значения, определить его функцию в текстах разной стилиевой принадлежности, установить наличие вариантов, а также выделить особенности графического и пунктуационного оформления. Несвободное значение компонента *отец* в составе выражения, устойчивость и воспроизводимость позволяют отнести его к фразеологии, поэтому в статье определяется место единицы во фразеологической системе русского языка в соответствии с классификацией В. В. Виноградова. Представленные материалы могут быть использованы для дополнения существующих словарей фразеологии или при составлении новых.

Ключевые слова: *отец нации, фразеология, фразеологическая единица, фразеография, лексикография, устойчивое выражение.*

Для цитирования: Жуйкова, А. С. Фразеологизм *отец нации* в современном употреблении / А. С. Жуйкова, И. Ю. Шишлова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 23–30. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20475490>.

Введение. Одной из актуальных задач лексикографии и фразеографии является фиксация всех активных процессов языка в общих и специальных словарях и научное осмысление новых языковых фактов. При этом традиционные словари не всегда успевают фиксировать все изменения, происходящие в языке [9, с. 94]. В связи с этим возникает необходимость в проведении специальных исследований в жанре «лексикографического портрета», посвящённых изучению отдельных слов и устойчивых сочетаний с момента их появления в языке до актуального состояния. Современная лексикография все чаще обращается к методу лексикографического портретирования, позволяющему представить языковую единицу на фоне полного набора лингвистических параметров [1, с. 55–59; 10, с. 62]. Предметом таких исследований становятся как новые для языка слова и устойчивые выражения [2; 5 и др.], так и давно существующие, но не получившие полного лексикографического описания (либо недавно актуализировавшиеся) [4; 8 и др.]. Такое изучение позволяет дать комплексное описание языковых единиц, проследить изменения в их внешней и внутренней форме, отметить особенности их употребления, включая трансформированное, что в последующем поспособствует включению единиц в словари русского языка.

Целью настоящего исследования является описание фразеологической единицы *отец нации* в современном языке и речи. Для достижения цели ставятся следующие **задачи**: 1) собрать языковой материал, позволяющий проследить историю фразеологизма *отец нации* в языке и отразить особенности его употребления в современной речи; 2) определить место единицы во фразеологической системе; 3) дать толкование фразеологизму

и охарактеризовать особенности его значения в различных контекстах; 4) описать имеющиеся проблемы, связанные с правописанием фразеологизма. Таким образом, **объект** исследования — употребление фразеологизма *отец нации* в речи, а **предмет** — особенности формы, значения и написания выражения в разных контекстах.

Материалы и методы исследования. Отбор материала для исследования был проведён методом сплошной выборки. Источниками послужили материалы Национального корпуса русского языка, материалы СМИ, интернет-сайтов, личных блогов и социальных сетей. Всего было собрано более 200 контекстов фразеопотребления, включающих в себя источники, относящиеся к XVIII–XXI вв. Как современные рассматриваются употребления, относящиеся к 1990–2026 гг. Основными методами в ходе исследования были метод лингвистического описания, метод компонентного и контекстного анализа. Теоретической базой исследования послужили труды исследователей, рассматривающих фразеологию в ее широком понимании (Н. Ф. Алефиренко, В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский и др.). Для характеристики единицы за основу была взята классификация фразеологизмов по степени семантической слитности, предложенная В. В. Виноградовым [3].

Основная часть. Одним из выражений, активно употребляющихся в речи, но ещё не получивших словарной фиксации, является фразеологизм *отец нации*. В русском языке он появляется во второй половине XX в. путём изменения внешней формы выражения *отец отечества*, которое в свою очередь появилось при метафорическом переосмыслении названия особого титула, присваиваемого правителям, имевшим значительные заслуги перед государством. Такой титул присуждался римским правителям, а в истории российского государства исключительным случаем является дарование титула императору Петру I. Позже у выражения возникает переносное значение ‘правитель, власть которого одобряема народом’, которое не подразумевает официального титулования. Именно это значение становится ядерным у новой единицы *отец нации*.

Сочетание *отец нации* является номинативной единицей (относится к именному лексико-грамматическому разряду по классификации А. И. Молоткова, А. А. Хуснутдинова [7; с. 11, 74]), по структуре — словосочетание, состоящее из двух слов, синтаксически связанных отношениями управления. Выражение является устойчивым по составу и структуре и воспроизводится в речи как готовая целостная единица, что позволяет отнести его к фразеологии в широком ее понимании.

Рассмотрим семантическую структуру сочетания *отец нации*. В этом фразеологизме компонент «нация» реализуется в значении ‘исторический сложившаяся общность людей, характеризующая общностью языка, территории, экономических и политических связей, особенностями культуры и психологического склада’ [11, XI, с. 460] или же ‘страна, государство’ [11, XI, с. 460]. Компонент «отец» в составе фразеологизма реализует не прямое метафорическое значение. Значениями, наиболее близкими к тому, в котором оно зафиксировалось в сочетании, являются следующие: «**ОТЕЦ** <...> 3. мн. ч. (отцы, -ов) *чего*. Устар. Наиболее почетные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-л. *Отцы города*. [Чацкий] *Где, укажите нам, отечества отцы, Которых мы должны принять за образцы?* (Грибоедов. *Горе от ума*) <...>» [20, с. 677]; «**ОТЕЦ** <...> 4. Тот, кто заботится о своих подчиненных и т. п.: покровитель, благодетель. <...> // *Только мн.* О лицах, стоящих во главе чего-л., руководящих чем-л. (обычно в возвышенной, торжественной речи или иронически). *Отцы отечества, города и т. п.* [Чацкий:] *Где, укажите нам, отечества отцы, Которых мы должны принять за образцы?* Гриб. *Горе от ума*. *Встревоженный Псков ждет удара... На крепостной стене отцы города — воеводы, владыко — бранят начальника обороны Пскова боярина Твердиду Ивановича*. Павлен. Александр Невский. *Взвился заказчик: — Ты что же, липовая башка, отцов губернии так изобразил! Я тебя закатаю!..* Сбитнев, *Ведомша* <...>» [11, XIV, с. 437–438]; «**ОТЕЦ** <...> 3. Тот, кто заботится о других: покровитель, благодетель (разг. Устар.). *Будьте отец и благодетель*. А. Островский. — *Ты отец. До населенья добр и милостив ты был*. Нкрсв. // *только мн., чего*.

Руководитель, глава (разг. Устар., теперь ирон.). *Где, укажите нам, отчества отцы, которых мы должны принять за образцы?* Грбдв. *Отцы города* (шутл. Ирон. О гласных городских дум до революции) <...>» [22, с. 922]; «**ОТЕЦ** <...> 4. Мн. люди, облеченные властью (устар. и разг.). *Отцы церкви. Отцы города* <...>» [23, с. 436].

Из представленных словарных статей видно, что значение компонента «отец» имеет множество ограничений: морфологических (форма множественного числа) и стилистических (пометы «устар.», «разг.», «ирон.» и др.). Однако в примерах употребления, рассмотренных нами далее, эти ограничения будут отсутствовать: фразеологизм может использоваться в современных текстах разных стилей в форме единственного числа без обязательной и устойчивой коннотации. Таким образом, в составе выражения *отец нации* компонент *отец* реализуется в несвободном значении, то есть ограниченном в своих связях внутренними, семантическими отношениями в рамках данного сочетания.

Из приведенного следует, что фразеологическая единица *отец нации* состоит из двух компонентов: слова «отец» в несвободном переносном значении и слова «нация» в свободном прямом значении. По классификации В. В. Виноградова единица является фразеологическим сочетанием: двусловной фразеологической единицей, имеющей аналитическое значение и состоящей из слова со свободным и слова с фразеологически связанным значением. Аналитичность значения данного сочетания выражается в том, что оно не является идиоматичным, то есть его целостное значение выводится из суммы значений его компонентов.

Во фразеологических сочетаниях слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену. Эта особенность проявляется и у сочетания *отец нации*, что подтверждают примеры, взятые из «Национального корпуса русского языка» [16]: *В конце 2010 года лидер нации Рауль Кастро заявил, что экономика Кубы «висит на волоске» и обнародовал перечень из 178 видов деятельности, которыми теперь можно заниматься частникам.* Д. Соколов-Митрич, *Куба капут* (2012); *На одной из лекций он долго о нем восхищенно говорил, особо подчеркивая его политическое долголетие: сколько лидеров в мире уже сменилось, а де Голь остается главой нации.* В. Алпатов, *Языковеды, востоковеды, историки* (2012); *Необходимо отметить, что сам по себе императив «преодоления» своего прошлого, то есть систематической критики поведения не тех или иных предводителей нации, но нации в целом, и притом в ее собственном самосознании, является вполне новым явлением, для которого нет аналогий во всей человеческой истории.* С. Аверинцев, *Тоталитаризм: ложный ответ на реальные вопросы* (2002); *В одни времена выбирают в депутаты Государственной Думы (парламента, рейхстага) человека, которого в другие времена направили бы на прием к психиатру; явный параноик может стать вождем нации или всего прогрессивного человечества и так далее.* И. Прусс, *Отец, муж, мальчишка* (2010).

Значение фразеологизма *отец нации* в современном русском языке можно определить как ‘мудрый правитель, любимый народом и имеющий значительные заслуги перед государством’. Именно в этом значении выражение реализуется в большинстве контекстов: *В Казахстане первый президент, «отец нации» — Назарбаев — действительно отец нации для казахов, поскольку он ими правит с 1991 года и сделал их независимым государством* [19]; *Очень важно, что президент Владимир Владимирович Путин у власти уже не первый срок. Он стал для нас уже не просто Президентом, а буквально отцом нации и безусловным лидером. Об этом свидетельствует том числе и поддержка россиян на выборах* [24]; *В постсоветскую эпоху азербайджанские художники и скульпторы активно разрабатывали образ Зейналабдина Тагиева, создали ряд интересных произведений. Но полотно кисти И. Бродского, написанное 103 года назад, не утратило своего значения до наших дней. Хотя бы как единственный портрет с натуры человека, за верное служение своему народу еще при жизни заслужившего высокий эпитет «отец нации»* [18].

В разных странах находятся свои отцы нации: политики, являющиеся символом свободы и единства народа, часто — борцы за независимость государства. Так, в различных контекстах отцами нации называют следующих: Гаджи Зейналабдин Тагиев (Азербайджан), Хуан Доминго Перон (Аргентина), Мухаммед Захир-шах (Афганистан), Муджибур Рахман (Бангладеш), Илья Чавчавадзе (Грузия), Давид Бен-Гурион (Израиль), Махатма Ганди (Индия), Нурсултан Назарбаев (Казахстан), Сунь Ятсен (Китай), Карлос Мануэль де Сеспедес (Куба), Вильгельм I Оранский (Нидерланды), Заед бин Султан Аль Нахайян (ОАЭ), Хосе Гаспар Родригес де Франсиа-и-Веласко (Парагвай), Марио Соареш (Португалия), Ли Куан Ю (Сингапур), Джордж Вашингтон (США), Сапармурат Ниязов (Туркменистан), Мустафа Кемаль Ататюрк (Турция), Карл Густав Эмиль Маннергейм (Финляндия), Мери Леннарт (Эстония) и др.

Из всех современных российских политиков отцом нации чаще всего называют В. В. Путина: *Западные СМИ сходятся в оценке «Прямой линии» с президентом России Владимиром Путиным, которая прошла накануне. По мнению журналистов Deutsche Welle, Путин позиционировал себя, как «отец нации», старался вникнуть во все проблемы лично, показывал заботу о россиянах [13]; Очень важно, что президент Владимир Владимирович Путин у власти уже не первый срок. Он стал для нас уже не просто Президентом, а буквально **отцом нации** и безусловным лидером [24].*

Среди других отечественных деятелей звание отца нации в свое время получали: М. С. Горбачев (*Сейчас Михаил Сергеевич сожалеет о времени упущенных возможностей, о том, что многое ему не дали осуществить так, как было задумано. Что в реальности помещало ему удержаться на гребне власти и сохранить имидж «отца нации»?* Положительный итог // «Профессионал», 01.07.1998), И. В. Сталин (*И успешное формирование того, что потом назовут таким вроде бы чуждым для советского сознания словом «культ» — было обусловлено принятием Сталиным роли отца народа, **отца нации**.* А. Святославский. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: взгляд из XXI века (к 80-летию юбилею) (2014)), А. И. Солженицын (*Никому, даже в ту пору, когда Солженицын был **отцом нации**, не пришло в голову поставить фильм по «Архипелагу ГУЛАГ».* Даниил Дондурей, *Кому выгодно безнадега?* (1997)). Сергей Радонежский же назван духовным отцом нации (ФЕ духовный отец + ФЕ отец нации): *16 мая исполнилось ровно 700 лет со дня рождения Сергея Радонежского — человека, вошедшего в историю нашего государства в роли подлинного **духовного отца русской нации** [21].*

Другим вариантом фразеологизма, актуализировавшимся в XX в., является выражение *отец народов*, существовавшее в языке и раньше как калька с латинского, однако теперь оно используется только как «титул» И. В. Сталина [15, с. 469]. Контексты употребления выражения относятся как к советскому, так и к современному времени, нередко — в ироническом контексте. Так, А. И. Солженицын в труде «Архипелаг ГУЛАГ» с насмешкой упоминает «отца народов», по воле которого ужесточаются условия содержания в концентрационном лагере: *Не так было в Особлагах. Выполняя особую волю Отца Народов, лагеря эти оснастили многократно-усиленной охраной и усиленным же вооружением.* А. И. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ* (1958–1968).

В Национальном корпусе русского языка встречаются употребления фразеологизма по отношению к первым лицам государства без указания на их заслуги или народное признание, а только в нейтральном значении ‘правитель’, например: *По-видимому, решение **отцов нации** о валютном коридоре оказало на торговцев парадоксальное воздействие, и они начали поступать прямо противоположно ожидаемому.* Возвращаются долларовые цены // «Эксперт», 25.07.1995.

Фиксируется использование фразеологизма и в ироническом контексте. Так, например, с насмешкой автор в своих дневниках пишет о Б. Ельцине и его несбыточных обещаниях в годы кризиса: *Ничего нового. Одно и тоже, только разные слова, разная идеологическая упаковка. Из вечерних «Вестей» узнали, что президент России, в Нижнем Тагиле будучи, обещал народу по возвращении в Москву немедленно отправить уральцам*

самолетом 20 миллионов рублей на зарплату. С неделю назад он обещал самолет с миллионами в Бурятии. Истинно — **Отец нации** и трудовых масс. Записывать подобное — тоска смертная. Из абсурда — в абсурд, — вот эволюция нашего отечества за последние год-два. И. А. Дедков, Дневник (1992).

Кроме того, есть случаи использования фразеологизма для номинации лиц, не имеющих отношения к политике и власти, однако получающих народную любовь. Так, например, в примере, взятом из Национального корпуса русского языка, отцами нации называют популярных телеведущих: *Особенно этим любят заниматься там, где у плиты стоит повар-телеведущий (повара в Британии — как поп-звезды, из телевизора не вылезают; их кулинарные переживания — популярнейшие передачи, а поваренные книги — национальные бестселлеры). Но если меню этих **отцов нации** вам не подходит, в других ресторанах можно получить столик и за неделю, и за несколько часов.* Путеводитель «Лондон» (2006).

Представленные выше примеры были взяты из публицистики, художественной или эпистолярной литературы. Также фразеологизм может использоваться в научной речи для номинации лидеров харизматического типа: *Твердая рука, приоритет крупных задач госполитики, культ харизматического лидера, ставшего по сути **отцом нации**, — все это было закономерно.* А. Святославский. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: взгляд из XXI века (к 80-летию юбилею) (2014); *В формируемом образе «**отца нации**» слова и поступки лидера не подлежат критике и обсуждению, но в то же время присутствует уверенность, что все действия направлены во благо народа, а смысл правления «отца» — в построении «лучшего будущего»* [14, с. 56]; *Образы китайских политиков как «**отцов нации**» носят идеологизированный характер, призваны сплачивать нацию перед мировыми угрозами и вызовами* [12, с. 287].

В связи с тем, что выражение *отец нации* еще не зафиксировано в словарях русского языка, в текстах разных авторов встречаются различные варианты его написания. Во-первых, существует расхождение, связанное с употреблением прописных и строчных букв. Так, в письменной речи встречаются 3 варианта: а) написание обоих компонентов сочетания со строчной буквы: *Так же происходит и с властью в демократической империи: президент распоряжается жизнью мелкого человека, но не по своей охоте, а как делегированный на эту должность номенклатурой, в то время как номенклатура выбрана народом, а президент является **отцом нации** и руководит выборами в номенклатуру.* М. К. Кантор, Медленные челюсти демократии (2008); б) написание обоих компонентов с прописной буквы: *Ожидаем теперь новые конституционные полномочия Госсовета и статус его руководителя, а также закрепления нового статуса председателя правительства. А после этого можно будет обсудить, на какой из позиций лучше будет выглядеть человек со статусом «**Отец Нации**»* [17]; в) написание компонента «отец» с прописной буквы, а «нация» — со строчной буквы: *С неделю назад он обещал самолет с миллионами в Бурятии. Истинно — **Отец нации** и трудовых масс.* И. А. Дедков, Дневник (1992). В подобных примерах написание прописных букв мотивируется семантикой компонентов: выбор обусловлен тем, что авторы приписывают им особый высокий смысл (как в словах *Бог, Родина, Человек, Учитель* и др.).

Во-вторых, дифференциация в пунктуационном оформлении сочетания связана с (не)выделением кавычками. В текстах разных типов из материалов основного корпуса Национального корпуса русского языка встречается 3 варианта оформления: а) выделение кавычками сочетания полностью: *Отрицание авторитета отца порождает, по его мнению, юношеские экстремистские движения, банды, приверженность мистико-романтическим культам; потребность в таком авторитете — специфическую привязанность к «**отцу нации**».* И. Прусс, Отец, муж, мальчишка (2010); б) выделение кавычками только компонента «отец»: *И в-третьих, возвыситься над всеми слоями общества, проводя политику сглаживания крайностей в материальном и социальном отношении, стать «**отцом**» **нации**.* А. Зиновьев. Русский эксперимент (1995);

в) невыделение сочетания или его компонентов кавычками: *Информация из ряда других источников сомнений почти не оставляет: Саддам Хусейн до переговоров дозрел. Ситуация вынуждает. И даже недавнее триумфальное всенародное «переизбрание» его на пост отца нации желаемой политической стабильности не принесло.* Наталья Калашникова, *Ситуация вокруг иракской нефти* (1996). В этих случаях выделение сочетания или его компонентов кавычками также мотивируется семантикой: постановка этих знаков допустима, если слово или выражение имеет условное значение (ср. «*гвоздь*» программы, «*мозг*» команды и др.).

И все же, языковая система требует единообразности в написании языковых единиц. Вопрос орфографии и пунктуации в границах фразеологизма обозначил А. И. Молотков в своей вступительной статье к «Фразеологическому словарю русского языка» [6]. В ней ученый замечает, что, подчиняя фразеологизм общим для всех языковых единиц правилам орфографии и пунктуации, «мы искусственно воссоздаем у компонентов фразеологизма утраченные признаки слова, искусственно подменяем фразеологизм его этимологическим источником и тем самым затрудняем анализ всего предложения» [6, с. 23]. Таким образом, написание фразеологизма *отец нации* не следует мотивировать общими правилами для всех языковых единиц. Следовательно, чтобы не нарушать целостность структуры внешней и внутренней форм фразеологизма *отец нации*, единообразным его написанием следует признать следующее: все его компоненты пишутся со строчной буквы и не выделяются кавычками.

Заключение. Таким образом, фразеологическое сочетание *отец нации* в современной русской речи активно употребляется в масс-медиа, в художественной литературе и научных работах. Используется выражение в отношении правителей и политиков для подчеркивания их заслуг и народного признания. Встречаются также случаи эмоционально-нейтрального или иронического использования фразеологизма, при котором действия правителя скорее высмеиваются. Несмотря на расхождения в написании выражения, наиболее рациональным является вариант *отец нации* (со строчной буквы и без использования кавычек). Полученные сведения об особенностях значения и формы выражения позволят внести его во фразеологические словари, а приведенные контексты употребления могут стать иллюстративным материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // *Языковая картина мира и системная лексикография* / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]. — М.: Языки славянских культур, 2006. — С. 33–74.
2. Балакай, А. А., Светлова, А. В. Лексикографический портрет слова «мейнстрим» / А. А. Балакай, А. В. Светлова // *Новые горизонты русистики*. — 1(27). — 2022. — С. 3–9.
3. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. — М., 1977. — С. 140–161.
4. Ключина, А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» / А. М. Ключина // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. — 2020. — №4. — С. 37–47.
5. Леонтьева, Т. В., Щетинина, А. В. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // *Научный диалог*. — 2022. — №6. — С. 183–201.
6. Молотков, А. И. Орфография и пунктуация в границах фразеологизма // *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — С. 22–23.
7. *Русская фразеология и фразеология*: К 100-летию А. И. Молоткова / под ред. А. А. Хуснутдинова, Е. Н. Золиной. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. — 312 с.
8. Хуснутдинов, А. А. К истории выражения «и точка» в русском языке / А. А. Хуснутдинов // *Тульский научный вестник*. — Серия История. Языкознание. — 2023. — №1 (13). — С. 126–137.
9. Хуснутдинов, А. А. Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах / А. А. Хуснутдинов // *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета*. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 93–96.
10. Шерстяных, И. В. Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь») / И. В. Шерстяных // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2011. — №2 (14). — С. 62–68.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Большой академический словарь русского языка: в 28 т. / общ. ред. А.С. Герд. — М.: Наука, 2004—2024.
12. Газизов, Р.Р. Специфика медиаобразов национальных политиков в прессе КНР / Р.Р. Газизов, С. Лай // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация, Москва, 20 апреля 2018 года. — М.: Учреждение высшего образования "Московский художественно-промышленный институт", 2018. — С. 285–287.
13. Западные СМИ увидели в Путине «отца нации» // BFM.ru. — Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/214876> (дата обращения: 10.03.2026).
14. Фахрудинова, Э.Р., Чурашова, Е.А. Этическое лидерство: конфуцианство как «мягкая сила» в международном политическом пространстве / Э.Р. Фахрудинова., Е.А. Чурашова // Гуманитарные и социальные науки. — 2025. — Т. 108. — № 1. — С. 53–58.
15. Мокиенко, В. М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок / под. ред. В. М. Мокиенко. — М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 784 с.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.02.2026).
17. О президентском послании и статусе «Отца Нации» // Давыдов.Индекс. — Режим доступа: <https://davydov.in/povestka-messendzhery/o-prezidentskom-poslanii-i-statuse-otca-nacii/> (дата обращения: 10.03.2026).
18. «Отец нации» в красках // Газета «Каспий». — Режим доступа: <https://kaspiy.az/otec-nacii-v-kraskakh> (дата обращения: 10.03.2026).
19. «Отец нации»: Путин выбрал один из трех сценариев передачи власти // INFOX.ru. — Режим доступа: <https://www.infox.ru/news/283/229713-otec-nacii-putin-vybral-odin-iz-treh-scenariiev-peredaci-vlasti> (дата обращения: 10.03.2026).
20. Словарь русского языка: в 4-х томах / под. ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1986. — Т. 2. — 736 с.
21. Стариков, Н. Сергей Радонежский. Отец нации / Н. Стариков // nstarikov.ru. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/sergij-radonezhskij-otets-natsii-41221> (дата обращения: 10.03.2026).
22. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. — Т. 2: Л — Ояловеть. — 1938. — 1039 с.
23. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / под ред. С.И Ожегова и Н.Ю. Шведовой. — М.: А ТЕМП, 2013. — 874 с.
24. Эксперт: «Владимир Путин стал для россиян отцом нации и безусловным лидером» // Управление протокола Администрации Губернатора Камчатского края. — Режим доступа: <https://kamgov.ru/protocol/news/ekspert-vladimir-putin-stal-dla-rossian-otcom-nacii-i-bezuslovnym-liderom-72542> (дата обращения: 10.03.2026).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (2006). Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoi leksikografii [Basic principles and concepts of systemic lexicography]. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).
2. Balakay, A. A., & Svetlova, A. V. (2022). Leksikograficheskii portret slova "meinstream" [Lexicographic portrait of the word "mainstream"]. Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies], 1(27), 3–9. (In Russian).
3. Vinogradov, V. V. (1977). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected Works. Lexicology and lexicography]. (In Russian).
4. Klyushina, A. M. (2020). Leksikograficheskoe portretirovanie leksemy "krainost'" [Lexicographical representation of the word "extreme"]. Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies,], 4, 37–47. (In Russian).
5. Leontyeva, T. V., & Shchetinina, A. V. (2022). Sochetanie novaya iskrennost' v leksikograficheskom aspekte [Combination 'New Sincerity' in Lexicographic Aspect]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], 6, 183–201. (In Russian).
6. Molotkov, A. I. (1968). Orfografiya i punktuatsiya v granitsakh frazeologizma [Orthography and punctuation inside the phraseological unit]. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).
7. Khusnutdinov, A. A., & Zolina, E. N. (Eds.). (2016). Russkaya frazeologiya i frazeografiya: K 100-letiyu A. I. Molotkova [Russian phraseology and phraseography: On the 100th anniversary of A. I Molotkov]. Ivanovo State University. (In Russian).
8. Khusnutdinov, A. A. (2023). K istorii vyrazheniya "i tochka" v russkom yazyke [To the history of the expression 'I tochka' ('That's it') in the Russian language]. Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie [Tula scientific bulletin. History. Linguistics], 1(13), 126–137. (In Russian).

9. Khusnutdinov, A. A. (2022). Leksikograficheskiy portret slova i vyrazheniya v nauchnom i metodicheskom aspektakh [Lexicographic portrait of a word and expression in scientific and methodological aspects]. Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti [Donetsk readings 2022: Education, science, innovation, culture and contemporary challenges]. Donetsk National University, 93–96. (In Russian).
10. Sherstyanykh, I. V. (2011). Leksikograficheskoe portretirovanie slova (na primere integral'nogo opisaniya slova «zhizn'») [On a lexicographic portraying of the word "Life"]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Irkutsk State University Bulletin], 2(14), 62–68. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2026 г.

A. S. Zhuykova, I. Yu. Shishlova

THE PHRASEOLOGICAL UNIT *FATHER OF THE NATION* IN MODERN SPEECH

The article examines modern contexts of the usage of the expression *father of the nation*, collected from the materials of the Russian National Corpus, mass media, and Internet sources. The attested instances allow us to characterize the expression in terms of its nominative and connotative meanings, to determine its function in texts of different stylistic registers, and to identify the specific features of its orthography. The bound meaning of the component *father* within the expression, stability and reproducibility allows it to be classified as a phraseological unit; therefore, the article determines the place of this unit in the phraseological system of the Russian language. The presented materials can be used to supplement existing dictionaries or in the compilation of new ones.

Key words: *father of the nation, phraseology, phraseological unit, phraseography, lexicography, set expression.*

Жуйкова Анна Сергеевна.

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация.
Магистрант 1 курса.
Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, профиль «Обучение языкам в мультилингвальном образовательном пространстве».
ORCID 0009-0005-7757-6475.
E-mail: anna-zhuykova@inbox.ru.

Zhuykova Anna Sergeevna.

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation.
A 1st year master's student.
The field of study is 44.04.01 Pedagogical education, profile "Language teaching in a multilingual educational environment".
ORCID 0009-0005-7757-6475.
E-mail: anna-zhuykova@inbox.ru.

Шишлова Ирина Юрьевна.

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук.
Доцент кафедры отечественной филологии.
2ORCID 0000-0001-8372-5530.
E-mail: shishlovai@gmail.com.

Shishlova Irina Yurievna.

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation.
Candidate of Philology.
Associate Professor of Department of Russian Philology.
2ORCID 0000-0001-8372-5530.
E-mail: shishlovai@gmail.com.

Научная статья

УДК 81:374

DOI: 10.5281/zenodo.20475575

Д. Д. Пахомов © 2026

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский Государственный Университет»

ORCID 0009-0006-8538-1122

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИКУРСЕ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности оценочной лексики в русскоязычных публицистических текстах XXI века и ее роль в формировании прагматического воздействия. Проблематика исследования связана с описанием средств экспликации оценки и выявлением типичных моделей соотношения лексических единиц с положительной, и отрицательной оценочностью в медиатексте. Материалом послужил корпус публицистических текстов общественно-политической тематики, отобранных методом сплошной выборки из открытых электронных версий российских изданий. Используются методы семантического и контекстуального анализа, компонентного описания, функционально-стилистической интерпретации, а также классификация оценочных единиц по типу семантики и позиции в структуре текста. Полученные результаты показывают доминирование негативно-оценочной лексики в конфликтно-тематических фрагментах и регулярную связь оценки с лексическими маркерами модальности и экспрессивности.

Ключевые слова: оценочная лексика, публицистический текст, медиадискурс, эксплицитная оценка, имплицитная оценка, семантическая классификация, контекстуальный анализ, прагматическое воздействие, модальность, экспрессивность.

Для цитирования: Пахомов, Д.Д. Функционально-семантические особенности оценочной лексики в современном русскоязычном медиа-дискурсе / Д.Д. Пахомов // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 31–40. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20475575>.

Введение.

Категория оценочности относится к числу системообразующих характеристик медийной коммуникации, поскольку в публицистическом тексте оценка функционирует не только как компонент содержания, но и как средство прагматического воздействия. Н. Г. Комиссарова и Д. Р. Якупова фиксируют, что «оценочность выступает как свойство языковых средств формировать аксиологическое поле текста и выражать отношение субъекта коммуникации к сказанному» [4, с. 83]. При этом оценка в дискурсе средств массовой информации может иметь рациональную и эмоциональную природу, а также реализовываться как в эксплицитной, так и в имплицитной форме [4, с. 83].

Постановка проблемы в рамках филологического анализа связана с необходимостью одновременно учитывать семантические признаки оценочной лексики, ее контекстную обусловленность и позиционную закреплённость в композиции медиатекста. В. С. Загуменкина рассматривает публицистический текст как «смысловый конструкт», в котором способы организации материала определяются установкой на когнитивное понимание и интерпретацию [2, с. 97]. В таком подходе оценка понимается как часть смысловой архитектуры текста и как элемент, задающий направленность интерпретации. Состояние разработанности вопроса отражено в работах, посвящённых медиадискурсу и методологии его исследования, а также описанию средств выражения оценки на разных уровнях языка. Е. А. Кожемякин обосновывает необходимость методологического разведения понятий массовой коммуникации и медиадискурса, что значимо

для корректного определения единицы анализа и исследовательских процедур [5, с. 13]. В исследованиях, ориентированных на материал публицистики, оценочность систематизируется через средства лексики, словообразования и композиции заголовка как сильной позиции медиатекста [7, с. 1]. Нерешённой частью общей проблемы остается согласование семантического описания оценочной лексики с дискурсивными механизмами ее «встраивания» в медийный текст, включая способы скрытой актуализации оценки. Е. В. Гордиенко, анализируя процедуру извлечения импликаций в медиатексте, приводит определение квантования как замены континуума текста комплексом «дискретных значений, квантов, отсчитанных через определённые интервалы» [1, с. 99]. Это положение позволяет уточнить, каким образом оценка может распределяться по тексту и считываться адресатом как результат совокупности локальных сигналов.

Цель статьи состоит в описании функционально-семантических особенностей оценочной лексики в русскоязычном публицистическом тексте и в уточнении механизмов соотношения эксплицитной и имплицитной оценки в сильных и нейтральных позициях медиатекста. В задачи входит определение понятийного аппарата исследования, характеристика материала и процедур анализа, а также представление типологически значимых наблюдений, согласованных с современными описаниями медиадискурса и публицистического стиля.

Материалы и методы исследования.

Материал исследования соотнесен с проблемным полем, сформированным современной филологической литературой о медиадискурсе и публицистике. В качестве эмпирических ориентиров использованы описания выборок и процедур, представленные в работах по оценочности и языку СМИ. Так, С. Д. Погорелова, А. С. Яковлева и К. А. Слуцкая, рассматривая оценочные средства в заголовках, указывают на применение «метода сплошной выборки» и сравнительного метода и фиксируют объем анализируемого массива как «50» заголовков [7, с. 1]. Наличие формализованного параметра объема выборки в данном исследовании важно как ориентир репрезентативного анализа сильной позиции текста. Для уточнения статуса оценочности как категории дискурса использованы определения и разграничения, предложенные Н. Г. Комиссаровой и Д. Р. Якуповой. В их статье разграничение понятий оценки и оценочности подкреплено тезисом о том, что оценочность текста трактуется как результат «совместной работы» элементов, формирующих его аксиологическое поле [4, с. 84]. Это положение задаёт методологическую рамку: оценочная лексика рассматривается не изолированно, а в связке с контекстом, синтаксическими и графическими маркерами. В качестве инструментария использованы семантический и контекстуальный анализ, компонентное описание оценочного значения, а также функционально-стилистическая интерпретация языковых средств, традиционно относимых к публицистике. При описании роли публицистического стиля как функционального ресурса медиатекста учитываются положения о его воздействующей функции. К. А. Харитоновна подчёркивает, что «одна из важных и основных функций публицистического текста — формирование у людей определённого мировосприятия и мировоззрения» [10, с. 99]. Данный тезис операционализируется в анализе как критерий соотношения оценочной лексики с прагматической задачей текста.

Для эмпирической проверки теоретических положений сформирован пилотный исследовательский массив из 120 русскоязычных публицистических материалов, опубликованных в открытых электронных версиях общественно-политических изданий в 2019–2024 гг. Выборка сбалансирована по трём тематическим сегментам: общественно-политический, социальный и экономический блоки представлены по 40 текстов каждый. В каждом материале отдельно кодировались заголовок, лид и основной текстовый фрагмент объёмом до 500 слов, что позволило сопоставить сильные и нейтральные позиции медиатекста.

Общий объем корпуса составил около 62,4 тыс. словоупотреблений. В процессе ручной разметки выделено 684 оценочные единицы. Под оценочной единицей понималась

лексема или устойчивое словосочетание, содержащее положительный, отрицательный либо контекстуально-амбивалентный аксиологический компонент. Каждая единица фиксировалась по четырем параметрам: полярность оценки, способ выражения, семантический тип и позиция в композиции текста.

Воспроизведение полных фрагментов медиатекстов не являлось целью исследования; поэтому практические примеры представлены в виде нормализованных контекстных моделей, отражающих типовые сочетания оценочной лексики с тематическими номинациями. Такой способ подачи эмпирического материала позволяет показать механизм оценки без замены анализа простым цитированием.

Таблица 1 — Параметры эмпирической выборки

Типовая модель	Полярность оценки	Тематический сегмент	Позиция в тексте	Публицистический материал
«кризисная ситуация»	отрицательная	политика / международные отношения	основной текст	РБК. «Кремль объяснил разницу между нынешним и Карибским кризисом». 07.06.2024. В материале используется сочетание «кризисная ситуация» при сопоставлении современных российско-американских отношений с Карибским кризисом.
«кризисная ситуация»	отрицательная	политика / общественные беспорядки	лид / основной текст	РБК. «МИД рекомендовал россиянам не ездить в Абхазию». 15.11.2024. Формула «в Абхазии сложилась кризисная ситуация» используется как маркер негативной общественно-политической оценки.
«опасная тенденция»	отрицательная	политика / международная безопасность	лид / основной текст	РБК. «Кремль назвал опасными условия Макрона для отправки войск на Украину». 03.05.2024. В тексте сочетание «очень опасная тенденция» связано с оценкой эскалационного сценария.
«резкий спад» / «ощутимый спад»	отрицательная	экономика / ипотечный рынок	заголовочный комплекс / основной текст	«Известия». «Дому — не время: выдачи ипотеки в июле рухнули втрое — до 292 млрд». 14.08.2024. В материале фиксируется спад выдачи ипотеки после изменения льготных программ; публикация также републикована в разделе медиа Объединённого кредитного бюро.
«разрушительный эффект»	отрицательная	экономика / сырьевой рынок	основной текст	РБК Инвестиции. «Цена нефти Brent опустилась ниже \$85 за баррель впервые с 29 августа». 05.10.2023. Модель используется при описании влияния высоких цен на спрос.
«эффективная мера»	положительная	экономика / топливный рынок	основной текст	РБК. «Эксперты оценили эффект для рынка топлива от запрета экспорта бензина». 27.02.2024. В экспертной оценке запрет экспорта характеризуется как «очень

				эффективная мера» регулирующая цен.
«эффективная мера»	положительная / рационально-прагматическая	экономика / климатическое регулирование	основной текст	РБК. «В России предложили внедрить плату за выбросы парниковых газов». 26.01.2024. Формула «эффективная мера реализации климатической стратегии» соотносит оценку с критерием результативности.
«значимый результат»	положительная	политика	основной текст	РБК. «Путин назвал появление результатов спецоперации длительным процессом». 07.12.2022. Сочетание «значимый результат» используется для положительной оценки политического итога.
«конструктивный диалог»	положительная	политика / международные отношения	заголовок / основной текст	РБК. «Москва призвала Пакистан и Афганистан к конструктивному диалогу». 28.12.2024. Модель выражает положительную оценку переговорного формата и мирного урегулирования.
«перспективные направления»	положительная	экономика / инвестиции	заголовок / основной текст	РБК. «На форуме РБК назвали самые перспективные направления инвестиций». 21.05.2024. Оценочная модель связана с прогнозированием инвестиционной привлекательности отдельных секторов.
«новые перспективные направления»	положительная	образование / социально-экономическая сфера	основной текст	РБК Тренды. «Тренды МВА: каким будет бизнес-образование в 2024 году». 21.02.2024. Модель используется при описании развития новых специализаций в бизнес-образовании.
«жесткий контроль»	контекстуально-амбивалентная	городская политика / регулирование бизнеса	заголовок	РБК Тюмень. «Тюменские власти возьмут под жесткий контроль самокатный бизнес». 03.03.2022. Сочетание может интерпретироваться положительно как средство обеспечения безопасности и отрицательно как усиление административного давления.
«жесткий контроль»	контекстуально-амбивалентная	финансы / валютный рынок	основной текст	РБК. «Что привело к ослаблению рубля в 2024 году и что будет с курсом в 2025-м». 30.12.2024. Модель связана с возможным усилением контроля за движением капитала, поэтому сохраняет двойную оценочную направленность.
«острая дискуссия»	контекстуально-амбивалентная	экономика / бизнес	основной текст	Газета РБК. «“Ужасно, когда бизнес производит меньше денег, чем потребляет”». 14.12.2024. Модель «наиболее острая дискуссия» обозначает

				конфликтность обсуждения, но одновременно указывает на высокую общественную значимость темы.
«острые дискуссии»	контекстуально-амбивалентная	политика / международные отношения	основной текст	РБК. «Reuters узнал о недовольстве ЕС решением президента Бразилии по Украине». 20.11.2024. Модель используется при описании переговорной напряженности вокруг украинской темы на G20.
«сложные компромиссы»	контекстуально-амбивалентная	политика / военный конфликт	основной текст	РБК. «WP назвала предстоящую зиму одной из самых тяжелых для Украины». 27.09.2024. Сочетание совмещает отрицательный компонент вынужденности и положительный компонент возможного урегулирования.

Основная часть.

Постановка задачи связана с описанием оценочной лексики как средства формирования аксиологического поля публицистического текста и с уточнением соотношения эксплицитной и имплицитной оценки. Для решения задачи необходимо исходить из того, что оценочность в медийном тексте проявляется на разных уровнях языка и в разных позициях текста, включая заголовок, лид, ключевые номинации и повторяющиеся лексемы. В этом отношении определение публицистического текста как смыслового конструкта позволяет рассматривать оценочные средства как элементы, участвующие в сборке целостного смысла и интерпретационного вектора [2, с. 97].

Оценочная лексика в публицистике функционирует в нескольких режимах. Эксплицитная оценка связана с наличием в значении лексемы устойчивого оценочного компонента и с прямым выражением отношения автора к объекту описания. Имплицитная оценка, напротив, реконструируется адресатом на основании контекстного распределения сигналов, включая метафоризацию, иронию, цитирование и графические маркеры. Н. Г. Комиссарова и Д. Р. Якупова указывают на роль графических приемов и выделяют, в частности, закавычивание как сигнал иронического неодобрительного отношения [4, с. 84]. Эта фиксация важна для анализа публицистических текстов, в которых оценка оформляется через дистанцирование от обозначаемого.

Публицистический стиль задает специфический фон для оценочной лексики как для нейтральных, так и для экспрессивно окрашенных единиц. К. А. Харитонova характеризует публицистический стиль через совокупность лексических признаков, включая «широкий ряд оценочной и эмоционально окрашенной лексики» [10, с. 99]. Включение оценочных единиц в публицистический текст, таким образом, не является случайным: оно типологически мотивировано стилевой задачей воздействия и актуализации общественно значимых интерпретаций событий.

Сильная позиция заголовка демонстрирует высокую концентрацию оценочных средств, поскольку заголовок функционирует как механизм первичной рамки интерпретации. С. Д. Погорелова, А. С. Яковлева и К. А. Слущкая прямо указывают, что «содержание средств выражения оценки в структуре заголовка способно значительно повысить эффективность его воздействия на реципиента» [7, с. 2]. Отсюда следует необходимость рассматривать заголовок как автономный объект анализа, а не как вторичный элемент по отношению к основному тексту. В рамках сопоставления русскоязычных и англоязычных заголовков авторы фиксируют значимость оценочных средств как основы характеристики языка газет [7, с. 1]. Эти наблюдения релевантны

для описания русскоязычной публицистики, где оценка в заголовке может задаваться как прямой номинацией, так и через метафорический или иронический способ названия.

Имплицитная оценка в публицистическом тексте особенно отчетливо проявляется в тех жанровых разновидностях, где прямое оценивание ограничено нормами издания или жанра. Е. В. Гордиенко связывает извлечение импликаций с применением квантования и приводит формулировку о переходе к комплексу «дискретных значений» [1, с. 99]. В применении к русскоязычной публицистике это означает, что оценка может быть распределена по тексту как совокупность локальных оценочных сигналов, которые по отдельности не дают развернутой оценки, но в сумме формируют устойчивую интерпретацию события.

В тематически специализированных сегментах публицистики, включая экономическую проблематику, оценочность участвует в моделировании ситуации как социально значимой и конфликтной. Ю. В. Калугина рассматривает «кризисный экономический медиа-текст» в контексте публицистического стиля и фиксирует его включенность в систему функциональных стилей [3, с. 507]. Для данного типа материала характерно сочетание терминологической лексики и оценочных маркеров, задающих степень драматизации, причинно-следственные связи и распределение ответственности. В результате оценочная лексика выступает средством не только эмоционального фона, но и когнитивной категоризации экономических событий.

Отдельного внимания требует словообразовательный ресурс оценочности в медиадискурсе. И. Палоши описывает агентивные номинации, создаваемые метафорами и дериватами, в связи с выражением речевой агрессии, и указывает на использование материалов интернет-медиа и данных газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка [6, с. 406]. Этот тип данных показывает, что оценка может закрепляться не только в лексике, но и в продуктивных деривационных моделях, создающих устойчивые номинации с негативным или уничижительным оттенком.

Обобщение методологических подходов к анализу медиадискурса необходимо для корректного описания единицы анализа и границ интерпретации. Е. А. Кожемякин связывает исследование массовой коммуникации и медиадискурса с уточнением методологии изучения медийных текстов, что позволяет рассматривать оценочную лексику как элемент дискурсивной практики, а не только как совокупность словарных единиц [5, с. 13]. В указанной рамке оценочность трактуется как характеристика взаимодействия адресанта и адресата, реализуемая через текстовые механизмы и социально значимые интерпретационные схемы.

Проблема соотношения эксплицитной и имплицитной оценки в печатных средствах массовой информации получает разработку и в коллективных исследованиях медиатекста. В монографическом исследовании Л. В. Рацибурской и Т. А. Торопкиной вопрос соотношения эксплицитной и имплицитной оценки поставлен как специальная проблема описания языковых средств оценочности в печатных СМИ [8, с. 174]. Для анализа публицистики это важно как указание на необходимость разделять прямые оценочные номинации и скрытые оценочные смыслы, возникающие из композиции и контекстных связей.

Функциональная направленность оценочной лексики как средства воздействия на адресата рассматривается и в прикладно-ориентированных исследованиях публицистического текста. Н. А. Талабишина и О. В. Самойлова квалифицируют оценочную лексику как основное средство воздействия на реципиента в публицистическом тексте, акцентируя ее роль в управлении восприятием сообщения [9, с. 349].

Эмпирический материал конкретизирует указанные теоретические положения. В корпусе из 120 текстов зафиксировано 684 оценочные единицы, из которых 438 единиц относятся к отрицательной оценке, 151 — к положительной, 95 — к контекстуально-амбивалентной. Таким образом, отрицательная оценка составляет 64,0 % массива, положительная — 22,1 %, амбивалентная — 13,9 %. Преобладание негативной полярности объясняется тематической природой общественно-

политической публицистики, где объектами описания часто становятся конфликт, дефицит, риск, кризис и противоречие.

Таблица 2 — Распределение оценочных единиц по полярности

Тип оценки	Количество единиц	Доля, %	Типовые модели
Отрицательная	438	64,0	«кризисная ситуация»; «резкий спад»; «опасная тенденция»
Положительная	151	22,1	«значимый результат»; «эффективная мера»; «конструктивное решение»
Контекстуально-амбивалентная	95	13,9	«жесткий контроль»; «острая дискуссия»; «сложный компромисс»
Итого	684	100,0	—

Позиционное распределение подтверждает особую роль сильных компонентов медиатекста. В заголовках выявлено 172 оценочные единицы, в лидах — 211, в основных фрагментах — 301. Однако при пересчете на 1000 словоупотреблений максимальная плотность оценки обнаруживается именно в заголовочной позиции: 38,6 единицы на 1000 словоупотреблений против 17,8 в лидах и 7,1 в основном тексте. Этот показатель демонстрирует, что заголовок выполняет функцию предварительного аксиологического программирования интерпретации.

Таблица 3 — Позиционное распределение оценочной лексики

Позиция в тексте	Оценочные единицы	Доля, %	Плотность на 1000 словоупотреблений
Заголовок	172	25,1	38,6
Лид	211	30,8	17,8
Основной текст	301	44,0	7,1
Итого	684	100,0	—

Семантическое распределение материала показывает, что наиболее частотными являются эмоционально-экспрессивные единицы (168 случаев; 24,6 %) и лексика риска, конфликта и кризиса (146 случаев; 21,3 %). Морально-этическая оценка представлена 145 единицами (21,2 %), социально-политическая оценка статуса и легитимности — 127 единицами (18,6 %), рационально-интеллектуальная оценка — 98 единицами (14,3 %). Следовательно, оценочность в публицистике не сводится к эмоциональной окраске: значительная часть единиц участвует в категоризации общественных процессов как успешных, провальных, спорных, легитимных, опасных или перспективных.

Практический анализ отрицательной оценки выявляет несколько устойчивых моделей. Первая модель строится по схеме оценочное прилагательное + событийная номинация: «кризисная ситуация», «опасная тенденция», «провальная инициатива», «разрушительный эффект». Вторая модель опирается на метафоризацию процесса: «волна критики», «удар по бюджету», «точка напряжения», «цепная реакция проблем». Третья модель связана с субъективно-оценочной номинацией участника события: «безответственный шаг», «жесткая риторика», «спорное решение». Наиболее высокая концентрация таких моделей наблюдается в политическом сегменте, где на 261 оценочную единицу приходится 181 отрицательная, то есть 69,3 %.

Положительная оценка в корпусе чаще выполняет функцию легитимации действия или результата. Типовые сочетания «эффективная мера», «значимый результат», «устойчивый рост», «конструктивный диалог», «перспективное направление» формируют рационально-положительный образ описываемого объекта. В отличие от негативной оценки, положительная оценочность реже занимает конфликтную позицию в тексте и чаще сопровождает сообщения о результатах, планах, институциональных решениях и социально одобряемых инициативах. В количественном отношении положительные единицы составляют 22,1 % корпуса, что подтверждает их меньшую частотность по сравнению с негативными маркерами.

Отдельную группу образуют контекстуально-амбивалентные единицы. Так, сочетание «жесткий контроль» может получать положительную интерпретацию в контексте стабилизации ситуации и отрицательную — в контексте ограничения свободы действия; словосочетание «острая дискуссия» маркирует не только конфликтность, но и общественную значимость обсуждения; модель «сложный компромисс» совмещает отрицательный компонент затруднённости и положительный компонент согласования позиций. В таких случаях оценка не закреплена только в словарном значении, а окончательно формируется в контексте.

Способ выражения оценки также имеет количественные различия. Эксплицитная оценка представлена 472 единицами (69,0 %), имплицитная — 212 единицами (31,0 %). Эксплицитные маркеры реализуются через прилагательные и существительные с устойчивым оценочным компонентом: «эффективный», «опасный», «провал», «успех», «кризис». Имплицитная оценка формируется за счет кавычек, контраста, метафорического переноса и соотнесения нейтральной номинации с негативным тематическим окружением. Например, конструкция типа «новый “успех” проекта» при закавычивании ключевой лексики переводит положительную номинацию в иронически отрицательный регистр.

Заключение. В статье решены задачи уточнения понятийного аппарата оценочности применительно к русскоязычной публицистике и согласования семантического описания оценочной лексики с дискурсивными механизмами ее распределения в медиатексте. Показано, что оценочность описывается как многоуровневая характеристика медиадискурса, формируемая взаимодействием лексико-семантических, словообразовательных, синтаксических и графических средств. Эмпирическая проверка на материале 120 публицистических текстов объемом около 62,4 тыс. словоупотреблений выявила 684 оценочные единицы. Количественное распределение подтвердило преобладание отрицательной оценки: 438 единиц, или 64,0 % корпуса; положительная оценка составила 151 единицу (22,1 %), контекстуально-амбивалентная — 95 единиц (13,9 %). Установлено, что сильные позиции публицистического текста, прежде всего заголовки и лид, обладают повышенной концентрацией оценочных средств: плотность оценочных единиц в заголовках составила 38,6 на 1000 словоупотреблений, что более чем в пять раз превышает показатель основного текста. Отмечено, что имплицитная оценка может описываться через процедуру выделения локальных носителей оценочного знака и их распределение в тексте, что согласуется с подходом квантования, применяемым для извлечения скрытых смыслов. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сопоставительного анализа оценочной лексики в различных тематических сегментах русскоязычной публицистики и с уточнением деривационных механизмов оценочности в современных медиатекстах на репрезентативных корпусных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордиенко, Е. В. Особенности декодирования оценочных смыслов в англоязычных медиатекстах жанра feature article / Е. В. Гордиенко // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2020. — № 4 (40). — С. 99–107
2. Загуменкина, В. С. Публицистический текст как смысловой конструкт с установкой на когнитивное и распределительное понимание / В. С. Загуменкина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2019. — № 2 (61). — С. 97–103
3. Калугина, Ю. В. Медиа-текст экономического кризиса как разновидность публицистического стиля / Ю. В. Калугина // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 4. — С. 507–510
4. Комиссарова, Н. Г. Оценочность в дискурсе СМИ / Н. Г. Комиссарова, Д. Р. Якупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2(80). — Ч. 1. — С. 83–87
5. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Гуманитарные науки. — 2010. — № 12 (83). — Вып. 6. — С. 13–21
6. Палоши, И. Метафоры и субъективно-оценочные аффиксы как средства выражения речевой агрессии: агентивы в российском медийном дискурсе / И. Палоши // Русистика. — 2024. — Т. 22. — № 3. — С. 406–416

7. Погорелова, С. Д. Особенности средств выражения оценки в газетных заголовках (на материале газет «The Guardian» и «Российская газета») / С. Д. Погорелова, А. С. Яковлева, К. А. Слуцкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — № 4. — Т. 11. — С. 1–9
8. Рацибурская, Л. В. Языковые средства выражения оценочности в печатных СМИ: проблема соотношения эксплицитной и имплицитной оценки / Л. В. Рацибурская, Т. А. Торопкина // Современный медиатекст: коммуникативно-прагматический аспект : коллективная монография / под ред. Н. В. Мельник. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. — С. 174–179
9. Талабишина, Н. А. Оценочная лексика как основное средство воздействия на реципиента в публицистическом тексте / Н. А. Талабишина, О. В. Самойлова // Вестник Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2013. — № 1. — С. 349–352
10. Харитонова, К. А. Особенности лексики публицистического стиля (на материале британских политических статей) / К. А. Харитонова // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 12 (114). — С. 97–99

REFERENCES

1. Gordienko, E. V. Features of Decoding Evaluative Meanings in English-Language Media Texts of the Feature Article Genre / E. V. Gordienko // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philology. Theory of Language. Language Education". - 2020. - No. 4 (40). - P. 99-107
2. Zagumenkina, V. S. Publicistic Text as a Semantic Construct with an Attitude to Cognitive and Disobjectifying Understanding / V. S. Zagumenkina // Bulletin of TvSU. Series "Philology". - 2019. - No. 2 (61). - P. 97-103
3. Kalugina, Yu. V. Media Text of the Economic Crisis as a Type of Publicistic Style / Yu. V. Kalugina // Fundamental Research. — 2013. — No. 4. — P. 507–510 (In Russian)
4. Komissarova, N. G. Evaluation in Media Discourse / N. G. Komissarova, D. R. Yakubova // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. — 2018. — No. 2(80). — Part 1. — P. 83–87 (In Russian)
5. Kozhemyakin, E. A. Mass Communication and Media Discourse: Towards a Research Methodology / E. A. Kozhemyakin // Scientific News. Humanitarian Sciences. — 2010. — No. 12 (83). — Issue. 6. — P. 13–21 (In Russian)
6. Paloshi, I. Metaphors and subjective-evaluative affixes as means of expressing verbal aggression: agentives in Russian media discourse / I. Paloshi // Russists. — 2024. — Vol. 22. — No. 3. — P. 406–416 (In Russian)
7. Pogorelova, S. D. Features of means of expressing evaluation in newspaper headlines (based on the newspapers "The Guardian" and "Rossiyskaya Gazeta") / S. D. Pogorelova, A. S. Yakovleva, K. A. Slutskaya // The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. — 2020. — No. 4. — Vol. 11. — P. 1–9 (In Russian)
8. Ratsiburskaya, L. V. Linguistic means of expressing evaluativeness in print media: the problem of the relationship between explicit and implicit evaluation / L. V. Ratsiburskaya, T. A. Toropkina // Modern media text: communicative-pragmatic aspect: a collective monograph / edited by N. V. Melnik. — Barnaul: Publishing house of Alt. University, 2016. — P. 174–179 (In Russian)
9. Talabishina, N. A. Evaluative vocabulary as the main means of influencing the recipient in a journalistic text / N. A. Talabishina, O. V. Samoilova // Bulletin of Tula State University. Humanities. — 2013. — No. 1. — P. 349–352 (In Russian)
10. Kharitonova, K. A. Features of the vocabulary of journalistic style (based on British political articles) / K. A. Kharitonova // Almanac of modern science and education. — 2016. — No. 12 (114). — P. 97–99 (In Russian)

Поступила в редакцию 12.05.2026 г

D. D. Pahomov

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF EVALUATIVE VOCABULARY IN RUSSIAN-LANGUAGE PUBLICISTIC TEXTS OF THE 21ST CENTURY

This article examines the functional and semantic characteristics of evaluative vocabulary in 21st-century Russian-language journalistic texts and its role in shaping pragmatic impact. The research focuses on describing the means of expressing evaluation and identifying typical patterns of correlating lexical units with positive and negative evaluativeness in media texts. The material used is a corpus of journalistic texts on socio-political topics, selected using a continuous sampling method from open electronic versions of Russian publications. Methods of semantic and contextual analysis, component description, functional and stylistic interpretation, as well as classification of evaluative units by semantic type and position in the text structure are used. The results demonstrate the dominance of negative evaluative vocabulary in conflict-thematic fragments and a regular connection between evaluation and lexical markers of modality and expressivity.

Key words: evaluative vocabulary, journalistic text, media discourse, explicit evaluation, implicit evaluation, semantic classification, contextual analysis, pragmatic impact, modality, expressiveness.

Пахомов Денис Дмитриевич.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар,
Российская Федерация.

Аспирант 2 курса кафедры современного русского языка.

Направление подготовки 5.9.5. Русский язык. Языки народов
России.

ORCID 0009-0006-8538-1122.

E-mail: Reshetkanadeshdy@mail.ru.

Pakhomov Denis Dmitrievich.

Kuban State University, Krasnodar, Russian
Federation.

2nd year graduate student at the Department of
Modern Russian Language.

Direction of training 5.9.5. Russian language.

Languages of the peoples of Russia.

ORCID 0009-0006-8538-1122.

E-mail: Reshetkanadeshdy@mail.ru.

Словообразование и грамматика

Обзорная статья

УДК 81'373.611

DOI: 10.5281/zenodo.20475942

И. Р. Смирнова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0002-5021-9372*

О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ АББРЕВИАЦИИ: К 10-ЛЕТИЮ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕНДЕНЦИЙ АББРЕВИАЦИИ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье освещается деятельность Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета в период с 2016 по 2026 год. Автором описываются предпосылки создания лаборатории, теоретические и практические цели её работы, ключевые достижения и результаты. Сотрудники лаборатории внесли значительный вклад в разработку авторской концепции русской аббревиации, предложенной В.И. Теркуловым, вокруг которой сформировались идеи Донецкой дериватологической школы. Исследования лаборатории осуществляются в рамках синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации, который учитывает мотивационные (формально-эквивалентностные) отношения между аббревиатурами и словосочетаниями на актуальном срезе языка и противопоставляется традиционному диахронному подходу, рассматривающему аббревиатуру как словообразовательный продукт сокращения словосочетания. Изложенная в статье концепция русской аббревиации получила практическое воплощение в рамках создания ряда толковых словарей аббревиатурных единиц нового типа. Научное признание деятельности лаборатории констатируется автором на основании исполнения ее сотрудниками государственного задания по составлению нормативных словарей аббревиатур и графических сокращений для Национального словарного фонда Российской Федерации, характеризующихся в работе.

Ключевые слова: синхронно-эквивалентностный подход, аббревиация, сложносокращённое слово, словарь аббревиатур, словарь графических сокращений, нормативный словарь, словарь нового типа.

Для цитирования: Смирнова, И. Р. О формировании и развитии авторской концепции русской аббревиации: к 10-летию Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации / И. Р. Смирнова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 41–55. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20475942>.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134/> «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Введение. Аббревиация — относительно молодой, но ставший одним из наиболее актуальных в современном русском языке способов словообразования. Еще в прошлом столетии русский язык пополнился невиданным прежде количеством сокращений, в связи с чем ученые XX в. представили различные структурные классификации, теоретические и лексикографические описания этих единиц, зафиксировали сферы их употребления, предприняли попытки определить особенности их образования и т. д. (см., например, [3], [4], [6], [15, с. 252]). Таким образом, в лингворусистике была сформирована теоретическая

база аббревиации, в которой развернутое описание получили следующие вопросы: «структурные типы аббревиатур и их продуктивность, морфологическая и акцентологическая характеристики аббревиатур, различия между аббревиацией и сложением, вариативность, связанная с грамматическим родом, изменением по падежам и т. п.» [13, с. 5]. Большинство трудов в области аббревиации до сих пор осуществляется в рамках структурно-грамматического подхода, вследствие чего он стал понемногу исчерпывать себя. Своеобразный кризис в данной сфере исследований, на наш взгляд, вызван тем, что описание аббревиатур производилось в большинстве работ в рамках одной и той же парадигмы — формальной, или структурно-грамматической.

Свежий взгляд на особенности образования и функционирования аббревиатур в русском языке, а также принципиально новый подход к их типологизации и лексикографическому описанию представила Донецкая дериватологическая школа. Организационным ядром этой школы, осуществляющим теоретическую разработку её идей и практическую (лексикографическую) деятельность по описанию аббревиатурных единиц, стала Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации при Донецком государственном университете (далее — Лаборатория). Десятилетие продуктивной работы данного объединения молодых ученых стало поводом для осмысления пройденного его коллективом научного пути.

Основная часть. Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) была создана в 2016 году. Её бессменным руководителем является доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Вячеслав Исаевич Теркулов.

1. Предпосылки создания Лаборатории

Профессор В. И. Теркулов, защитивший докторскую диссертацию на тему «Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте» [26], уделил в ней большое внимание проблеме определения статуса сложносокращенных слов. Ученый отметил, что такие слова представляют собой не новые единицы номинации, а формально-семантические дублеты словосочетаний, так как абсолютно совпадают с последними по своим семантическим, грамматическим и синтаксическим характеристикам. В. И. Теркулов определил процесс образования лексических единиц на базе развернутых наименований, при котором последние сохраняют собственную цельную семантику, но приобретают словное воплощение, как универбализацию, а произведенные с помощью нее сложные единицы — как универбализационные композиты. Анализируя последние (единицы, состоящие минимум из двух компонентов, по крайней мере один из которых является сокращенным, т. е. соответствует части основы какого-либо слова), исследователь отметил, что не все из них являются производными от словосочетаний, с которыми употребляются в текстах как формально-семантические дублеты; наоборот, сами эти словосочетания возникают часто при окказиональном развертывании (расшифровке) такого слова: «Например, слово *групорг* нельзя считать образованным от групповой организатор, поскольку словосочетания, на базе которых возникают композиты с элементом *-орг*, являющимся сокращением слова *организатор*, обозначают человека, работающего в определенной идеологической сфере / отрасли, как, например, комсорг (комсомольский организатор), парторг (партийный организатор), профорг (профсоюзный организатор) (ономаσιологическая модель «отрасль + агентивный статус») <...> Однако, несмотря на очевидную неприемлемость трактовки слов *групорг*, *партгрупорг*, *профгрупорг* как универбальных эквивалентов словосочетаний *групповой организатор*, *партийный групорг* / *партийный групповой организатор* и *профсоюзный групорг* / *профсоюзный групповой организатор*, последние все же активно употребляются в речи <...> Очевидно, что здесь перед нами явление генерирования словосочетания на базе композита» [28, с. 56]. Соответственно, в традиционном понимании единицы типа *групорг*, *партгрупорг* и т. п. аббревиатурами — единицами, производными от словосочетаний — не являются, однако имеют аббревиатурную структуру и

воспринимаются носителями языка как аббревиатуры, вследствие чего регулярно «разворачиваются» в текстах, что приводит к формированию мотивационных отношений между аббревиатурой и вторичным по отношению к ней развернутым эквивалентом. Для разграничения композитов на основании их деривационно-ономасиологического статуса ученый формулирует принцип семантической интерпретации мотивационной связи «словосочетание — композит», а также предлагает четыре базовые методики определения реляционной взаимообусловленности компонентов композитной пары. Эти наблюдения и размышления, изложенные в 2013 г. в статье «Типология псевдоунивербализаций в русском языке», стали «первым подходом к установлению новых принципов описания мотивационных связей между словосочетанием и композитом» [28, с. 62], а в перспективе привели к идее создания словаря сложносокращенных слов русского языка нового типа, в котором бы данные принципы наглядно применялись к языковому материалу.

Сформулированные В. И. Теркуловым в данной и ряде последующих работ (например [23], [30]) положения открыли большое поле для исследований в области композитологии и аббревиации, а также потребовали масштабной эмпирической верификации и воплощения в лексикографической практике. Ученый нашел единомышленников не только среди представителей большого научного сообщества, но и в студенческой среде. По мере роста числа студентов и аспирантов, специализирующихся на вопросах аббревиации, возникла инициатива создания молодежной научной лаборатории, в рамках которой происходили бы обсуждение и верификация новых идей, организованный сбор языкового материала — с учетом актуальных, произведенных в последние несколько десятилетий текстов — и его последующая обработка. Таким образом была создана Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации, наименование которой символично собирается в акроним (ЭЛИТА) — шуточный и претенциозный одновременно, но, как отмечает руководитель Лаборатории, такое «номинационное пижонство» призвано не столько задать к себе особенное отношение, сколько выразить стремление участников оправдать заданные выбранным названием высокие ожидания научного сообщества: «Её <элиты> ошибок и промахов ждут, и это держит в тоне: ты должен всегда, в каждый момент жизни доказывать свою элитность» [25, с. 145].

2. Цели и основные вехи работы

Теоретической целью работы Лаборатории является описание закономерностей формирования, функционирования и развития системы аббревиатур русского языка с позиций синхронного (эквивалентностного) подхода.

Первой глобальной практической целью Лаборатории было создание Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка, для чего участниками Лаборатории были разработаны конкретные методики работы с языковым материалом, принципы его описания и проч. В основу этих разработок легла идея разграничения синхронного и диахронного подходов к аббревиации, впервые озвученная в докладе В. И. Теркулова «К типологии эквивалентности „сложносокращённое слово — словосочетание“» на IX Международной научно-практической конференции «Русский язык в поликультурном мире» в 2015 г. При диахронном подходе рассматриваются отношения производности между аббревиатурой и словосочетанием, а в основу синхронного подхода положен анализ мотивационных отношений между аббревиатурой и её текстовыми эквивалентами на синхронном срезе языка.

В 2016 г. Лаборатория представила имеющиеся у нее теоретические и методологические разработки и выиграла в конкурсе проектов Международного педагогического форума в г. Сочи грант фонда «Русский мир» на создание задуманного словаря (грант № 2016/П-238 «Историко-эквивалентностное описание системы аббревиатур русского языка в студенческой Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации: теория, словари»).

В 2017 году в 6 выпуске журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология» был опубликован блок статей под заголовком «Донецкая

дериватологическая школа», где системно излагалась разработанная сотрудниками Лаборатории концепция русской аббревиации. В него вошли: статья В. И. Теркулова, в которой были описаны теоретические положения и методы изучения сложносокращенных слов; статья А. И. Бровца о дешифровальном стимуле; статья В. А. Рязановой о гибридном конструкте, совмещающем в себе свойства аббревиатурного и композитного конструкта; статья Е. А. Акулич об описании процессов формирования аббревиатурной группы *вело-*.

В. И. Теркулов как руководитель Лаборатории включён в программный комитет Санкт-Петербургской филологической конференции. В 2019 г. на Международном конгрессе исследователей русского языка в МГУ ему было доверено руководство секцией «Словообразование», которая работала под эгидой словообразовательной комиссии Международного конгресса славистов.

В 2024–2025 гг. в рамках выполнения государственных заданий сотрудниками Лаборатории был создан целый ряд словарей, более подробное описание которых будет дано ниже. В рамках госзадания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1) были закончены первый в истории языкознания «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» под редакцией В. И. Теркулова и «Словарь аббревиатур русского языка» В. И. Теркулова, И. Р. Смирновой и К. Ю. Емельяновой. В рамках реализации госзадания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0) были созданы нормативные «Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» и «Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации)».

Лаборатория получила свидетельства о Результатах интеллектуальной деятельности:

- Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025623023 Российская Федерация. База данных Словаря аббревиатур русского языка: заявл. 04.07.2025; опубл. 15.07.2025 / В. И. Теркулов; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет». — EDN FJPD LX.

- Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025623569 Российская Федерация. Словник Словаря аббревиатур русского языка как государственного: заявл. 11.08.2025; опубл. 29.08.2025 / В. А. Рязанова, А. А. Алтухова, Е. Н. Станкус, А. В. Чистоклетова; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет». — EDN NERERZ.

В 2026 году Лаборатория вошла в число 5 научных коллективов Донбасса, получивших грантовую поддержку на осуществление научных исследований в рамках проекта Российского научного фонда (совместно с республиканским Комитетом по науке и технике) № 26-18-20134 «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении», главной практической целью которого является «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка». Грантовая поддержка деятельности Лаборатории важным этапом признания научной и практической значимости разрабатываемой ей концепции.

За все время существования Лаборатории в её работе приняли участие 45 человек из состава студентов, аспирантов и преподавателей филологического факультета: В. И. Теркулов, В. А. Рязанова, А. И. Бровец, Е. Н. Станкус, К. Ю. Емельянова, Е. А. Зайберт, Д. А. Брацун, А. Г. Змановская, Е. С. Крестьянинова, В. Ю. Новикова, И. А. Устинова, А. А. Веригина, С. В. Тахмазова, М. Д. Агаркова, Т. А. Кириченко, Д. И. Борозенец, А. А. Лялюк, М. Н. Мирза, Е. Ю. Петрова, А. А. Рештаненко, И. Р. Смирнова, Е. С. Филиппова, В. Ю. Хайтул, А. А. Лашко, А. Е. Герасимова, Н. В. Иноземцева, К. А. Натрошвили, Я. А. Савельева, А. К. Сытник, Е. А. Акулич,

А. Д. Бочарова, А. В. Чистоклетова, А. В. Ковывчак, И. И. Крамаренко, Е. Б. Палийчук, С. А. Будник, М. А. Бутурлимова, В. А. Проценко, Д. Д. Абдуева, А. А. Алтухова, Е. В. Разумная, К. Д. Привалова, М. В. Морфунцова, В. П. Чернощёкова, А. С. Дзыцюк, Е. А. Стрижова; а также трое учащихся старших классов, принявших участие в конкурсе-защите научно-исследовательских работ МАН под научным руководством В. И. Теркулова: Е. А. Березницкая, Е. И. Фарамазян, М. А. Газаты. На данный момент коллектив Лаборатории представляют доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка В. И. Теркулов, доценты кафедры, кандидаты филологических наук А. А. Лялюк, В. А. Рязанова, А. И. Бровец, Е. Н. Станкус, младший научный сотрудник кафедры К. Ю. Емельянова, студентка 3 курса аспирантуры И. Р. Смирнова, студентка 2 курса магистратуры М. Д. Агаркова, студентка 1 курса магистратуры А. К. Сытник, студентка 4 курса бакалавриата А. В. Чистоклетова, студентки 3 курса бакалавриата А. А. Алтухова, Е. В. Разумная, а также стажёры — студентки 2 курса бакалавриата К. Д. Привалова, М. В. Морфунцова, В. П. Чернощёкова, А. С. Дзыцюк.

3. «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка»

В основу «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» положен синхронный подход, именно поэтому его закономерно можно считать словарем нового типа. Традиционные словари сокращений предлагали, в основном, диахронное описание лексических единиц: в словарной статье указывалось обычно словосочетание-источник сокращения. Сформулированное В. И. Теркуловым понятие множественной эквивалентности сложносокращённого слова (см. подробнее [30, с. 76]) позволило предложить новый способ словарного описания аббревиатур. В данном словаре описываются частотные (употребленные более 500 раз в текстах) нарицательные сложносокращённые слова русского языка, к которым относятся частично сокращённые единицы (*веломеханизм, винзавод* и т. д.), слоговые аббревиатуры (*госком, морпех* и т. д.) и «смешанные» аббревиатуры, содержащие инициальные и слоговые компоненты (*агитАБ, евроСМИ* и т. д.). Отбор языкового материала осуществлялся из авторитетных словарей сокращений, а также из интернет-текстов с применением оригинальных поисковых методик. Так, А. И. Бровцом предложена методика «поиска по подсказкам» в поисковой системе Google, «которые проверяются на частотность и на наличие эквивалентных словосочетаний. Например, среди подсказок по запросу «электроав» обнаруживается слово *электроавтомобиль*, включенное примерно в 240 тыс. текстов. Его эквивалент *электрический автомобиль* обнаружен более чем в 900 тыс. текстов. *Электроавтомобиль* и *электрический автомобиль* более 40 тыс. раз используются как синонимы в одних и тех же текстах. Это и позволяет внести данное слово в словник Словаря» [29, с. 43]. Е. С. Крестьяниновой разработана обратная данной методика «поиска по прогнозируемым словосочетаниям», предполагающая выявление частотных (преимущественно адъективных) словосочетаний и моделирования на их основе эквивалентных аббревиатур: «Например, введение в строку поиска сочетания «электрический п» (рис. 2) дает подсказку *электрический полотенцесушитель* (2 млн включений), для которого прогнозируется эквивалент *электрополотенцесушитель*, обнаруживаемый в текстах около 62 тыс. раз. Словосочетание и слово появляются в одних и тех же текстах около 25 тыс. раз, что позволяет внести *электрополотенцесушитель* в словник Словаря» [29, с. 43–44]. Использование данных методик позволило значительно расширить словник по сравнению с существующими словарными изданиями: он включает в себя более 10 тыс. аббревиатур, для которых выявлено порядка 70 тыс. эквивалентов.

В словаре сознательно не рассматривались инициальные аббревиатуры, сложносокращённые имена собственные, а также малочастотные единицы, требующие формирования особых принципов синхронного описания в силу не столько структурного, сколько формально-ономасиологического отличия от сложносокращённых апеллятивов. Словарные статьи в словаре располагаются в алфавитном порядке и представляют собой описание двух типов единиц — непосредственно сложносокращённых слов

и абброконструктов. Словарная статья абброконструкта включает систему дешифровальных стимулов — слов или словосочетаний, реально выступающих в текстах в качестве его эквивалента. В словарной статье аббревиатуры приводятся ее акцентологические и грамматические характеристики (основное и побочное ударение, флексия родительного падежа, родовая и числовая характеристики, а также стилистические пометы), фонетические и графические варианты, толкование значения, совокупность частотных синтаксических и лексических эквивалентов, а также производные лексемы, мотивированные аббревиатурой. К новшествам данного словаря можно отнести также указание «баланса индексов» — соотношения частотности употребления аббревиатуры и её развернутого эквивалента. Включению в словарь подлежат только те эквиваленты, баланс индексов которых не превышает отметку 500 при абсолютной частотности не менее 100 текстовых включений. Для наглядности используются реперные точки (например, «0,1:») и специальные знаки, которые указывают на первичность и вторичность текстовых эквивалентов по отношению к аббревиатуре соответственно (знак «◀» маркирует, что слово употребляется реже эквивалента, а знак «▶» используется в обратной ситуации) [31].

После завершения отбора материала и обработки словника коллектив перешёл к корректорской и редакторской обработке. Начатая в 2016 году многолетняя работа над словарём была полностью завершена к 2026 году.

Следует отметить, что анализ больших объемов языкового материала, с которыми имели дело составители Словаря, закономерно побуждал к углублению основных теоретических положений концепции, их развитию в отдельных научных исследованиях. Так, А. И. Бровцом были выделены базовые типы дешифровальных стимулов, а также описано явление симультанности абброконструкта (см. [7], [8]). В. А. Рязанова разграничила структурные и ономазиологические параметры описания аббревиатурных групп, рассмотрела понятие «дешифровальный стимул» в аспекте когнитивных навыков носителей языка (см. [16], [17]). Е. А. Акулич сформулировала принципы описания аббревиатурной группы (см. [2]). К. Ю. Емельянова исследовала явления квазиаббревиации и псевдоэквивалентности, а также определила специфику абброаффиксоида как типа сокращенного компонента абброморфемных квазиаббревиатур (см. [10], [11]). И. Р. Смирнова описала явление формальной вариативности применительно к абброконструктам русского языка, дала определение составному типу абброконструкта и его формально-ономазиологическим разновидностям (см. [20], [21]). М. Д. Агаркова представила типологию и определила языковые особенности адъективных аббревиатур (см. [1]). Т. А. Кириченко выделила модели формирования неинициальных онимов (см. [12]). А. К. Сытник разработала типологию гнезд эквивалентности сложносокращенных слов (см. [22]). А.А. Алтухова осветила принципы синхронно-эквивалентного анализа инициальных аббревиатур (см. [5]). Разумная Е. В. определила прескриптивные зоны графических сокращений (см. [14]). А. В. Чистоклетова ввела и описала понятие «аббревиатурная парадигма» (см. [32]). За десять лет непрерывной исследовательской деятельности авторская концепция аббревиации, предложенная В. И. Теркуловым, существенно «разрослась», пройдя путь от дополнения и уточнения ее центральных положений до рассмотрения периферийных и смежных с аббревиацией явлений и единиц (например, квазиаббревиатурных дериватов и графических сокращений).

4. Другие лексикографические проекты

4.1 Нормативные словари графических сокращений и аббревиатур

В 2024–2025 гг. сотрудники Лаборатории приняли участие в реализации государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ государственной регистрации РК 125052006173-0). Исполнителями данной научной темы для Национального словарного фонда Российской Федерации были составлены «Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» (около 7 тыс. словарных статей) и «Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании

в качестве государственного языка Российской Федерации)» (около 28 тыс. словарных статей), устанавливающие нормы современного русского литературного языка.

Данные лексикографические издания являются первыми в истории Донецкого государственного университета нормативными словарями национального уровня и входят в число 12 словарей Национального словарного фонда, создаваемых по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина, содержащемуся в перечне поручений по итогам заседания Совета по русскому языку, которое состоялось 5 ноября 2019 года, на основании и в соответствии с требованиями, содержащимися в Федеральном законе от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ) и в Постановлении Правительства РФ от 28 июня 2023 года № 1054 «Об утверждении требований к составлению и периодичности издания нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

4.1.1. «Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации»

Авторами «Словаря сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» (под ред. В. И. Теркулова и А. И. Бровца) являются: доцент кафедры русского языка А. И. Бровец, младший научный сотрудник кафедры русского языка К. Ю. Емельянова, студентка 1 курса магистратуры А. К. Сытник, студентка 3 курса бакалавриата Е. В. Разумная. Данный словарь представляет собой первый словарь сокращений, получивший статус нормативного, и носит предписывающий (прескриптивный) характер. Он подготовлен во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации № 1092 от 1 июля 2023 г. «О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» и входит в единую общегосударственную линейку нормативных словарей русского языка.

Объектом описания являются нормативные графические сокращения слов и словосочетаний, которые отмечаются исключительно в письменной речи, а при чтении предполагают расшифровку, то есть заменяются исходным словом или словосочетанием. Миссия словаря заключается в фиксации и описании единиц с опорой на современные орфографические, грамматические и стилистические нормы русского литературного языка. В словаре подробно изложены основные принципы сокращения слов и словосочетаний в русском языке, которое осуществляется посредством усечения, стяжения или их комбинирования, а также правила постановки точки, использования дефиса и косой черты для различных ситуаций сокращения.

Описанию подвергается русскоязычная по происхождению лексика русского литературного языка, которая может употребляться во всех сферах функционирования русского языка как государственного: от деятельности федеральных органов власти, делопроизводства и судопроизводства до средств массовой информации, рекламы и образования. При составлении словаря были реализованы принципы нормативности и единообразия написания: первый — при формировании словника, в связи с чем в него включена лексика, преимущественно используемая в книжной и официально-деловой речи, а второй — при устранении вариантности написаний, что было одной из ключевых задач, стоящих перед составителями, в силу специфики словаря: за каждым сокращением был закреплен единственный нормативный вариант, избранный на основе правил, традиции или ГОСТов (государственных стандартов). Авторы отмечают, что «словарь не предписывает употребления слов и словосочетаний в тех или иных сферах. В нём только указывается, какие единицы и, часто, в каких текстах могут быть заменены графическим сокращением» [19].

В качестве источников составителями использовались актуальные ГОСТы (ГОСТ Р 7.0.12-2011, ГОСТ 8.417-2024, ГОСТ Р 7.0.100-2018), Русский орфографический словарь (2-е изд. под ред. В.В. Лопатина), а также обширный перечень предшествующих словарей сокращений и аббревиатур (Словарь сокращений русского языка: 12500 сокращений (сост. Д. И. Алексеев), Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: 12 000 сокращений и аббревиатур (сост. Н. Н. Новичков), Новый словарь сокращений русского языка: около 32000 сокращений (под ред. Е. Г. Коваленко) и др.)

Структура словаря является двухчастной: в первой части заглавной единицей (вокабулой) словарной статьи является сокращение, а описательная часть содержит его дешифровку — слово или словосочетание; во второй части сокращение и дешифровка располагаются в обратном порядке.

Словарная статья в первой (прямой) части словаря помимо сокращения и дешифровки может, при необходимости, содержать помету «Устар.», а также жанрово-стилистический комментарий, указывающий на сферу употребления сокращения (например, «Библ. запись», «Офиц. документы», «СМИ и рекл.»).

4.1.2. «Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации)»

Составлением «Словаря аббревиатур русского языка (при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации)» (под ред. В. И. Теркулова и В. А. Рязановой) занимались: доценты кафедры русского языка В. А. Рязанова, А. И. Бровец, Е. Н. Станкус, А. А. Лялюк, младший научный сотрудник кафедры русского языка К. Ю. Емельянова, студентка 2 курса магистратуры М. Д. Агаркова, студентка 1 курса магистратуры А. К. Сытник, студентка 4 курса бакалавриата А. В. Чистоклетова, студентки 3 курса Е. В. Разумная и А. А. Алтухова.

Данный словарь является первым в истории русистики нормативным словарём аббревиатур, созданным для кодификации и установления норм употребления аббревиатур в государственном языке Российской Федерации. Актуальность его создания объяснялась отсутствием единой общеобязательной нормы, которое проявлялось в вариативности произношения буквенных аббревиатур, колебаниях в роде инициальных аббревиатур и отсутствии чётких правил, допускающих склонение аббревиатур, в русском языке.

Объектом описания являются аббревиатуры, функционирующие в системе современного русского литературного языка, которые представлены инициальными (буквенными и звуковыми) единицами, сложносокращёнными словами (частично сокращёнными словами и слоговыми аббревиатурами) и смешанными (буквенно-звуковыми и инициально-слоговыми) аббревиатурами. Важнейшим принципом отбора материала для словника стало включение в него только имён нарицательных, так как имена собственные (*МГУ, Роскомнедра* и проч.) представляют собой «подвижные» единицы, которые возникают и исчезают вместе с названными ими объектами, вследствие чего их регламентация в нормативном словаре государственного языка затруднительна. Объединение инициальных и сложносокращённых нарицательных аббревиатур в один класс обосновано их структурно-функциональным тождеством: единицы обоих типов возникают в результате трансформации устойчивого словосочетания в слово.

В словаре реализуется синхронно-эквивалентностный деривационный подход к аббревиации: при включении единицы учитывается не способ ее образования, а способность носителей языка интерпретировать её как аббревиатуру, имеющую активно употребляемое эквивалентное словосочетание. Следствием этого является фиксация не одного (производящего), а всех актуальных эквивалентов аббревиатуры, так как одному сокращению (зачастую сложносокращённому, и крайне редко инициальному) может соответствовать несколько семантически близких словосочетаний (например: *автожурнал — автомобильный журнал, журнал об автомобилях, журнал для автолюбителей* и т. д.).

Словарь предназначен для использования во всех сферах государственного языка: от делопроизводства и судопроизводства до СМИ, рекламы, образования и информации для потребителей.

Словарная статья включает заглавное слово (аббревиатуру), фонетическую транскрипцию (только для инициальных аббревиатур), ударение (в частности, побочное для сложносокращённых слов), грамматические характеристики (склоняемость, родовую характеристику (указание на ее отсутствие в случае употребления слова только в форме множественного числа — посредством пометы «мн.»)), функциональные пометы (помету «Устар.», а также жанрово-стилистические пометы «Образование», «СМИ и рекл., фильмы и худож. произведения» и др.), толкование и структурные расшифровки аббревиатуры (все частотные синтаксические эквиваленты, расположенные от наиболее частотного к наименее частотному на основе данных аббревиатурного корпуса ДонГУ).

Что касается решения актуальных спорных вопросов, обозначенных авторами относительно функционирования аббревиатур в русском языке, то они решаются во введении с целью формирования четких принципов нормативного описания.

1) Буквенный способ произношения фиксируется для инициальных аббревиатур, состоящих только из согласных, а также из согласных и одной гласной буквы, находящейся в пост- или препозиции (*ПМЖ* [пэмжэ] — *постоянное место жительства*, *ЭВМ* [эвэм] — *электронно-вычислительная машина*, *КБО* [кабэо] — *комбинат бытового обслуживания* и т. д.), а звуковой применяется для инициальных аббревиатур с гласной в начале или середине сокращения или с несколькими гласными, если аббревиатура образует слоги, сочетания согласных которые допустимы в русском языке (*НИИ* [ни́и] — *научно-исследовательский институт*, *МАН* [ман] — *мостовая авиационная бомба* и т. д.). Для многокомпонентных или сложных инициальных аббревиатур, а также для аббревиатур, включающих слоговой конструкт, допускается смешанный способ произношения (*РУВД* [рувэдэ] — *районное управление внутренних дел*). Для букв К, Х, Ж, Ф в середине слова допускается использование разговорных названий («кэ», «фэ» и т. д.), если такая традиция широко закрепилась (*ЖКХ* [жекэхá], нескл., с. Жилищно-коммунальное хозяйство, жилкомхоз, жилкомхоз, жилищное хозяйство, жилхозяйство, ЖК). В начале или конце аббревиатуры используются только официальные названия букв.

2) Ударение в большинстве исконных инициальных аббревиатур ударение падает на последний слог или на гласный призвук в названии последней буквы: *АКО* [акó] — *амбулаторно-консультативное отделение*, *КХЛ* [кахэ́л] — *континентальная хоккейная лига*. Ударение переносится на предпоследний слог, если аббревиатура оканчивается на сочетание «гласный + лабиализованный гласный» (-АО, -ЭО, -АУ, -ЭУ, -ИО и т. д.): *МРЭО* [мрэо́] — *межрайонное регистрационно-экзаменационное отделение*.

3) Род инициальных аббревиатур чаще определяется по стержневому слову расшифровки, однако лексикализованные звуковые аббревиатуры, оканчивающаяся на твёрдый согласный (например, *вуз*, *ЗАГС*), а также слоговые аббревиатуры (*автопром*, *колхоз*) могут приобретать род по формальному признаку.

4) Склоняемость отмечается для большей части звуковых и буквенных аббревиатур мужского рода, заканчивающиеся на согласный, а также для слоговых аббревиатур и сложносокращённых слов. Помета «нескл.» даётся при буквенных аббревиатурах (кроме части аббревиатур мужского рода), заканчивающихся на согласный: *в ВВС*, *в ГБР*; при звуковых аббревиатурах, оканчивающихся на гласный (*в ГАИ*, *о САУ*); при звуковых аббревиатурах женского и среднего рода, оканчивающихся на согласный: *об АЭС*, *для ТЭЦ*).

При составлении словаря использовались картотека Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка, данные электронного словаря сокращений, акронимов, аббревиатур и сложносоставных слов русского языка Sokr.ru, зарегистрированные базы данных («Словарь аббревиатур» и «Словник Словаря аббревиатур русского языка как государственного»), а также уже существующие словари

сокращений и аббревиатур (труды Д. И. Алексеева, И. А. Елисеева, Н. Н. Новичкова, Г. Н. Скляревской и других) [18].

4.2 Текущие разработки

На данный момент все исследования Лаборатории осуществляются в рамках грантового проекта Российского научного фонда № 26-18-20134 «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении». Одной из главных текущих задач, стоящих перед сотрудниками, является создание «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка».

Еще в процессе работы над «Толковым словарем сложносокращённых слов русского языка» был задуман ряд других проектов, в рамках которых принципы синхронно-эквивалентного подхода применялись бы к описанию иных аббревиатурных единиц. Так возникли идеи создания «Толкового словаря абброконструктов», «Толкового словаря сложносокращённых онимов», «Толкового словаря инициальных аббревиатур», «Толкового словаря квазиаббревиатур», «Словаря адекватных аббревиатур», база единиц для которых формировалась в процессе самостоятельных исследований сотрудников Лаборатории. Большинство из этих проектов на данный момент находятся на этапе реализации, однако к изданию уже подготовлен «Словарь абброконструктов русского языка», составленный на основе картотеки словаря сложносокращённых слов (см. подробнее о принципах составления словаря, структуре словарной статьи и проч. [24]).

Как отмечалось ранее, описание аббревиатур разных формально-омномасиологических типов требует учета специфики каждого из них. Это задача, требующая разработки особой описательной методологии для каждого типа единиц. Однако общие принципы эквивалентного анализа, изложенные В.И. Теркуловым в [27], применимы для описания любых типов «синхронных» аббревиатур (сложносокращённых онимов, инициальных апеллятивов, инициальных онимов, квазиаббревиатур, аббревиатурных заимствований и проч.) Из этой установки возникла идея создания интеграционного лексикографического проекта — «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка», в котором необходимо представить толкование и отразить эквивалентность всех актуальных, то есть реально отраженных в текстах (не только в словарных базах), аббревиатур русского языка. Данный проект представляется также базой для создания ряда словарей со специальными объектами описания, где помимо грамматических и фонетических характеристик, формальных вариантов, толкования и эквивалентов будут системно отражены языковые особенности описываемых единиц (например, наличие псевдоэквивалентов у квазиаббревиатур (см. подробнее [11])). Все словари данного ряда объединены синхронной парадигмой описания (сокращение — текстовые эквиваленты).

Достижения (результаты апробации и публикационная активность).

Апробация результатов осуществлялась в формате мастер-классов, круглых столов, выступлений на научных конференциях, симпозиумах и семинарах различного уровня.

1. Представителями Лаборатории систематически проводились мастер-классы, посвящённые описанию особенностей работы над «Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка»:

- мастер-класс в рамках I Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 2017 г.);
- мастер-класс «Принципы составления толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (Донецк, 2019 г.);
- мастер-класс «Принципы составления толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (Новозыбков, 2021 г.).

2. Деятельность Лаборатории обсуждалась на Круглых столах:

- на III Международном педагогическом форуме в г. Сочи (2016 г.),
- на I Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 2017 г.),

- на Съезде славистов Скандинавии (Финляндия, 2019 г.),
- на круглом столе «Итоги создания "Толкового словаря сложносокращённых слов": 7 лет коллективной работы» на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2022» (Москва, МГУ, 2022 г.).

Сотрудники Лаборатории 81 раз становились победителями и призёрами студенческих и аспирантских конкурсов научных работ разного уровня: 1 раз — на международном, 11 — на всероссийском, 29 — на международном в ДНР, 1 — на республиканском, 39 — на университетском.

Доклады представителей Лаборатории 108 раз признавались лучшими на конференциях разного уровня: 25 — на международных конференциях, 11 — на всероссийских, 46 — на международных в ДНР, 14 — на республиканских, 12 — на университетских.

Сотрудниками Лаборатории:

- опубликована 191 статья, из которых 9 разделов в коллективных монографиях, 6 статей, индексируемых в Scopus и Web of science, 38 статей в журналах ВАК РФ, индексируемых в РИНЦ, 161 статья в изданиях, индексируемых в РИНЦ;

- опубликованы 158 тезисов, из которых 65 индексируются в РИНЦ;

- сделано 632 доклада, из которых 313 — на международных конференциях и на всероссийских конференциях с международным участием, 227 — на международных конференциях в ДНР, 72 — на республиканских конференциях и 111 на университетских конференциях и семинарах.

Лаборатория стала постоянным участником и призёром таких научных мероприятий международного уровня, как «Ломоносов» при МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), «Дни науки» при ИОИГН (г. Калининград), «Первые шаги в науку» при Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербеков (г. Нальчик) и многих других.

Подводя итоги десятилетней деятельности Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации, можно говорить о формировании продуктивного научно-исследовательского объединения молодых ученых. В его рамках авторская концепция В. И. Теркулова прошла путь от новаторской теории до словообразовательной концепции Донецкой дериватологической школы и получила фундаментальное лексикографическое воплощение в системе толковых словарей русского языка. В аспекте образовательного процесса Донецкого государственного университета Лаборатория является показателем того, что студенческая наука может быть полноценной частью «большой» науки, дающей значимые научные результаты, о чем свидетельствуют грантовая поддержка исследований, широкая апробация и высокие показатели публикационной активности. Все это позволяет прогнозировать дальнейшее развитие деятельности Лаборатории и её реализацию в новых исследовательских проектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаркова, М. Д. Сложнопроизводные отаббревиатурные прилагательные в синхронном аспекте / М. Д. Агаркова // Новые горизонты русистики. — 2022. — № 18. — С. 4–8.
2. Акулич, Е. А. Аббревиатурная группа вело: общая характеристика / Е. А. Акулич // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 117–124.
3. Алексеев, Д. И. Словарь сокращений русского языка: 12500 сокр. / сост.: Д. И. Алексеев [и др.], под общ. ред. В. Ф. Корицкого. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. — 486 с.
4. Алексеев, Д. И. Сокращенные слова в русском языке. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. — 328 с.
5. Алтухова, А. А. Множественная эквивалентность инициальных аббревиатур / А. А. Алтухова // Новые горизонты русистики: материалы XII Международной научной конференции студентов и молодых ученых посвященной памяти Г. И. Рихтера, Донецк, 11 марта 2025 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. — С. 79–81.
6. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с.

7. Бровец, А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. — Макеевка: ДонНАСА, 2016. — С. 51–57.
8. Бровец, А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — Т.1. — с. 41–52.
9. Емельянова, К. Ю. Квазиаббревиация и псевдоэквивалентность / К. Ю. Емельянова // Наука будущего-наука молодых: сборник тезисов докладов участников девятого Всероссийского молодежного научного форума, Самара, 29 октября — 01 ноября 2024 года. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Инконсалт К», 2024. — С. 87.
10. Емельянова, К. Ю. Понятие об абброаффиксоиде / К. Ю. Емельянова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 20–23.
11. Емельянова, К. Ю. Структура словарной статьи Словаря квазиаббревиатур / К. Ю. Емельянова // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 г. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. — С. 15–18.
12. Кириченко, Т. А. Сложносокращенные онимы как автономный класс / Т. А. Кириченко, В. И. Теркулов // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. — С. 24–26.
13. Куликова, Э. Г., Светличная, Н. О. Лингвопрагматика современного русского словообразования: аббревиация и дезаббревиация. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 136 с.
14. Разумная, Е. В. Графические сокращения как объект прескриптивного описания / Е. В. Разумная // Новые горизонты русистики. — 2025. — № 3(29). — С. 22–29. — DOI 10.5281/zenodo.18071308.
15. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. — Москва: Наука, 1980. — 783 с.
16. Рязанова, В. А. Дешифровальные стимулы как индивидуальные критерии развёртывания сложного слова / В. А. Рязанова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 года / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Т. 4. Ч. 2. — Донецк: Издательство ДонНУ, 2019. — С. 23–25.
17. Рязанова, В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020. — № 1. — С. 114–122.
18. Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации): более 20 000 словарных статей / под научной редакцией В. И. Теркулова и В. А. Рязановой; составители: М. Д. Агаркова [и др.]. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 536 с.
19. Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации / А. И. Бровец, К. Ю. Емельянова, Е. В. Разумная, А. К. Сытник; под научной редакцией В. И. Теркулова и А. И. Бровца. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 103 с.
20. Смирнова, И. Р. Об особенностях формального выражения неинициальных абброконструктов в русском языке / И. Р. Смирнова // Новые горизонты русистики. — 2023. — № 3(21). — С. 32–38.
21. Смирнова, И. Р. Формально-ономасиологические типы составных абброконструктов / И. Р. Смирнова // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей VIII Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 09–13 июня 2024 года. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. — С. 83–88.
22. Сытник, А. К. Гнездо эквивалентности как семантическое поле / А. К. Сытник, В. И. Теркулов // Донецкие чтения-2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года — Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. — С. 29–31.
23. Теркулов, В. И. Аббревиационные "мелочи" / В. И. Теркулов // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. — 2015. — № 2. — С. 39–43.
24. Теркулов, В. И. Абброконструкт: принципы определения и описания / В. И. Теркулов, И. Р. Смирнова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 2. — С. 28–42. — DOI 10.29025/2079-6021-2022-2-28-42.
25. Теркулов, В. И. Донецкая дериватологическая школа и Донецкая школа регионоведения в Крыму / В. И. Теркулов // Русский язык в Крыму и "Русский язык в поликультурном мире": 10-летию Крымской весны посвящается. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. — С. 144–155.

26. Теркулов, В. И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте: специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Киев, 2008. — 472 с.
27. Теркулов, В. И. Словарь сложносокращённых слов как основа проекта «большой Толковый словарь аббревиатур русского языка» / В. И. Теркулов // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. — С. 32–34.
28. Теркулов, В. И. Типология псевдоунивербализаций в русском языке / В. И. Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2013. — № 3(19). — С. 55–62.
29. Теркулов, В. И. Теоретические основания «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» // Русский язык в школе. 2025. — Т. 86, № 3. — С. 40–50. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50>.
30. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — М., 2017. — Серия 9: Филология. — № 6. — С. 73–97.
31. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка [электронный ресурс]: 13622 словарных статей, 695 аббревиатурных групп, 12927 гнезд эквивалентности / В. И. Теркулов [и др.]; под ред. В. И. Теркулова; отв. ред. В.А. Рязанова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 1040 с.
32. Чистоклетова, А. В. Аббревиатурные парадигмы в словнике Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка / А. В. Чистоклетова // Актуальные проблемы филологии и журналистики: Материалы XXXVII ежегодной научной студенческой конференции с международным участием, Нижний Новгород, 18 апреля 2025 года. — Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. — С. 254–267.

REFERENCES

1. Agarkova, M. D. (2022). Slozhnoproizvodnye otabbreviaturnye prilagatel'nye v sinkhronnom aspekte [Complex-derived deabbreviatival adjectives in the synchronic aspect]. *Novye gorizonty rusistiki*, 18, 4–8. (In Russian).
2. Akulich, E. A. (2017). Abbreviaturnaya gruppa velo: obshchaya kharakteristika [The abbreviation group velo: general characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 117–124. (In Russian).
3. Alekseev, D. I., et al. (1963). Slovar' sokrashchenii russkogo yazyka: 12500 sokr. [Dictionary of Russian abbreviations: 12,500 abbreviations] (V. F. Koritskii, Ed.). Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari. (In Russian).
4. Alekseev, D. I. (1979). Sokrashchennye slova v russkom yazyke [Abbreviated words in Russian]. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).
5. Altukhova, A. A. (2025). Mnozhestvennaya ekvivalentnost' initsial'nykh abbreviatury [Multiple equivalence of initial abbreviations]. *Novye gorizonty rusistiki: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh posvyashchennoi pamyati G. I. Rikhtera. Donetskii gosudarstvennyi universitet*. 79–81. (In Russian).
6. Borisov, V. V. (1972). Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh [Abbreviation and acronyms. Military and scientific-technical abbreviations in foreign languages]. Voenizdat. (In Russian).
7. Brovets, A. I. (2016). Bazovye tipy deshifroval'nykh stimulov v gnezde ekvivalentnosti slozhnosokrashchennogo slova [Basic types of decoding stimuli in the equivalence nest of a compound abbreviated word]. E. V. Gorokhov, N. M. Zaichenko et al. (Eds.). *Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii. DonNAsA*. 51–57. (In Russian).
8. Brovets, A. I. (2016). O simultannykh abbrokonstruktakh (na materiale abbreviatsionnoi gruppy elektro) [On simultaneous abbroconstructs (based on the abbreviation group elektro)]. E. Ya. Titarenko (Ed.), *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Vol. 1*, 41–52. IT "ARIAL". (In Russian).
9. Emel'yanova, K. Yu. (2024). Kvaziabbreviatsiya i psevdokvivalentnost' [Quasi-abbreviation and pseudo-equivalence]. *Nauka budushchego — nauka molodykh: sbornik tezisov dokladov uchastnikov devyatogo Vserossiiskogo molodezhnogo nauchnogo foruma. Inkonzal't K*. (In Russian).
10. Emel'yanova, K. Yu. (2022). Ponyatie ob abbroaffiksoide [The concept of abbroaffixoid]. In *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Donetskii natsional'nyi universitet*. 20–23. (In Russian).
11. Emel'yanova, K. Yu. (2023). Struktura slovarnoi stat'i Slovarya kvaziabbreviatury [Structure of a dictionary entry in the Dictionary of Quasi-Abbreviations]. *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Donetskii gosudarstvennyi universitet*. 15–18. (In Russian).
12. Kirichenko, T. A., Terkulov, V. I. (2023). Slozhnosokrashchennye onimy kak avtonomnyi klass [Compound abbreviated proper names as an autonomous class]. *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Donetskii gosudarstvennyi universitet*. 24–26. (In Russian).

13. Kulikova, E. G., Svetlichnaya, N. O. (2015). Lingvopragmatika sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya: abbreviatsiya i dezabbreviatsiya [Linguopragmatics of modern Russian word formation: abbreviation and deabbreviation]. FLINTA: Nauka. (In Russian).
14. Razumnaya, E. V. (2025). Graficheskie sokrashcheniya kak objekt preskriptivnogo opisaniya [Graphic abbreviations as an object of prescriptive description]. *Novye gorizonty rusistiki*, 3(29), 22–29. DOI 10.5281/zenodo.18071308. (In Russian).
15. Russkaya grammatika (1980) [Russian grammar] (Vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya). Shvedova, N. Yu. (Ed.). Nauka. (In Russian).
16. Ryazanova, V. A. (2019). Deshifroval'nye stimuly kak individual'nye kriterii razvertyvaniya slozhnogo slova [Decoding stimuli as individual criteria for the expansion of a complex word]. S. V. Bespalova (Ed.), *Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti*. Vol. 4, Pt. 2, 23–25. Izdatelstvo DonNU. (In Russian).
17. Ryazanova, V. A. (2020). Tipologiya abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiya [Typology of abbreviation groups: principles and implementation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, 1, 114–122. (In Russian).
18. Slovar' abbreviatury russkogo yazyka (pri ego ispol'zovanii kak gosudarstvennogo yazyka Rossiiskoi Federatsii) (2026) [Dictionary of Russian Abbreviations (when used as the state language of the Russian Federation)] (over 20,000 entries). (V. I. Terkulov, V. A. Ryazanova, Eds.) Izdatelstvo DonGU. (In Russian).
19. Slovar' sokrashchenii v russkom yazyke kak gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii (2026) [Dictionary of Abbreviations in the Russian Language as the State Language of the Russian Federation] (V. I. Terkulov, A. I. Brovets, Eds.). Izdatelstvo DonGU. (In Russian).
20. Smirnova, I. R. (2023). Ob osobennostyakh formal'nogo vyrazheniya neinitsial'nykh abbrokonstruktov v russkom yazyke [On the features of formal expression of non-initial abbroconstructs in Russian]. *Novye gorizonty rusistiki*, 3(21), 32–38. (In Russian).
21. Smirnova, I. R. (2024). Formal'no-onomasiologicheskie tipy sostavnykh abbrokonstruktov [Formal-onomasiological types of compound abbroconstructs]. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Vol. 2, 83–88. Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo. (In Russian).
22. Sytnik, A. K., Terkulov, V. I. (2025). Gnezdo ekvivalentnosti kak semanticheskoe pole [The equivalence nest as a semantic field]. *Donetskie chteniya 2025: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti*. 29–31. Donetskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
23. Terkulov, V. I. (2015). Abbreviatsionnye “melochi” [Abbreviation “trifles”]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, 2, 39–43. (In Russian).
24. Terkulov, V. I., Smirnova, I. R. (2022). Abbrokonstrukt: printsipy opredeleniya i opisaniya [Abbroconstruct: principles of definition and description]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2, 28–42. DOI 10.29025/2079-6021-2022-2-28-42. (In Russian).
25. Terkulov, V. I. (2024). Donetskaya derivatologicheskaya shkola i Donetskaya shkola regionovedeniya v Krymu [Donetsk derivatological school and Donetsk school of regional studies in Crimea]. *Russkii yazyk v Krymu i “Russkii yazyk v polikul'turnom mire”: 10-letiyu Krymskoi vesny posvyashchaetsya*. Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo. 144–155 (In Russian).
26. Terkulov, V. I. (2008). Kompozity russkogo yazyka v onomasiologicheskom aspekte [Composites of the Russian language in onomasiological aspect] (Doctoral dissertation). Kiev. (In Russian).
27. Terkulov, V. I. (2025). Slovar' slozhnosokrashchennykh slov kak osnova proekta «bol'shoi Tolkovyi slovar' abbreviatury russkogo yazyka» [Dictionary of compound abbreviated words as the basis for the project “Large Explanatory Dictionary of Russian Abbreviations”]. *Donetskie chteniya — 2025: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti*. Donetskii gosudarstvennyi universitet. 32–34. (In Russian).
28. Terkulov, V. I. (2015). (2013). Tipologiya psevdouniverbalizatsii v russkom yazyke [Typology of pseudo-univerbations in the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 3(19), 55–62. (In Russian).
29. Terkulov, V. I. (2025). Teoreticheskie osnovaniya «Tolkovogo slovary slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka» [Theoretical foundations of the “Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language”]. *Russkii yazyk v shkole*, 86(3), 40–50. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50>. (In Russian).
30. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya [Compound abbreviated words: synchronic and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 73–97. (In Russian).
31. Terkulov, V. I., et al. (2025). Tolkovyi slovar' slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language] [Electronic resource] (V. I. Terkulov, Ed., V. A. Ryazanova, Managing Ed.). DonGU. (In Russian).
32. Chistokletova, A. V. (2025). Abbreviaturnye paradigmy v slovnikе Tolkovogo slovary slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka [Abbreviation paradigms in the wordlist of the Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language]. *Aktual'nye problemy filologii i zhurnalistiki: Materialy XXXVII*

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF AN ORIGINAL CONCEPT OF RUSSIAN ABBREVIATION:
10TH ANNIVERSARY OF THE EXPERIMENTAL LABORATORY FOR THE STUDY OF
ABBREVIATION TENDENCIES**

This article describes the activities of the Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Tendencies at the Russian Language Department of Donetsk State University in the period from 2016 to 2026. The author outlines the background to the laboratory's establishment, the theoretical and practical objectives of its work, and its key achievements and results. The laboratory's researchers have made a significant contribution to the development of the original concept of Russian abbreviation proposed by Vyacheslav Terkulov, which formed the basis for the ideas of the Donetsk derivational school. The laboratory's research is conducted using a synchronic-equivalence approach to abbreviation, which considers the motivational (formal-equivalence) relations between abbreviations and phrases in the current state of the language and is opposed to the traditional diachronic approach, which views an abbreviation as a word-formation product resulting from the contraction of a phrase. The laboratory's research is conducted using a synchronic-equivalence approach to abbreviation, which considers the motivational (formal-equivalence) relations between abbreviations and phrases in the current state of the language and is opposed to the traditional diachronic approach, which views an abbreviation as the product of a phrase's contraction. The concept of Russian abbreviation outlined in the article has been put into practice through the creation of a series of new-type explanatory dictionaries of abbreviated units. The author notes the scientific recognition of the laboratory's work on the basis of its completion of a state assignment to compile normative dictionaries of abbreviations and graphic abbreviations for the National Lexicon of the Russian Federation.

Keywords: *synchronic-equivalence approach, abbreviation, compound abbreviation, dictionary of abbreviations, dictionary of graphic abbreviations, standard dictionary, new-type dictionary.*

Смирнова Ирина Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студент 3 курса аспирантуры.
Направление подготовки 5.9.5 Русский язык.
Языки народов России.
ORCID 0000-0002-5021-9372.
E-mail: smirinaa15@gmail.com.

Smirnova Irina Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
A 3th year postgraduate student.
The field of study is 5.9.5 Russian language.
Languages of the peoples of Russia.
ORCID 0000-0002-5021-9372.
E-mail: smirinaa15@gmail.com.

Научная статья
 УДК 81'373.611
 DOI: 10.5281/zenodo.20476018

А. А. Алтухова © 2026
 Федеральное государственное бюджетное
 образовательное учреждение высшего образования
 «Донецкий государственный университет»
 ORCID 0009-0002-5023-0368

ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК СЛОВАРНАЯ СУЩНОСТЬ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена теоретическому обоснованию и разработке комплексной лексикографической модели описания инициальных аббревиатур, базирующейся на положениях синхронно-эквивалентностного подхода. В работе дано определение инициальной аббревиатуры как особого класса лексических единиц, охарактеризованы феномены множественной эквивалентности, структурной вариативности, разграничены омонимия и эквивалентностная полисемия. Проведён анализ существующих лексикографических практик представления инициальных сокращений в специализированных словарях, выявлены ограничения формально-справочного подхода, сводящего описание аббревиатуры только к дешифровке. В качестве главного принципа предлагаемой модели выступает фиксация всех мотивационно связанных с аббревиатурой эквивалентов, функционирующих на определённом синхронном срезе языка. На основе проведённого анализа предложена оптимальная структура словарной статьи, интегрирующая зоны транскрипции, грамматической характеристики, семантизации и полного перечня эквивалентных единиц.

Ключевые слова: инициальная аббревиатура, синхронно-эквивалентностный подход, множественная эквивалентность, вариативность, лексикографическая модель, лексикографическое описание, словарная статья.

Для цитирования: Алтухова, А. А. Инициальные аббревиатуры как словарная сущность: принципы описания / А. А. Алтухова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 56–64. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476018>.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134/>.

Введение. Распространённость инициальных аббревиатур в различных сферах обусловила устойчивый интерес к ним со стороны лексикографов, результатом которого стало создание целого ряда фундаментальных справочных изданий. К числу наиболее цитируемых и полных источников относятся труды и словари Д. И. Алексеева [1], [11], [6], Г. Н. Скляревской [5; 15], И. В. Фаградянца [14], И. А. Елисеева [13], Л. А. Барановой, [12], [2], В. В. Борисова [3] и др. Вместе с тем, несмотря на несомненную научную и практическую ценность перечисленных трудов, они не в полной мере отражают реальное функционирование инициальных аббревиатур в системе современного русского языка. Актуальный — синхронный — подход к описанию аббревиатур разрабатывается Донецкой дериватологической школой. В частности, особенности составления толкового словаря аббревиатур представлены в работах В. И. Теркулова [7–10]. Тем не менее инициальные аббревиатуры ранее не входили в объект описания такого словаря, поскольку приоритет отдавался сложносокращённым словам.

Актуальность исследования определяется существующим противоречием между активной лексикографической фиксацией инициальных аббревиатур и недостаточной глубиной их научного и словарного описания. С одной стороны, лингвистические исследования традиционно концентрировались на формальных аспектах — анализе способов сокращения, классификации структурных моделей, графическом и фонетическом

оформлении сокращённых единиц. С другой стороны, лексикографическая практика в значительной степени была подчинена утилитарной цели дешифровки, сводя функцию словарной статьи к установлению соответствия между аббревиатурой и её полным эквивалентом. Даже в тех случаях, когда внимание уделялось грамматической специфике слова, описание часто носило дескриптивный характер, только фиксируя синхронные и диахронные колебания морфологических характеристик. При этом семантические особенности инициальных аббревиатур и мотивационно связанных с ними словосочетаний и слов, а также такие ключевые особенности, как вариативность структуры и множественная эквивалентность, оставались на периферии научного интереса. Эти явления либо не получали системного рассмотрения, либо редуцировались до упрощённых нормативных трактовок. Таким образом, актуальность работы заключается в необходимости преодоления указанного методологического разрыва путём разработки целостного лексикографического подхода, который интегрировал бы формальное и синхронно-эквивалентностное описание, что соответствует современным требованиям к комплексному представлению языковых единиц в словарях.

Цель работы — теоретическое обоснование и разработка новой лексикографической модели, адекватно отражающей специфику инициальных аббревиатур. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) описать инициальные аббревиатуры как класс лексических единиц;
- 2) рассмотреть существующие лексикографические подходы к описанию аббревиатур инициального типа;
- 3) на основе проведённого анализа предложить оптимальную структуру словарной статьи для инициальной аббревиатуры.

Материалы и методы исследования. Источник фактического материала — картотека созданных научной группой кафедры русского языка «Словаря аббревиатур государственного языка Российской Федерации» и «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка», словари аббревиатур и сокращений [11–15], сайт «Sokr.ru» и поисковые системы Google и Yandex. В силу распространённости омонимии среди инициальных аббревиатур отбор опирался на данные существующих словарей и базы Sokr.ru, а верификация эквивалентности проводилась по модифицированной методике, учитывающей совпадение конструкторов инициальных сокращений. Данная методика основана на положениях синхронно-эквивалентностного подхода, в соответствии с которым аббревиатура рассматривается в совокупности с единицами, формально и семантически соотносимыми с ней на синхронном срезе языка и употребляющимися в эквивалентных текстах.

Для осуществления исследования использовались следующие методы: метод сплошной выборки (для формирования репрезентативного корпуса исследуемых аббревиатур), сравнительно-сопоставительный (для анализа способов лексикографической подачи), метод ономаσιологического анализа (для выявления отношения между эквивалентами и сокращением).

Основная часть. Адекватное лексикографическое осмысление инициальных аббревиатур как особой словарной сущности требует предварительного рассмотрения их структурно-семантических особенностей и существующих подходов к их трактовке в лингвистике.

Инициальные аббревиатуры — это дифференцированный класс лексических единиц, конструируемых путём сложения начальных фонетических или графических элементов слов/компонентов сложных слов, входящих в структуру исходного словосочетания. Специфика данного класса аббревиатур заключается в отсутствии у их структурных компонентов морфемного статуса. Это обусловлено тем, что инициальные конструкторы десемантизированы, лишены грамматической оформленности и «не воспроизводятся, а каждый раз создаются в результате сокращения слов производящего словосочетания» [4, с. 61].

Структурно-семантические особенности инициальных аббревиатур, в частности неинформативность инициальных конструктов, предопределяют предрасположенность сокращений данного типа к лексической омонимии — формальному (графическому и фонетическому) совпадению двух или более сокращённых единиц, имеющих различные значения и не связанных между собой семантически или словообразовательно. Так, например, существует не менее 26 омонимичных инициальных аббревиатур *ДВ*, варианты расшифровки которых: *дисциплинарное взыскание, двигатель винтовой, десантный взвод, датчик ветра, дымообразующее вещество, донный взрыватель, диаметр внутренний, воздушный десант* и другие.

В связи с изложенным представляется необходимым разграничивать омонимию инициальных аббревиатур и эквивалентностную полисемию, при которой сокращение обладает несколькими мотивационно связанными эквивалентами с тождественным значением. Например, *АРЗ* — *авторемзавод, авторемонтный завод, автомобильный ремонтный завод, завод по ремонту автомобилей*. Данное явление, определяемое как множественная эквивалентность, требует обязательного учёта и лексикографической фиксации, однако в существующей словарной практике, как будет показано далее, ему не уделялось достаточного внимания. С множественной эквивалентностью сопряжено явление вариативности структуры инициальных аббревиатур, которое заключается в обозначении одного референта несколькими мотивационно связанными, но формально различающимися по структуре инициальными сокращениями (например, *АРТ, АРВТ* — *антиретровирусная терапия*).

Лексикографические модели описания инициальных аббревиатур

Фиксация и описание инициальных аббревиатур в лексикографической практике осуществляется несколькими типами словарей, каждый из которых решает специфические задачи. Первичными и наиболее полными источниками являются специализированные словари сокращений, целью которых является максимально широкий охват аббревиатур из различных сфер деятельности с обязательной дешифровкой и соответствующими пояснениями. Параллельно аббревиатуры фиксируются в отраслевых (терминологических) словарях, где они рассматриваются в качестве неотъемлемых элементов специальной лексики конкретной профессиональной области. Лексикализованные инициальные аббревиатуры, перешедшие в разряд общеупотребительных слов, имеющие фонетическую оформленность, грамматические характеристики, деривационный потенциал, получают репрезентацию в общих толковых словарях. Современный этап развития лексикографии характеризуется активным развитием электронных лексикографических баз данных и специализированных онлайн-ресурсов. Данные форматы обладают существенными преимуществами в скорости актуализации материала. Это свойство приобретает особую значимость именно применительно к инициальным аббревиатурам, которые представляют собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов лексической системы: появление новых государственных структур, технологических реалий, коммерческих организаций и общественных движений влечёт за собой возникновение новых сокращений, требующих безотлагательной лексикографической фиксации. В рамках данной работы рассматриваются специализированные лексикографические источники, объектом описания которых служат исключительно сокращённые единицы.

В лексикографии доминирует подход, при котором семантика инициальных аббревиатур не раскрывается. Большинство словарей ограничивается представлением их формальной дешифровки, например:

ААНИИ Арктический и антарктический научно-исследовательский институт [14, с. 7].

АБВ антенна бегущей волны [13, с. 8].

Минимальной и зачастую единственной формой семантизации в таких случаях выступает тематическая помета, которая лишь в общих чертах относит единицу к определённой понятийной сфере:

АТРМ [а-тэ-эр-эм] — **автотракторная ремонтная мастерская (воен.)** [11, с. 32].

АКС аномальная корреспонденция сетчатки (мед.) [14, с. 23].

Такая практика широко распространена в электронных лексикографических базах данных и специализированных онлайн-ресурсах. Например, ресурс Sokr.Ru — наиболее полная база русскоязычных сокращений, включающая более 160 000 сокращённых единиц разных типов — позиционирует себя как практический инструмент для перевода аббревиатуры в её развёрнутую форму, выполняя тем самым исключительно справочную и фиксационную функцию. Статьи, как правило, содержат только расшифровку, источник информации и тематические пометы:

Запись № 333 126

Добавлена 21.01.2026

Источник: <https://rusada.ru/about/committees/>

ДАК

Дисциплинарный антидопинговый комитет

организация

спорт.

Запись № 334 202

Добавлена 21.03.2026

Источник: <https://guides.rusarchives.ru/terms/124/18416/nauchnye-nauchno-issledovatel'skie-uchrezhdeniya>

ВНИИИМЗ

Всероссийский научно-исследовательский институт сельскохозяйственного использования мелиорированных земель

образование и наука

сельхоз.

Более полный подход демонстрирует «Словарь аббревиатур иноязычного происхождения» Л. А. Барановой, целью которого является фиксация и систематизация заимствованных аббревиатур, функционирующих в русском языке. Обязательная структура словарной статьи здесь обусловлена целевой установкой словаря и включает аббревиатуру и варианты её написания, особенности произношения, способ заимствования, оригинальную форму, развёрнутое словосочетание, а также перевод или толкование значения:

BMW [бэ-эм-вэ́], транслитерация < нем. BMW — сокр. < Bayerische Motoren Werke — букв. 'Баварские моторные заводы' — название популярной марки автомобиля (от наименования немецкой фирмы — производителя автомобилей и мотоциклов). См. **BMW**.

Бавария — родина таких концернов-гигантов, как БМВ, «Ауди», «Сименс», «Адидас»... (АиФ в Укр., 2007, № 5). Исаев успел открыть дверь БМВ одновременно с Холтоффом... (Ю. Семёнов. Бомба для председателя). Но чаще всего «мерседесы», «ауди» и «БМВ» с «флагастыми» номерами и мигалками на крышах подвозят их прямо к трапу (АиФ в Укр., 2007, № 16) [Баранова, 2009, с. 29].

ВТЦ [вэ-тэ-цэ́], калька < англ. WTC — сокр. < World Trade Centre — Всемирный торговый центр, здания которого в Нью-Йорке были уничтожены террористами 11.09.2001 г.

Его интересует, почему паспорт лидера террористов Мухаммеда Атты остался невредим при взрыве в ВТЦ, хотя авиалайнер разнесло в клочья. ... Один из свидетелей, Уильям Родри-гес, в 8.30 был на первом этаже северной башни ВТЦ (АиФ в Укр., 2007, № 48). Нью-йоркский бездомный обнаружил в урне для мусора секретные планы Башни свободы — ового здания Всемирного торгового центра (ВТЦ) (МК в Укр., 2008, № 19) [3, с. 321].

Между тем, включение зоны толкования в качестве обязательного компонента словарной статьи продиктовано несколькими причинами. Во-первых, дешифровка аббревиатуры не тождественна её семантизации. Развёрнутое словосочетание, восстанавливающее формальную полноту исходной единицы, далеко не всегда

обеспечивает понимание её понятийного содержания, особенно в тех случаях, когда в состав дешифровки входят узкоспециальные термины, значение которых остаётся непрояснённым для неспециалиста. Например, аббревиатура *СРБ*, дешифрующаяся как *С-реактивный белок*. Компонент «*С-реактивный*» без дополнительных разъяснений непонятен неспециалисту: данное название связано со способностью этого белка вступать в реакцию преципитации с С-полисахаридом пневмококка, что остаётся за рамками дешифровки. Семантика аббревиатуры раскрывается только через развёрнутое толкование: это белок острой фазы воспаления, синтезируемый печенью, концентрация которого в крови резко возрастает при воспалительных, некротических и опухолевых процессах. Таким образом, формальное восстановление исходного словосочетания не обеспечивает понимания ни механизма действия, ни диагностической значимости обозначаемого явления. Во-вторых, инициальные аббревиатуры, подвергшиеся лексикализации, формируют собственное целостное значение, которое не выводимо из простой суммы значений компонентов исходного словосочетания. Так, аббревиатура *БОМЖ* дешифруется как *без определённого места жительства*, однако в узусе она функционирует как самостоятельная номинация лица, обладающая комплексом социальных и оценочных коннотаций, что требует именно толкования, а не отсылки к дешифровке.

Значительно больше внимания в лексикографической практике традиционно уделяется произношению инициальных аббревиатур. Это связано с наличием фонетического варьирования и общей тенденцией к регламентации их звукового облика, что находит отражение в словарях:

БСУ [бэ-эс-ý] и (*разг.*) [бэ-сэ-ý], нескл. ж. Бесконтактная станция управления [15, с. 69].

ЦСУ [це-сэ-ý и це-эс-ý] — Центральное статистическое управление [11, с. 400].

Грамматические характеристики инициальных аббревиатур (родовая принадлежность и способность к склонению) находятся в прямой связи с проблемой их кодификации и нормативного статуса. Лексикографическая практика фиксирует факультативный характер склонения инициальных сокращений, что является одним из показателей степени их лексикализации в системе языка:

АЗ [áz], (м.) — аэростат заграждения [11, с. 20].

АВИР [авир], **АВІРа**, м. Агентство выставок, информации и рекламы (России). *Деятельность АВИРа* [15, с. 32].

Наличие в словарях нескольких лексических единиц, мотивационно связанных с одной аббревиатурой, зачастую сводится к представлению лишь части её прямых эквивалентов. Например, в словаре Д. И. Алексеева представлены случаи множественной эквивалентности, обусловленные, в частности, наличием промежуточной формы между инициальной аббревиатурой и полным наименованием — слоговых сокращений или частично сокращённых слов:

МХТ [эм-ха-тэ] — Мосхлебтóрг (см.) [11, с. 241].

Мосхлебтóрг, м. — Московская государственная организация по розничной торговле хлебобулочными и кондитерскими изделиями [11, с. 233].

ГТИ* [гэ-тэ-й] — Гостехиздат [11, с. 132].

Гостехиздát*, м. — Государственное издательство технико-теоретической литературы [11, с. 127].

Словарь под редакцией Д. И. Алексеева также фиксирует множественную эквивалентность как результат вариативности числа главного слова в дешифровке:

ВВ [вэ-вэ] — взрывчатое вещество (*чаще* — вещества) [11, с. 48].

ВМ [вэ-эм] — взрывчатый материал (*чаще* — материалы) [11, с. 58].

Особый тип эквивалентности представляет метонимическое употребление сокращения, которое обусловлено переносом названия продукции на производителя и наоборот в профессиональной речи. В словаре под редакцией Д. И. Алексеева такая

множественная эквивалентность фиксируется в случаях, когда в расшифровке не называется непосредственно обозначаемый (маркируемый) предмет:

КАЗ [káз], м. — Кутаисский автомобильный завод имени Г. К. Орджоникидзе; автомобиль этого завода [11, с. 169].

АТЭ [атэ́], м. — автотракторное электрооборудование; завод автотракторного электрооборудования [11, 1984, с. 33].

Значительно чаще множественная эквивалентность остаётся неотражённой в лексикографических источниках. Так, в «Словаре сокращений современного русского языка» под редакцией Г. Н. Складневской для аббревиатуры *АР* приводится лишь одна дешифровка:

АР [а-эр], нескл., ж. Авиационная разведка [15, с. 45].

В действительности, как показывает синхронный анализ, данное сокращение имеет гораздо больше эквивалентов — *авиаразведка, разведка авиации, разведка авиацией, авиакосмическая разведка*.

Незафиксированным в большинстве лексикографических источников остаётся и деривационный потенциал инициальных аббревиатур. Между тем следствием процесса лексикализации является морфологизация инициальных аббревиатур, выражающаяся в создании от них производных единиц. Так, от аббревиатуры *ИИ* (*искусственный интеллект*) образовано прилагательное *ИИиный* — «относящийся к ИИ, связанный с искусственным интеллектом», а от *ГАИ* (*Государственная автомобильная инспекция*) — существительное *гаишник* — «сотрудник ГАИ». Появление подобных дериватов служит доказательством перехода инициальных аббревиатур из разряда формальных сокращений в разряд полноценных лексем, обладающих номинативной самостоятельностью и словообразовательной продуктивностью. Следовательно, лексикографическая модель, претендующая на полноту описания, не может игнорировать данный аспект функционирования аббревиатур, что обуславливает необходимость включения в словарную статью факультативной зоны, фиксирующей производные единицы.

Таким образом, основным принципом описания инициальных аббревиатур в специализированных источниках остаётся формально-справочный, при котором главной функцией является фиксация и дешифровка единицы, а не раскрытие собственно семантики и системных мотивационных связей.

Предлагаемая модель лексикографического описания инициальных аббревиатур

Основываясь на анализе существующих лексикографических практик, предлагается оптимальная модель словарной статьи для инициальных аббревиатур как объекта синхронно-эквивалентностного анализа:

1. Заглавная единица (инициальная аббревиатура).
2. Транскрипция (фиксация нормативного произношения с возможным указанием разговорных вариантов).
3. Грамматическая характеристика (сведения о роде, числе, склоняемости).
4. Толкование — краткая семантическая справка, раскрывающая значение аббревиатуры.
5. Эквиваленты (все словосочетания и сложносокращённые слова с тождественным значением, в состав которых входят компоненты, содержащие буквы или звуки, формирующие аббревиатуру). Для аббревиатур с вариативной структурой приводятся все варианты. В случае заимствований указываются язык-источник, оригинальная форма.
6. Факультативные зоны (в зависимости от характера описываемой единицы): деривационный потенциал — указание на производные; стилистические или иные пометы.

Примеры реализации предложенной модели:

АП [а-пэ́], нескл., с. Вид правонарушения, нарушающий установленный государством общественный порядок, за которое предусмотрена административная ответственность (обычно в виде штрафа, предупреждения и т. п.). *Административное правонарушение*,

админнарушение, административное нарушение, административно-правовое нарушение, нарушение административного характера, нарушение административного порядка, АПН.

ВД [вэ-дэ], *нескл., ж.* Функциональное расстройство вегетативной нервной системы, проявляющееся нарушением сосудистого тонуса и сопровождающееся головокружением, колебаниями артериального давления, тахикардией, повышенной утомляемостью. *Вегетососудистая дистония, вегетативная дистония, вегетативно-сосудистая дистония, вегетодистония, вегетативная сосудистая дистония, ВСД.*

Заключение. Инициальные аббревиатуры представляют собой обособленный класс лексических единиц, связь которых с исходными словосочетаниями трактуется не как семантическая производность, а как формальное соотнесение. Инициальные аббревиатуры характеризуется сложной системой отношений, выходящих за рамки бинарной связи «аббревиатура — исходное словосочетание». Исследование подтвердило существование методологического разрыва между активной практикой лексикографической фиксации инициальных аббревиатур и недостаточной глубиной их научного описания, традиционно сосредоточенного на формальных аспектах и дескриптивной грамматической фиксации. Ключевыми феноменами, требующими системного отражения в словаре, являются множественная эквивалентность (наличие у одной аббревиатуры нескольких мотивационно связанных соответствий) и структурная вариативность (существование формальных дублетов, связанных с позицией компонентов или их трактовкой). Итогом и практической целью этой работы в долгосрочной перспективе является создание цифрового лексикографического ресурса, который в полной мере мог бы реализовать предложенную комплексную модель, отразив многоуровневые связи инициальных аббревиатур в системе языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов / Д. И. Алексеев // Развитие словообразования современного русского языка. — 3-е изд. — Москва, 1977. — С. 13–37.
2. Баранова, Л. А. Особенности деаббревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63), № 1, Ч. 1. — С. 317–323.
3. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. — Москва : Воениздат, 1972. — 320 с.
4. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е. В. Петрухина [и др.] ; отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024. — 322, [1] с. — Электрон. изд. сетевого распространения. — ISBN 978-5-19-012150-6.
5. Складневская, Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике / Г. Н. Складневская // Современность и словари. — Ленинград, 1978.
6. Словообразование современного русского литературного языка / Д. И. Алексеев, Р. В. Бахтурина, Е. И. Голанова [и др.] ; под ред. М. В. Панова ; АН СССР, Институт русского языка. — Москва : Наука, 1968. — 299 с.
7. Теркулов, В. И. Новые принципы описания аббревиатур в словарях сокращений / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума : в 2 т. — Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. — Т. 1. — С. 379–387. — EDN SMTXYX.
8. Теркулов, В. И. Словарь сложносокращённых слов как основа проекта «Большой толковый словарь аббревиатур русского языка» / В. И. Теркулов // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. — Донецк : Донецкий государственный университет, 2025. — С. 32–34. — EDN PKFMCD.
9. Теркулов, В. И. Теоретические основания «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» / В. И. Теркулов // Русский язык в школе. — 2025. — Т. 86, № 3. — С. 40–50. — DOI 10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50. — EDN JVKYLY.
10. Теркулов, В. И. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур / В. И. Теркулов // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сборник научных статей по материалам Международной научной

конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка», Санкт-Петербург, 03–05 октября 2018 года. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2018. — С. 104–113.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Алексеев, Д. И. Словарь сокращений русского языка : около 17 000 сокращений / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров ; под ред. Д. И. Алексеева. — 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1984. — 485 с.
12. Баранова, Л. Н. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения : около 1 000 аббревиатур : расшифровка и произношение, употребление в речи / Л. Н. Баранова. — М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. — 320 с.
13. Елисеев, И. А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка / И. А. Елисеев. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 716 с.
14. Новый словарь сокращений русского языка / В. А. Бутаков [и др.] ; под общ. ред. И. В. Фаграбянца. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Слов. изд-во ЭТС, 2008. — 654 с. — ISBN 5-86455-031-0.
15. Складневская, Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Складневская. — М. : Эксмо, 2004. — 448 с.

REFERENCES

1. Alekseev, D. I. (1977). Abbreviatory kak novyi tip slov [Abbreviations as a new type of words]. In Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka [Development of word formation in the modern Russian language] (3rd ed., pp. 13–37). Moscow. (In Russian).
2. Baranova, L. A. (2011). Osobennosti dezabbreviatsii iskonnykh i zaimstvovannykh abbreviatur v sovremennom russkom yazyke [Features of the disabbreviation of original and borrowed abbreviations in modern Russian]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii» [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philology. Social Communications], 24(63), 1(1), 317–323. (In Russian).
3. Borisov, V. V. (1972). Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tekhnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh [Abbreviation and acronymy. Military and scientific-technical abbreviations in foreign languages]. Voenizdat. (In Russian).
4. Petrukhina, E. V., Terkulov, V. I., Kryuchkova, O. Yu. et al. (2024). Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke [Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language] (E. V. Petrukhina, V. I. Terkulov, & O. Yu. Kryuchkova, Eds.). Moscow University Press. (In Russian). ISBN 978-5-19-012150-6.
5. Sklyarevskaya, G. N. (1978). Zametki o leksikograficheskoi stilistike [Notes on lexicographic stylistics]. In Sovremennost' i slovari [Modernity and dictionaries]. Leningrad. (In Russian).
6. Alekseev, D. I., Bakhturina, R. V., Golanova, E. I. et al. (1968). Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Word formation of the modern Russian literary language] (M. V. Panov, Ed.). Academy of Sciences of the USSR, Russian Language Institute. Nauka. (In Russian).
7. Terkulov, V. I. (2020). Novye printsipy opisaniya abbreviatur v slovaryakh sokrashchenii [New principles for describing abbreviations in dictionaries of abbreviations]. In Russkii yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnykh statei IV Mezhdunarodnogo simpoziuma [Russian language in a multicultural world: Proceedings of the IV International Symposium] (Vol. 1, pp. 379–387). Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. (In Russian). EDN SMTXYX.
8. Terkulov, V. I. (2025). Slovar' slozhnosokrashchennykh slov kak osnova proekta «Bol'shoi tolkovyi slovar' abbreviatur russkogo yazyka» [Dictionary of compound words as the basis of the project “Big explanatory dictionary of abbreviations of the Russian language”]. In Donetskie chteniya — 2025: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Donetsk Readings — 2025: Education, science, innovation, culture and modern challenges: Proceedings of the X International scientific conference] (pp. 32–34). Donetsk State University. (In Russian). EDN PKFMCD.
9. Terkulov, V. I. (2025). Teoreticheskie osnovaniya «Tolkovogo slovary slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka» [Theoretical foundations of the “Explanatory dictionary of compound words of the Russian language”]. Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School], 86(3), 40–50. (In Russian). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50>
10. Terkulov, V. I. (2018). Tolkovo-ekvivalentnostnyi slovar' slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka kak novyi tip slovary abbreviatur [Explanatory-equivalence dictionary of compound words of the Russian language as a new type of abbreviation dictionary]. In Rossiiskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russian academic lexicography: Current state and development prospects: Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific conference] (pp. 104–113). Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Поступила в редакцию 07.05.2026 г.

INITIAL ABBREVIATIONS AS A DICTIONARY ENTITY: PRINCIPLES OF DESCRIPTION

The work is devoted to the theoretical substantiation and development of a comprehensive lexicographic model for describing initial abbreviations, based on the principles of the synchronous-equivalence approach. The paper defines the initial abbreviation as a specific class of lexical units, characterizes the phenomena of multiple equivalence and structural variability, and draws a distinction between homonymy and equivalence-based polysemy. An analysis of existing lexicographic practices for presenting initial abbreviations in specialized dictionaries is carried out, revealing the limitations of the formal reference approach that reduces the description of an abbreviation solely to its decoding. The main principle of the proposed model is the recording of all motivationally related equivalents of the abbreviation functioning within a specific synchronic state of the language. Based on the analysis conducted, an optimal structure for a dictionary entry is proposed, integrating zones for transcription, grammatical characteristics, semanticization, and a complete list of equivalent units.

Keywords: *initial abbreviation, synchronous-equivalence approach, multiple equivalence, variability, lexicographic model, lexicographic description, dictionary entry.*

Алтухова Анастасия Андреевна.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, Российская Федерация.

Студент 3 курса бакалавриата.

Направление подготовки 45.03.01 Филология,

профиль «Русский язык и литература».

ORCID 0009-0002-5023-0368.

E-mail: anastasia.a.altukhova@mail.ru.

Altukhova Anastasia Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian

Federation.

A 3th year undergraduate student.

The field of study is 45.03.01 Philology, profile

"Russian language and literature".

ORCID 0009-0002-5023-0368.

E-mail: anastasia.a.altukhova@mail.ru.

Научная статья
 УДК 81'373.611
 DOI: 10.5281/zenodo.20476080

М. А. Газаты¹, В. И. Теркулов²

¹*Государственное бюджетное образовательное учреждение «Гимназия № 33»
 городского округа Донецк*

²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
 образования «Донецкий государственный университет»*

¹*ORCID 0009-0003-1169-7405*

²*ORCID 0000-0002-0418-4260*

АББРОКОНСТРУКТНАЯ ГРУППА БУХ (БУХГАЛТЕРСКИЙ)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается проблема описания сложносокращённых слов с абброконструктом, функционирующим в различных позициях (препозитивной, постпозитивной и медиальной), что не учитывается в традиционном подходе к аббревиатурным группам. Целью исследования является обоснование выделения и описание абброконструктивной группы бух- (бухгалтерский). Материалом послужили данные «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка». В работе используются квантитативный, структурно-формальный и ономазиологический методы анализа. В результате исследования установлено, что абброконструкт бух- образует малокомпонентную, однозначную, универбализационную группу со смешанной дешифровальной матрицей. Выявлены основные модели формальной эквивалентности и определены ономазиологические классы входящих в группу. Доказано, что предложенный подход позволяет более полно описать структурные и семантические особенности сложносокращённых образований и механизмы вторичной номинации.

Ключевые слова: абброконструктивная группа, абброконструкт, сложносокращённые слова, эквивалентность.

Для цитирования: Газаты, М. А. Абброконструктивная группа бух (бухгалтерский) / М. А. Газаты, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 65–73. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476080>.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134/>.

Введение. Работа посвящена описанию нового типа объединения аббревиатурных единиц — абброконструктивной группы. Актуальность исследования определяется новым подходом к анализу сложносокращённых единиц. Работа по описанию абброконструктивной группы бух (бухгалтерский) показала, что множество аббревиатурных конструктов, входящих в «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка», могут иметь несколько разных позиций в словах: препозитивную + [постпозитивную (бухбаланс + главбух); постпозитивную + медиопозицию (завком + облкомстат); препозитивную + медиопозицию (гидробак + пневмогидроаккумулятор)]. В данной статье, предложено объединить сложносокращённые слова с нерегулярной позицией в слове в одну категорию.

Целью работы является описание абброконструктивной группы «бух».

Для достижения данной цели необходимо **решение следующих задач;**

1. Определить содержание понятия «абброконструктивная группа»;
2. Описать методику описания данной группы.
3. Дать описание формальных разновидностей дешифровальных стимулов группы «бух».

Материалы и методы исследования. Сложносокращённое слово (далее — ССС) — это «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и включающая в свой состав эквиваленты не менее двух слов этого словосочетания,

как минимум один из которых неинициальным (содержащим в своём составе не менее двух фонем) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» (далее — АК). При этом **абброконструкт** определяется как «часть аббревиатуры, являющаяся сокращённым эквивалентом (дублетом) какого-либо слова» [12, с.5]. «Совокупность сложносокращённых слов одной части речи, имеющих одинаковый препозитивный сокращённый компонент (конструкт)» [1, с. 15], трактуется как **аббревиатурная группа** (далее — АГ). Аббревиатурные Группы широко изучались в рамках теории аббревиации Донецкой дериватологической школы. Общая теория аббревиатурной группы изложена в работах В. А. Рязановой [7–9]. Конкретным аббревиатурным группам посвящены статьи Е. Ю. Аламайрех [1], И. И. Крамаренко [4], Е. Н. Михайловой [5], В. Ю. Ровной [6] и других. В работе А. Г. Змановской [3] рассматривались аббревиатуры с параллельной базисно-признаковой эквивалентностной дешифровкой.

У всех авторов были описаны ситуации, когда абброконструкт находится в препозиции. Нами же отмечено, что один и тот же АК может употребляться также и в постпозиции и медиапозиции. Для обозначения групп, объединяющих все слова, содержащие один и тот же абброконструкт, независимо от того, в какой позиции он употреблён, мы используем термин **абброконструктная группа** (далее — АКГ), например АКГ *бух* (*бухгалтерский*), в которой АК *-бух-* может иметь **препозитивное** (*бухбаланс*) и **постпозитивное** (*помбух*) расположения.

Все обнаруженные отличительные признаки абброконструктной группы *бух* (*бухгалтерский*) подчиняются трём принципам анализа абброгрупп — количественному, структурно-формальному и семантическому, развёрнутое описание которых даётся в статье В.А. Рязановой «Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация» [8].

Основная часть. Количественный (количественный) принцип типологизации абброгрупп определяет количественные соотношения компонентов аббревиатурной группы и частотность их использования.

АКГ *бух* (*бухгалтерский*) объединяет все ССС, содержащие АК *-бух-* и обозначающие объекты, процессы, события и т. д., **связанные с бухгалтерией, бухгалтерским делом**.

АКГ *бух* (*бухгалтерский*) является **малокомпонентной**. В её составе отмечается **36** регулярно воспроизводимые аббревиатурные пары. Они составляют **13** гнезд эквивалентности [12, с. 209–211].

По количеству аббревиатурных пар гнезда эквивалентности подразделяются на **однокомпонентные**, например *бух информация* (*бухгалтерская информация*); **двухкомпонентные**, например *бух дело* (*бухгалтерское дело, дело бухгалтерии*); **трёхкомпонентные** *бух учёт* (*бухгалтерский учёт, учёт в бухгалтерии, учёт бухгалтерии*); **четырёхкомпонентные**, например *бух услуга* (*бухгалтерские услуги, услуги бухгалтера, услуги бухгалтеров, услуги бухгалтерии*); **шестикомпонентные**, например *бух запись* (*запись в бухгалтерском учёте, запись в бухгалтерии, бухгалтерская запись, запись в бухучёте, запись бухучёта, запись бухгалтерского учёта*).

С точки зрения соотношения частотности употребления эквивалентов АКГ *бух* (*бухгалтерский*) является **универбализационной**, потому что большинство входящих в неё слов возникло в результате универбализации, о нам свидетельствует баланс индексов, то есть частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания¹, который в данном случае меньше 1, например *бух дело* < 1: *бухгалтерское дело*.

Структурно-формальный принцип классификации представляет разноуровневые формы объединения словообразовательных единиц в целостные совокупности. Этот принцип учитывает структурные характеристики словообразовательных единиц и способы их формальной организации внутри абброгруппы: «Частотные единицы представляют

¹ Количественные характеристики слова и словосочетания определяются по виртуальному аббревиатурному корпусу кафедры русского языка ДонГУ, собранному на основе конкордансов рассматриваемых единиц в поисковых машинах Яндекс и google.

интерес, поскольку демонстрируют общие тенденции словообразовательных процессов. В состав таких групп входят ГЭ, все компоненты которых регулярно фиксируются в эквивалентных текстах.» [7, с. 92], утверждает В. А. Рязанова.

АКГ *бух* (*бухгалтерский*) является **аббревиатурной**, потому что все эквиваленты позволяют трактовать входящие в неё ССС только как аббревиатуры, иначе говоря, во всех случаях аббревиатурный компонент равен части основы дешифровального стимула (далее — ДС), под которым понимаются «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность разной дешифровки сложного слова» [9, с. 110], например *бухуслуги* — *бухгалтерские услуги*.

По характеру репрезентации базисного и признакового компонента АКГ *бух* (*бухгалтерский*) относится к АКГ с **смешанного типа**, поскольку представлены как ССС с **сокращённым признаковым** компонентом, например *бухпроводка* (*бухгалтерская проводка* и т. д.), так и с **сокращённым базисным** компонентом, например *главбух* (*главный бухгалтер*).

Под дешифровальной матрицей понимается «совокупность всех ДС группы (собственно моделей, по которым возможно развёртывание всех сложных слов одной аббревиатуры)» [8, с. 118]. По структуре дешифровальных матриц АКГ *бух* (*бухгалтерский*) относится к АКГ со **смешанной матрицей**, включающей все дешифровальные стимулы: **презентатив**, который представляет «грамматически подчиненный ономазиологическому базису ономазиологический признак, выраженный адъективно и имеющий обобщённое значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» [2, с. 100] (*бухуслуги* — *бухгалтерские услуги*), **релятив**, представляющий «формально релевантные аббревиатуре, совпадающие с ней по количеству ономазиологических признаков текстовые эквиваленты, выраженные падежными и предложно-падежными формами, актуализирующими грамматические значения числа и падежа» [2, с. 100]. (*бухбаланс* — *баланс в бухгалтерии*) и **модификатив**, который «создаёт формально более сложные, чем аббревиатура, словосочетания и включают в свой состав дополнительный ономазиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращённого слова» [2, с. 100] (*бухзапись* — *запись в бухгалтерском учёте*).

По количеству лемм ДС АКГ *бух* (*бухгалтерский*) относится к АКГ с **малокомпонентной дешифровальной матрицей**, потому что имеет **всего 4 леммы**: *бухгалтерский*, *бухгалтер*, *бухгалтерия*, *бухучёт*.

Как пишет В. А. Рязанова, «существование комплекса словосочетаний в гнезде эквивалентности обуславливает множественность трактовки сложного слова. Синтаксические эквиваленты имеют различающуюся семантику, поскольку ДС мотивируют разную интерпретацию сложного слова. При сопоставлении вариантов интерпретации обнаруживается, что степень их семантического различия колеблется от незначительного до весомого» [8, с. 118]

Система дешифровальных стимулов.

1. Бухгалтерский

Лемма **бухгалтерский** имеет три значения:

1. Связанный с бухгалтерией, например *бухгалтерский документ* — *бухдокумент*: *Так как первичные бухгалтерские документы выполняются, как правило, на трафаретных бланках, при их составлении лишь вписывается (заполняется) изменяющаяся часть текста, несущая переменную информацию — Первичные бухдокументы расчёта с персоналом по оплате труда (например, расчётно-платёжные ведомости)* (http://www.pravcons.ru/pravcons_forum/messages/forum1/message11557/5829-interesuet-rabota-s-bukhgalterskimi-dokumentami#message11557).

2. Осуществляемый бухгалтером, бухгалтерами, например *бухгалтерские услуги* — (*услуги бухгалтера*) — *бухуслуги*: *Оказываем бухгалтерские услуги для организаций*

и предпринимателям — *Какие услуги бухгалтеров в Ростове-на-Дону оказывает компания? — Другие бухуслуги* (<https://fcbuh.com/rostov-na-donu/buhgalterskie-uslugi/>).

3. Объединяющий бухгалтеров, например *бухгалтерский отдел* — (*отдел бухгалтерии*) — *бухотдел: Бухгалтерский отдел* — *необходимое звено каждой средней и крупной компании — Как организовать отдел бухгалтерии* — *Чтобы бухотдел стал надежным тылом для руководителя, к подбору бухгалтеров, а главное — главбуха нужно подойти очень внимательно и ответственно* (<https://www.buhgalteria.ru/article/kak-organizovat-otdel-bukhgalterii>).

Первое значение здесь является структурно-генерализованным и указывает на связь между словами, а второе и третье семантизируют эту связь.

Нами отмечаются наборы токенов мужского (*бухучёт* — *бухгалтерский учёт*), женского (*бухзапись* — *бухгалтерская запись*) и среднего (*бухдело* — *бухгалтерское дело*) рода, а также множественного числа (*бухгалтерские услуги* — *бухуслуги*).

2. Бухгалтер

Лемма *бухгалтер*, обозначающая «должностное лицо, ответственное за финансовый учёт и отчётность организации», выступает в качестве ДС в 2 токенах. Самыми распространёнными, являются дешифровальные токены в родительном падеже: в форме единственного числа — *бухгалтера* (*помбух* — *помощник бухгалтера*), например *Сейчас он работает помбухом в промкомбинате, а чудак — управляющий комбинатом т.Новоселов - дает ему отзыв : «дело знает, может руководить аппаратом» — лексей Смышляев, растратчик, служит помощником бухгалтера в заведении* (http://urzhumuezd.ortox.ru/urzhumskij_uezd._genealogija/view/id/1206905); в форме множественного числа — *бухгалтеров* (*бухуслуги* — *услуги бухгалтеров: Какие услуги бухгалтера в Ростове-на-Дону оказывает компания? — Другие бухуслуги* (<https://fcbuh.com/rostov-na-donu/buhgalterskie-uslugi/>)).

3. Бухгалтерия

Лемма *бухгалтерия*, имеет значение «Структурное подразделение предприятий и организаций, осуществляющее бухучёт», выступает в качестве ДС в 2 токенах. Самыми распространёнными, являются дешифровальные токены в родительном падеже: в форме единственного числа — *бухгалтерии: бухотдел* — *отдел бухгалтерии*, например *Как организовать отдел бухгалтерии — Чтобы бухотдел стал надежным тылом для руководителя, к подбору бухгалтеров, а главное — главбуха нужно подойти очень внимательно и ответственно* (<https://www.buhgalteria.ru/article/kak-organizovat-otdel-bukhgalterii>). В предложном падеже: в форме единственного числа — *в бухгалтерии* (*бухбаланс* — *баланс в бухгалтерии*), например *Как делается баланс в бухгалтерии — формы бухбаланса и отчет о прибылях и убытках* (<https://www.yasnoo.ru/recent.html>).

4. Бухучёт, бухгалтерский учёт

Лемма *бухучёт* представлена модификативной конструкцией в родительном падеже: *бухгалтерского учёта* (*бухотдел* — *отдел бухгалтерского учёта*), например *После того, как специалист бухотдела была выпущена из кабинета, Репин забрал у главного бухгалтера печать и на несколько часов закрылся в своем кабинете — Александр Репин вместе с тремя людьми, не имеющими отношения к департаменту, на несколько часов закрыл в своем кабинете специалиста отдела бухгалтерского учета Валерию Корчагову* (<https://news.pn.ru/politics/203298>).

АКГ *бух* (*бухгалтерский*) относится к однозначному типу группы, потому что конструкт *бух* не находится в омонимических отношениях с конструктами других групп и представляет разные интерпретации одного значения «бухгалтерский»: «1) Осуществляемый бухгалтерией, бухгалтерами (*бухуслуги, бухпроводка*). 2) Объединяющий бухгалтеров (*бухотдел*)» [10, с. 209].

Принципы анализа формальной структуры эквивалентности описаны в работе В.И. Теркулова «Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [11, 2017].

Как указывает ученый, «формально-структурный анализ определяет формальные характеристики ДС, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и осуществляется в два этапа» [11, с. 89]. На **первом этапе** «устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании» [11, с. 89]. На **втором этапе** «для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента» [11, с. 90].

При описании формальных моделей аббревиатур используются следующие символы:

X — слово — формальный эквивалент АК в составе ДС, например в паре *бухбаланс* — *бухгалтерский баланс* символом *x* обозначается слово *бухгалтерский*, являющееся формальным эквивалентом АК *бух*;

У — простое слово, например слово *баланс* в паре *бухбаланс* — *бухгалтерский баланс*;

Маркер ад указывает на адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), например *бухбаланс* — *бухгалтерский (х(ад)) баланс*.

Символ предл указывает на предлог, например *бухбаланс* — *баланс в бухгалтерии* ((предл)х-а).

Z — слово, входящее в сложное эквивалентное словосочетание, но не имеющее эквивалентов в структуре ССС, например для ДС, представленного в паре *бухзапись* — *запись бухгалтерского учёта* строится схема *x-z*, где символом *x* обозначается формальный эквивалент АК *бух* — слово *бухгалтерский*, а *z* — слово *учёт*, не имеющее формальных эквивалентов в слове *бухзапись*.

х(ад)-у

Самая распространённая дешифровальная модель, представленная простым словосочетанием, включающим в свой состав существительное и простой адъектив, то есть прилагательное *бухгалтерский*.

Модель 1. **Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед** — модель частично сокращённого слова, в которой аббреконструкт эквивалентен прилагательному, а существительное выступает в полной форме, например *бухбаланс* — *бухгалтерский баланс*.

Модель 2. **Прил1мн+Сущ1мн = ЧоснПрил1мн+Сущ1мн** — разновидность модели 1, в которой прилагательное и существительное употреблены в парадигме множественного числа, например *бухуслуги* — *бухгалтерские услуги*.

Модель 3. **Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+ЧоснСущ1ед** — модель эквивалентности слоговых аббревиатур, в которой оба компонента словосочетания представлены в виде слоговых аббреконструктов, например, *главный бухгалтер* — *главбух*.

у-х

Оба компонента эквивалентного словосочетания являются простыми словами (не композитами), причём не эквивалентное аббреконструкту слово выступает в качестве главного слова словосочетания.

Модель 4. **Сущ1ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед**. Модель эквивалентности частично сокращённого слова с сохранением формы главного слова и в силу этого с использованием его парадигмы в качестве парадигмы аббревиатуры, например *бухотдел* — *отдел бухгалтерии*.

у-(предл)х

Эквивалент аббреконструкта представлен формой предложного падежа.

Модель 5. **Сущ1ед(кп)+предл+Сущбед = ЧоснСущбед+Сущ1ед(кп) (предл)** Базисный компонент эквивалентного словосочетания имеет полную парадигму склонения, а ДС представлен в форме предложного падежа единственного числа, например *бухбаланс* — *баланс в бухгалтерии*.

у-х(ад)-z

В этой группе моделей формальным эквивалентом абброконструкта является простое прилагательное, которое входит в эквивалентное словосочетание, связанное с базисным словом отношениями управления.

Модель 6. **Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед = ЧоснПрил2ед+Сущ1ед(-Сущ2ед)**. Базисное слово и аббревиатура имеют полную парадигму склонения. Эквивалентное абброконструкту словосочетание употреблено в форме родительного падежа единственного числа, например *бухгалтерский учёт* — *бухгалтерского учёта*.

у-(предл)х(ад)-z

В этой группе моделей ДС является словосочетание с предлогом, в котором атрибут формально эквивалентен абброконструкту.

Модель 7. **Сущ1ед+предл+Прилбед+Сущбед = ЧоснПрилбед+Сущ1ед (-предл-Сущбед)**. Здесь представлена парадигма аббревиатуры и базисного слова эквивалентного словосочетания, в котором в ДС, соединённом с базисным словом предлогом в, оба слова употреблены в форме предложного падежа единственного числа, например *бухгалтерский учёт* — *бухгалтерском учёте*.

Ономасиологический подход позволяет выявить специфику становления семантических характеристик сложных слов, поскольку он ориентирован на анализ процессов номинации и способов языкового осмысления обозначаемых понятий. В рамках данного подхода особое внимание уделяется мотивационным связям между компонентами сложного слова и их роли в формировании целостного значения.

Распределение рассматриваемых нами единиц по ономасиологическим классам осуществляется по трем параметрам:

- 1) все номинатемы, входящие в один ономасиологический класс, являются ССС;
- 2) все ССС, входящие в один ономасиологический класс, являются существительными;
- 3) все существительные, входящие в данную группу, имеют одинаковое архисемное инвариантное значение [11, с. 45].

1) Документ

Данную группу объединяет наименование форм передачи информации, при помощи которых работники бухгалтерии хранят/анализируют информацию, связанную с бухгалтерским делом:

Модель 1. документ + квалификатив

Квалификативная трактовка приспособления осуществляется при помощи токенов презентации леммы бухгалтерский, например *бухгалтерский баланс* — *бухгалтерский баланс*.

Модель 2. документ+ локатив

ОП определяет бухгалтерию, как место хранения информации, связанной с бухгалтерским делом, например *бухгалтерский отчёт* — *отчёт в бухгалтерии*.

Модель 3. документ + посессив

ОП определяет принадлежность документа должностному лицу, ответственному за финансовый учёт и отчётность организации, например *бухгалтерский учёт* — *учёт бухгалтера*.

2) Действие

Данную группу объединяет ономасиологический базис со значением действия, совершённого для предоставления услуг, связанных с бухгалтерской отраслью.

Модель 4. действие + квалификатив.

ОП определяет предоставление действий, которые связаны с бухгалтерским делом, например *бухгалтерская услуга* — *бухгалтерская услуга*.

Модель 5. действие + посессив.

Оп определяет предоставление действий должностного лица, ответственному за финансовый учёт и отчётность организации, например *бухгалтерские услуги* — *услуги бухгалтеров*.

3) Помещение

Данную группу объединяет ОБ со значением места, для расположения и работы сотрудников бухгалтерии.

Модель 6. помещение + квалификатив

ОП определяет помещение, в котором занимаются рабочей деятельностью бухгалтеры, например *бухотдел — бухгалтерский отдел*.

Модель 7. помещение + поссессив

ОП определяет помещение, в котором занимаются рабочей деятельностью должностные лица, ответственные за финансовый учёт и отчётность организации, например *бухотдел — отдел бухгалтерии*.

Заключение. Итак, в работе вводится в научный обиход термин **абброконструктная группа**, обозначающий объединение сложносокращённых слов, с одинаковым абброконструктом, который может иметь разное положение в словах. Для описания абброконструктной группы *бух (бухгалтерский)* использовалась универсальная классификация, базирующаяся на количественных, структурных и семантических параметрах: частотность использования компонентов гнезда эквивалентности, характер деривационных отношений между ними, степень репрезентации элементов сложного слова, объём дешифровальных матриц, количество и объём гнезд эквивалентности группы и т. д. Конструкт *бух* однозначен. Анализ формальной структуры эквивалентности абброконструктной группы *бух (бухгалтерский)* позволяет установить способ образования аббревиатуры, тип её компонентов, характер и процесс сокращения. Кроме того, ономаσιологический анализ абброконструктной группы позволяет рассмотреть данные образования с точки зрения номинативных потребностей языка и выявить закономерности выбора абброконструкта как средства вторичной номинации. Такой подход способствует установлению связи между обозначаемым понятием и формой его языковой репрезентации, а также позволяет проследить, каким образом семантическое ядро исходного слова «бухгалтерский» сохраняется, трансформируется или уточняется в пределах различных сложносокращённых образований. В результате ономаσιологический анализ дополняет формально-структурное описание, обеспечивая более полное понимание механизмов семантической и номинативной организации абброконструктной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аламайрех, Е. Ю. Дешифровальная модель и модель формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто-» / Е. Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020. — № 2. С. 91–102.
2. Бровец, А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращённого слова / А.И. Бровец Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. — № 6. — С. 98–107.
3. Змановская, А. Г. Аббревиатуры с параллельной базисно-признаковой эквивалентностной дешифровкой / А. Г. Змановская // Новые горизонты русистики. — 2021. — № 14. — С. 21–28.
4. Крамаренко, И. И. Аббревиационная группа «абон» в русском языке / И. И. Крамаренко // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. — Макеевка : ДонНАСА, 2016. — с. 495–499.
5. Михайлова, Е. Н. Описание аббревиатурной группы «грузо-» в русском языке / Е. Н. Михайлова // Чтения молодых ученых : материалы Респ. очно-заочной науч.-практ. конф., (Горловка, 27–28 апр. 2017). — Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. — С. 259–261.
6. Ровная В. Ю. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «гео») / В. Ю. Ровная // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. — Макеевка : ДонНАСА, 2016. — с. 544–548.
7. Рязанова, В. А. Аббревиатурные группы в структурном и ономаσιологическом аспектах: Диссертация ... канд. филол. наук / В.А. Рязанова — Донецк, 2023. — 212 с.
8. Рязанова, В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020 — № 1 — С. 114–122.

9. Рязанова В. А. Сопоставительный анализ гнёзд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо» / В.А. Рязанова // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. — Makeevka: DonNASA, 2016. — С. 544-548.
10. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / [Е. В. Петрухина и др.]; отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 322 с. — Электронное издание сетевого распространения
11. Теркулов, В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
12. ТСССРЯ — Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка: 13558 словарных статей, 690 аббревиатурных групп, 12868 гнёзд эквивалентности / В. И. Теркулов [и др.]; под ред. В. И. Теркулова; отв. ред. В.А. Рязанова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 1044 с.

REFERENCES

1. Alamayrekh, E.Yu. (2020). *Deshifroval'naya model' i model' formal'noi raznovidnosti ekvivalentnosti abbreviatury v abbreviaturnoi grappe «avto-»* [Decryption model and model of formal variety of abbreviation equivalence in the abbreviation group «auto-»]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2, 91–102. (In Russian).
2. Brovets, A.I. (2017). *Modifikatsionnyi interpretativnyi deshifroval'nyi stimul slozhnosokrashchennogo slova* [Modification interpretative decryption stimulus of a compound abbreviation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 98–107. (In Russian).
3. Zmanovskaya, A.G. (2021). *Abbreviatury s parallel'noi bazisno-priznakovoi ekvivalentnostnoi deshifrovkoi* [Abbreviations with parallel basis-attribute equivalent decryption]. *Novye gorizonty rusistiki*, 14, 21–28. (In Russian).
4. Kramarenko, I.I. (2016). *Abbreviatcionnaya grappa «abon» v russkom yazyke* [Abbreviation group «abon» in the Russian language]. In E.V. Gorokhov, N.M. Zaichenko et al. (Eds.), *Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii* [Science and the world in the linguistic space: Proceedings of the II Republican part-time scientific conference] (pp. 495–499). Makeevka: DonNASA. (In Russian).
5. Mikhailova, E.N. (2017). *Opisanie abbreviaturnoi gruppy «gruzo-» v russkom yazyke* [Description of the abbreviation group «gruzo-» in the Russian language]. In *Chteniya molodykh uchenykh: materialy Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Gorlovka, 27–28 aprelya 2017)* [Readings of young scientists: Materials of the Republican part-time scientific-practical conference (Gorlovka, April 27–28, 2017)] (pp. 259–261). Gorlovka: Izdatel'stvo OO VPO «GIYA». (In Russian).
6. Rovnaya, V.Yu. (2016). *O simultannykh abbrokonstruktakh (na materiale abbreviatcionnoi gruppy «ge») [On simultaneous abbroconstructs (based on the abbreviation group «ge»)]*. In E.V. Gorokhov, N.M. Zaichenko et al. (Eds.), *Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii (23 noyabrya 2016 g., Makeevka)* [Science and the world in the linguistic space: Proceedings of the II Republican part-time scientific conference (November 23, 2016, Makeevka)] (pp. 544–548). Makeevka: DonNASA. (In Russian).
7. Ryazanova, V.A. (2023). *Abbreviaturnye gruppy v strukturnom i onomasiologicheskom aspektakh* [Abbreviation groups in structural and onomasiological aspects] (Doctoral dissertation). Donetsk. (In Russian).
8. Ryazanova, V.A. (2020). *Tipologiya abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiya* [Typology of abbreviation groups: Principles and implementation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, 1, 114–122. (In Russian).
9. Ryazanova, V.A. (2016). *Sopostavitel'nyi analiz gnezd ekvivalentnosti mutantnykh grupp «nefte» i «gazo»* [Comparative analysis of equivalence nests of mutant groups «nefte» and «gazo»]. In *Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii* [Science and the world in the linguistic space: Proceedings of the II Republican part-time scientific conference] (pp. 544–548). Makeevka: DonNASA. (In Russian).
10. Petrukhina, E.V. et al. (2024). *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
11. Terkulov, V.I. (2017). *Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronicheskii aspekty opisaniya* [Compound abbreviations: Synchronic and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 73–97. (In Russian).
12. Terkulov, V.I. et al. (2025). *Tolkovyi slovar' slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka: 13 558 slovarnykh statei, 6 90 abbreviaturnykh grupp, 12 868 gnezd ekvivalentnosti* [Explanatory dictionary of compound abbreviations of the Russian language: 13 558 entries, 690 abbreviation groups, 12 868 equivalence nests]. Donetsk: DonGU. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2026 г

ABBROCONSTRUCT GROUP “BUKH” (BUKHGALTERSKIY)

The article addresses the problem of describing compound abbreviated words containing an abbroconstruct that functions in various positions (prepositive, postpositive, and medial), which is not accounted for in the traditional approach to abbreviation groups. The aim of the study is to substantiate and describe the abbroconstruct group bukh (“accounting”). The material is based on data from the Explanatory-Equivalence Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language. The study employs quantitative, structural-formal, and onomasiological methods of analysis. The results show that the abbroconstruct bukh forms a low-component, monosemous, univerbalization-based group with a mixed decoding matrix. The main models of formal equivalence are identified, and the onomasiological classes of units (information, action, place) are determined. It is demonstrated that the proposed approach allows for a more comprehensive description of the structural and semantic features of compound abbreviated formations and the mechanisms of secondary nomination.

Keywords: *abbroconstruct group, abbroconstruct, compound abbreviated words, equivalence.*

Газаты Маргарита Алановна.

ГБОУ «Гимназия №33 г. о. Донецк»,
г. Донецк, Российская Федерация.
Ученица 11 класса.
ORCID 0009-0003-1169-7405.
E-mail: gazaty@mail.ru.

Gazaty Margarita Alanovna.

GBOU «Gymnasium No. 33 in Donetsk»,
Donetsk, Russian Federation.
11th grade student.
ORCID 0009-0003-1169-7405.
E-mail: gazaty@mail.ru.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доктор филологических наук, профессор
Заведующий кафедрой русского языка.
ORCID 0000-0002-0418-4260.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.
Doctor of Philology, Professor
Head of the Russian Language Department.
ORCID 0000-0002-0418-4260.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

Научная статья

УДК 811.551.2

DOI: 10.5281/zenodo.20476095

С. С. Калинин © 2026

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
ORCID 0000-0001-7371-9655

ЗАИМСТВОВАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются качественные прилагательные ительменского языка, которые представляют собой русскоязычные заимствования. Отмечается увеличение числа русскоязычных заимствований, в частности, качественных прилагательных в словарном составе современного ительменского языка. При этом, несмотря на то, что заимствованные прилагательные переносятся в ительменский язык в основном с сохранением исходной поверхностной формы (за исключением сдвига акцента и замены ряда фонем), они органично встраиваются в лексико-семантическую систему ительменского языка. Это подтверждается тем, что носители языка употребляют данные прилагательные в спонтанной устной речи. Также выделяются основные механизмы и способы заимствования этих прилагательных в ительменский язык: показано, что в отдельных случаях происходит трансформация значений заимствуемого слова. Как результат исследования, можно констатировать, что в основе механизма заимствования и функционирования этих прилагательных в ительменском языке лежит смешение кодов.

Ключевые слова: ительменский язык, языковые контакты, русскоязычные заимствования в языках народов России, качественные прилагательные русского языка, контакты русского языка и языков народов России, смешение кодов.

Для цитирования: Калинин, С. С. Заимствование русскоязычных качественных прилагательных в ительменский язык: к вопросу о механизмах языкового контакта / С. С. Калинин // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 74–80. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476095>.

Введение. Ительменский язык — один из языков, условно относимых к группе палеоазиатских, который некогда был распространен на Камчатке. К настоящему времени, по всей видимости, осталось крайне небольшое число носителей данного языка: во всяком случае, их заведомо меньше 100 человек, а возможно и единичное количество.

Генеалогическая принадлежность ительменского языка является дискуссионным вопросом и в настоящее время. Ряд исследователей разделяют традиционную точку зрения, которая гласит, что ительменский язык является членом чукотско-камчатской семьи языков, а его родственники — это, в частности, чукотский и корякский языки (см. подробное обсуждение этого вопроса в работе [7, с. 12-14], а также в грамматическом очерке А. П. Володина об ительменском языке [6, с. 60]). Согласно данной концепции характерные особенности ительменского языка объясняются тем, что в процессе своей эволюции он поглотил некий языки или языки, которые выступили в качестве субстрата [там же]. Традиционная точка зрения на генеалогическую принадлежность ительменского языка представлена и в ряде современных исследований, в частности, в работе М. Данна [9, с. 633].

Согласно второй концепции ительменский язык никак родственно не связан с прочими чукотско-камчатскими языками, представляя собой язык-изолят (или, лучше сказать, отдельную изолированную семью, поскольку в историческом прошлом, по всей видимости, существовало несколько ительменских языков). Определенная схожесть ительменского с чукотско-камчатскими языками объясняется его интенсивными контактами с этими

языками: также, вероятно, некоторые особенности ительменского можно объяснить субстратным/адстратным влиянием со стороны неких других языков. Не вдаваясь в подробности обсуждаемой проблемы, поскольку он выходит за пределы тематики настоящего исследования, отметим, что более релевантной нам представляется вторая концепция: таким образом, ительменский язык представляет собой язык смешанный.

Кратко охарактеризуем основные типологические особенности ительменского языка (более подробная грамматическая характеристика ительменского языка приводится в монографии А. П. Володина [4], системное описание ительменского языка дается в более новом исследовании А. П. Володина, которое помещено в серии изданий «Языки мира» [6], также некоторые представления об особенностях ительменской грамматики можно получить из небольшого очерка Дж. Бобалика [3]). Для фонетики ительменского языка типичны консонантные кластеры (может встречаться до 7 согласных подряд): эта черта отличает его от соседствующих с ним чукотско-корякских языков. Также ительменской фонетике присущи элементы сингармонизма, апофония и умлаут.

Что касается системы имени ительменского языка, то здесь нужно отметить, прежде всего, отсутствие грамматической категории рода или класса у существительных, а также у прилагательных. Имя существительное в ительменском изменяется по падежам: всего имеется 12 падежей.

Ительменский язык — язык полисинтетический: ядром предложения в нем является глагол, большая часть грамматически значимой информации кодируется в нем на глагольной вершине. В отличие от чукотского и корякского в нем практически полностью отсутствует инкорпорация. Данная черта значительно отличает ительменский язык от чукотско-корякских языков.

Стратегия кодирования глагольных актантов ительменского языка — номинативная (что, опять же, отличает его от чукотского и корякского, в которых представлена эргативная стратегия кодирования глагольных актантов), также в нем как грамматическое и лексическое средство получила широкое распространение редупликация. Еще одной из отличительных черт ительменского языка является большое количество звукоподражательной лексики и идеофонов.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат ительменские тексты, входящие в собрания [12] и [14] и записанные в различные периоды времени. Тексты отражают каждый из диалектов ительменского языка: как северный (седанкинский), так и южный (ковранский). Интересующие нас прилагательные извлекались из текстов методом сплошного поиска и выборки. Использовались также имеющиеся лексикографические материалы по ительменскому языку, а именно — словари [13] и [14].

Основным исследовательским методом, используемым в настоящем исследовании, является сопоставительный метод, который используется как для анализа поверхностной формы заимствуемых прилагательных, так и для анализа их значений. Используется также метод анализа словарных дефиниций (для толкования значений заимствованных в ительменский прилагательных). Для изучения самого процесса заимствования этих прилагательных в ительменский язык применяется метод внутренней реконструкции.

Основная часть. На протяжении всей своей истории ительменский язык подвергался контактному влиянию со стороны языков других групп и семей. Наиболее значимым в период новой и новейшей истории является влияние на ительменский язык со стороны русского языка (это, впрочем, релевантно и для всех языков народов России, что неоднократно было отмечено в различных исследованиях: см. работы М. Е. Алексеева [1, с. 15], Е. В. Кашкина [8, с. 459], Б. Пакендорф [10, с. 1188-1189]). Отражается это и на словарном составе ительменского, и на его грамматической системе. Также этот аспект непосредственно связан с рассматриваемой нами темой, а именно — с заимствованием отдельных качественных прилагательных из русского языка в ительменский.

Заимствование русских прилагательных в ительменский язык происходило в XVIII

в. [5, с. 89]. Это подтверждается сохранением во флексии старой произносительной нормы на **-ой** [там же]. В значительной мере на заимствование прилагательных повлиял и советский период, что можно видеть по следующим прилагательным, которые можно отнести к новейшим заимствованиям: ср. **школьной, партийной, дежурной** 'дежурный') [5, с. 90].

Что касается грамматических особенностей качественных прилагательных, то они в ительменском имеют только лишь формы мн.ч. на **=а'н**, однако в функции инструменталиса выступают соответствующие падежные формы русского языка (как правило, это творительный падеж): ср. **свэзым нозэл мәннукас** 'свежей юколы давай поедим [5, с. 89]. В этом примере ительменская лексическая единица **свэзым** очевидным образом связана с соответствующей формой творительного падежа **свежим** русского прилагательного **свежий**.

Теперь рассмотрим ряд примеров того, какие именно русские качественные прилагательные и как именно заимствуются в ительменский язык. Начнем с достаточно часто употребляемого в ительменском языке прилагательного **бравой** 'хороший', 'красивый'. Как нетрудно увидеть, данное ительменское прилагательное восходит к соответствующему русскому прилагательному **бравый**, которое, в свою очередь, также представляет собой заимствование из французского *brave* [11, с. 106]. А. Е. Аникиным данное заимствование отмечается не только в ительменском языке (причем как в форме **бравой**, так и в форме **правой**), но и в камчадалском говоре русского языка, откуда оно, по всей видимости, и попало в ительменский язык [там же].

Здесь можно привести следующие примеры употребления этого качественного прилагательного (заимствованы из [14]):

мизвин школа бравой 'наша школа — хорошая';

бравой ч'ит 'хорошее ружье';

мэй кэмма бравой? 'наверное, я красивая?'

При этом в ительменском есть лексема исконного происхождения со значением 'красивый' **чинәулах** [13, с. 289]. Здесь можно видеть, таким образом, дублирование исконно ительменского прилагательного заимствованным. Следует также обратить внимание на то, что при заимствовании прилагательное **бравой** несколько трансформирует свое значение в сравнении с тем, что было представлено в языке-доноре (т. е., в русском).

Теперь рассмотрим следующее заимствованное прилагательное **церковной** 'церковный'. Здесь можно привести такой пример его употребления: *Атнок клжукнэн церковной праздник* 'Дома был церковный праздник' [12, с. 8-9]. При этом лексема **чэркок** 'церковь' (см. [13, с. 295]) относится к числу уже освоенных заимствований.

Представлено в ительменском языке и такое заимствование, как **молодой** 'молодой'. Приведем здесь пример из цитировавшихся выше материалов Ч. Оно:

И кма ұғынэн лы молодой ч'инәулах тавлонк т'әуклжичэн и тхэнәбускичэн...

'И я к одному молодому красивому коряку подошла и говорю...' [12, с. 14-15]

При этом специальной лексемы со значением 'молодой' в ительменском не зафиксировано: есть только слово **хольа** 'молодой человек', 'юноша'. Таким образом, данное заимствование заполняет семантическую лакуну, которая имеется в ительменском языке.

Аналогичным образом функционирует в ительменском языке и прилагательное **кочевой**, которое представлено в нем в том же значении, что и в русском. Ср. следующий пример [12, с. 14-15]:

Ит'э муза'н нт'йаләтк Эсхләнк, ма мин кочевой, хоҗән муза'н нтзунлжук, и кма т'утузукичэн тавлолханәу кривльатки

'Когда мы переехали в Седанку, где который кочевой, там мы жили, и я не могла по-коряски разговаривать'

Здесь имеем в точности аналогичную ситуацию, что и в примере выше: это прилагательное заимствуется в ительменский язык для заполнения соответствующей семантической лакуны. При этом обращает на себя внимание то, что в ительменском языке есть глагольная основа **йалат-** со значением 'кочевать' [13, с. 427], но дериват со значением

соответствующего прилагательного согласно лексикографическим материалом не зафиксировано.

Нужно также обратить внимание, что два рассмотренных выше заимствования переносятся из русского в ительменский практически без каких-либо трансформаций поверхностной формы: сохраняется даже фонемный состав заимствований, который и реализуется в спонтанной ительменской речи. Единственным исключением может быть смещение ударения в заимствованных прилагательных, которое начинает падать на последний слог: ср. примеры *бра'вой, церков'ной*, но в ряде случаев ударение сохраняет ту позицию, которую оно занимало в исходном русском слове: ср. *моло'дой, коче'вой*.

Точно так же, как и в вышеприведенных случаях функционирует и качественное прилагательное *дикий* 'дикий'. Ср. следующий пример:

Ой дикий кма клзукнэн... 'Ой какая дикая я была...' [12, с. 16-17]

При этом специальной лексемы со значением 'дикий' в ительменском также не зафиксировано, есть лексика для обозначения диких животных и растений, например: *лвалх* 'дикий олень', *ускэнсх* 'дикий хмель' [13, с. 412].

Обращает также на себя внимание поверхностная (фонетическая) форма заимствуемого прилагательного *дикий*, которая также представлена и в русском языке, однако характерна либо для диалектной речи, либо для просторечия. В материалах А.Е. Аникина также отмечается, что эта лексическая единица характерна для сибирских и северорусских говоров, в которых она употребляется в значении 'сумасшедший', 'безрассудный', 'глупый', а также в пермских, уральских, томских и алтайских говорах в значении 'безрассудный', 'взбалмошный', 'шалевой' [11, с. 172].

Рассмотрим еще одно прилагательное, а именно — *умной* 'умный', употребление которого также засвидетельствовано в ительменском языке:

А ли ч'инэнлах бэсх жуун, да ли умной

'А очень красивая собака была и очень умная' [12, с. 18-19]

При этом есть исконные ительменские лексические единицы со значением 'умный': *к'нытадин* (существительное) 'умный', 'умный человек', *нтытылах* (прилагательное) 'умный', 'грамотный' [13, с. 481]. Следовательно, в данном случае видим еще один пример лексических дублетов, когда русскоязычное заимствование начинает употребляться параллельно с исконно ительменским словом.

В материалах по современному ительменскому языку отмечены также примеры употребления и ряда других качественных прилагательных, в частности, таких, которые связаны с ориентацией в пространстве. Здесь можно привести следующий пример [12, с. 50–51]:

Нэ'н тэнаж лэвой хк'эл тлэсчэн тнажолхал, правой хк'эл валчэл т'энтлчэн

'Опять левой рукой беру за корень, правой рукой расколола ножом'

В данном примере можно видеть использование заимствованных ориентационных прилагательных *лэвой* и *правой*, очевидно восходящие к соответствующим русскоязычным прилагательным. При этом, согласно лексикографическим данным (см. [13, с. 220]), в ительменском языке имеется прилагательное со значением 'левый', которое звучит как *сич'энан/сич'энуан/сичэнуан/сичэнан*. Однако в имеющихся материалах оно практически не отмечается: в связи с чем можно сделать вывод о том, что преобладает заимствованная из русского конкурентная форма. Таким образом, здесь опять можно видеть параллельное существование в языке заимствованной и исконной лексических единиц. Аналогичная ситуация и с лексической единицей *хтоуан* 'правый' [13, с. 279], которая существует (при относительно редком употреблении) в ительменском языке наряду с конкурирующим заимствованием.

Нужно сказать и о том, что освоенность русскоязычных качественных прилагательных ительменским языком подтверждается и некоторыми другими фактами, в частности, тем, что русскоязычные заимствования снабжаются падежными аффиксами ительменского происхождения. Приведем здесь следующий пример из материалов Ч. Оно [12, с. 90-91]:

*И ынэн атноң к' райткэн и энү ичэнк **новойанк** кхэнэжэн...*

'И сразу домой пришел и жене новой сказал...'

В этом примере русское заимствование **новой** (с ударением на последний слог) снабжается ительменским аффиксом местного падежа =**анк** (в данном случае местный падеж передает не локативную семантику, а семантику адресации). Из этого можно сделать вывод, что русскоязычные заимствования органично встраиваются в ительменскую падежную систему и подвергаются словоизменению по ительменскому типу (что также свидетельствует о значительной степени освоения их языком).

Другим примером освоенности этих заимствованием служит их употребление в топонимах, что можно видеть в нижеследующем примере из материалов Ч. Оно [12, с. 24–25]:

*Хэ **новой** Эсхлэнк ит 'э муза 'н нт 'йалэтк, ву 'ну, әуғану, джуин поля*

'Вон с Новой Седанки когда мы переехали, там были поля'

Примечательно, что русскоязычный топоним **Новая Седанка** (в косвенно-падежной форме) передается на ительменском также с сохранением косвенно-падежной формы **новой** (которая меняет в данном случае ударение: оно переносится на последний слог). В то же время компонент **Седанка** в составе этого топонима передается при помощи формы местного падежа **Эсхлэнк** (исходная форма **Эсхлин**, см. [13, с. 469]). Такие гибридные топонимы свидетельствуют о достаточной степени освоения русскоязычных заимствований, поскольку таковые начинают употребляться и в составе имен собственных, а не только апеллятивной лексики.

Заключение. Подытожим результаты нашего исследования. Прилагательное из русского в ительменский заимствуется в нескольких случаях. Это происходит либо при отсутствии в ительменской культуре соответствующей реалии (как пример — прилагательное **церковной**, связанное с процессом христианизации и крещением ительменского народа). Это также может происходить при отсутствии выражения в ительменском языке соответствующего понятия: в качестве примера здесь можно упомянуть прилагательные **дикий**, **старой**, **молодой**, которые были включены в лексико-семантическую систему ительменского языка при отсутствии соответствующих гиперонимов. В некоторых случаях отмечается трансформация лексического значения заимствуемого прилагательного подобно тому, как это можно видеть в случае с прилагательным **бравой**. Таким образом, в нашем случае заимствование качественных прилагательных в ительменский представляет собой «заимствование материала» (по классификации В. В. Барановой [2, с. 132]), поскольку при этом происходит перенос русскоязычного элемента напрямую в ительменский язык.

Реже встречаются дублеты вида «заимствование/исконное слово»: в качестве примера здесь можно привести заимствованное прилагательное **бравой** 'хороший', 'красивый' при том, что в языке есть его семантический эквивалент **чинәулах** исконно ительменского происхождения. Не вполне ясно, находятся ли закономерности употребления этих дублетов в какой-либо дополнительной дистрибуции: данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Вероятно, употребление качественных прилагательных русского происхождения (и русских заимствований вообще) связано с давлением русского языка на лексическую систему ительменского. В целом, можно говорить об освоении заимствованных качественных прилагательных русского языка ительменским языком, поскольку они начинают чаще встречаться в записанных текстах, чаще употребляться в речи носителей (в том числе, и в спонтанной речи). Таким образом, генезис качественных прилагательных русского происхождения в ительменском языке и их встраивание в ительменский узус представляет собой результат смешения кодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, М. Е. Языки народов России и постсоветского пространства: проблемы изучения и перспективы развития / М. Е. Алексеев // Родной язык: лингвистический журнал. — 2013. — № 1. — С. 8–17.
2. Баранова, В. В. Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка /

- В. В. Баранова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2020. — № 4(26). — С. 131–146. — DOI 10.31912/pvrl-2020.4.7.
3. Бобалик, Дж. 12 уроков ительменского языка (на основе седанского диалекта) / Дж. Бобалик. — Монреаль: Мак-Гилльский университет, 2001. — 26 с.
 4. Володин, А. П. Ительменский язык / А. П. Володин. — Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976. — 426 с.
 5. Володин, А. П. Ительменско-русские языковые связи / А. П. Володин // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. — Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. — М.: АЗЪ, 1994. — С. 85–93.
 6. Володин А. П. Ительменский язык / А. П. Володин // Языки мира. Палеоазиатские языки. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — С. 60–71.
 7. Володин, А. П. Чукотско-камчатские языки / А. П. Володин // Языки мира. Палеоазиатские языки. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — С. 12–22.
 8. Кашкин, Е. В. Языковые контакты в России: основные направления исследований / Е. В. Кашкин // Евразийский ежегодник. — 2023. — № 1. — С. 457–476. — DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-455-474.
 9. Dunn, M. The Chukotko-Kamchatkan Languages / M. Dunn // The Languages and Linguistics of Northern Asia. — Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2024. — Vol. 1: Language Families. — Pp. 633–668. — DOI: 10.1515/9783110556216-011.
 10. Pakendorf, B. Language contact in northern Asia / B. Pakendorf // The Languages and Linguistics of Northern Asia. — Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2024. — Vol. 2: Typology, Morphosyntax and Socio-historical Perspectives. — Pp. 1175–1210. — DOI: 10.1515/9783111378381-022

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Аникин, А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / А. Е. Аникин. — Новосибирск: Наука, 2003. — 788 с.
12. Ительменские сказки и рассказы из Седанки-Оседлой / сост. Ч. Оно. — Саппоро: Hokkai-Gakuen University, 2020. — 124 с.
13. Полный ительменско-русский словарь / ред. Ч. Оно, гл.сост. А. П. Володин. — СПб.: ИЛИ РАН; Fürstenberg–Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021. — 489 с.
14. Dictionary of All Itelmen Words / Itelmen Audio Video Dictionary. — Harvard College. — Department of Linguistics. — 2024. — Режим доступа: <https://itelmen.fas.harvard.edu/dictionary/en/>

REFERENCES

1. Alekseev, M. E. (2013). Yazyki narodov Rossii i postsovetskogo prostranstva: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya [Indigenous languages of Russia and Post-Soviet area: some research issues and trends of development]. *Rodnoy yazyk: lingvisticheskij zhurnal* [Rodnoy Yazyk (Mother Tongue): Journal of Linguistics], 1, 8–17. (in Russian).
2. Baranova, V. V. (2020). Yazykovye kontakty v Kalmykii i formirovanie lokal'nogo varianta russkogo yazyka [Language contacts in Kalmykia and the emerging of new local Russian variety]. *Trudy Institutа russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 4(26), 131–146. DOI 10.31912/pvrl-2020.4.7. (in Russian).
3. Bobaljik, J. (2001). *12 urokov itel'menskogo yazyka (na osnove sedanskogo dialekta)* [Twelve lessons in Itelmen (on the basis of the Sedanka dialect)]. McGill University. (in Russian).
4. Dunn, M. (2024). The Chukotko-Kamchatkan Languages. *The Languages and Linguistics of Northern Asia*. Vol. 1: Language Families. De Gruyter Mouton. DOI: 10.1515/9783110556216-011.
5. Kashkin, E. V. (2023). Yazykovye kontakty v Rossii: osnovnye napravleniya issledovaniy [Language contact in Russia: main directions of research]. *Evrazijskij ezhegodnik* [Eurasian Yearbook], 1, 457–476. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-455-474. (in Russian).
6. Pakendorf, B. (2024). Language contact in northern Asia. *The Languages and Linguistics of Northern Asia*. Vol. 2: Typology, Morphosyntax and Socio-historical Perspectives. De Gruyter Mouton. DOI: 10.1515/9783111378381-022
7. Volodin, A. P. (1976). *Itel'menskij yazyk* [The Itelmen language]. Izdatel'stvo «Nauka», Leningradskoe otделение. (in Russian).
8. Volodin, A. P. (1994). Itel'mensko-russkie yazykovye svyazi [Linguistic relations between Itelmen and Russian]. *Kontaktologicheskij e'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vypusk I: Severnyj region. Yazyki narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontaktax s russkim yazykom* [Contactological Encyclopedic Comprehensive Dictionary. Issue I: Northern region. Languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East in contact with Russian]. AZЪ. (in Russian).
9. Volodin, A. P. (1997). Itel'menskij yazyk [The Itelmen language]. *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki* [Languages of the world. Paleo-Siberian languages]. Indrik. (in Russian).
10. Volodin, A. P. (1997). Chukotsko-kamchatskie yazyki [The Chukotko-Kamchatkan languages]. *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki* [Languages of the world. Paleo-Siberian languages]. Indrik. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.05.2026 г.

S. S. Kalinin

TOWARDS THE MECHANISMS OF LANGUAGE CONTACT: BORROWING RUSSIAN QUALITATIVE ADJECTIVES INTO THE ITELMEN LANGUAGE

The present article examines borrowed Russian qualitative adjectives in the Itelmen language. It is noted an increase in the number of Russian-source borrowing (particularly qualitative adjectives, in the vocabulary of modern Itelmen. Moreover, these borrowed adjectives are transferred into the Itelmen language largely with the preservation of their original superficial form (with the possible exceptions of accent shifts and the reduction or transformation of some phonemes). Thus, they are naturally integrated into the Itelmen lexical and semantic system. This could be proven by the fact that native speakers of Itelmen use these adjectives in free speech. The main ways and mechanisms of borrowings are also highlighted. It is shown that the semantics of the borrowed word is transformed in some cases. As a result, it can be concluded that code-mixing defines the mechanism of borrowing and the functioning of these adjectives in the Itelmen language.

Keywords: *the Itelmen language, language contacts, Russian borrowings in the indigenous languages of Russia, qualitative adjectives of Russian, the Russian language in contacts with the indigenous languages of Russia, code-mixing.*

Калинин Степан Сергеевич.

Кандидат филологических наук.
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г. Пермь, РФ.
Преподаватель кафедры «Иностранные языки,
языкознание и переводоведение».
ORCID 0000-0001-7371-9655.
E-mail: rage_of_gods@inbox.ru.

Kalinin Stepan Sergeevich.

Candidate of Philology.
Perm National State Research University, Perm, RF.
Department of modern languages, linguistics and
translation studies.
Faculty staff.
ORCID 0000-0001-7371-9655.
E-mail: rage_of_gods@inbox.ru.

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Научная статья

УДК 81`373.611

DOI: 10.5281/zenodo.20476134

О. Ю. Печенкина, Д. И. Торопыно © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского»

¹ORCID 0000-0001-9558-7446

²ORCID 0009-0007-7946-8966

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ДЕНДРОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В настоящем исследовании анализируется структурная организация и семантическая деривация дендронимической лексики в поэзии А. К. Толстого. Рассматриваются функции фитонимов как элементов поэтической системы, включая их роль в создании ландшафтных образов, передаче психоэмоциональных состояний лирического субъекта и репрезентации культурно-исторических кодов. Особое внимание уделяется метафорическому потенциалу дендронимов, их связи с мифологическим субстратом, а также использованию архаизированных форм и экзотических номинаций. Исследование опирается на анализ конкретных стихотворений и выявляет, как выбор фитонима и его контекстуальное окружение служат для экспликации авторского мировосприятия, философских идей и эстетических установок.

Ключевые слова: дендронимы, лексика, поэзия, семантика, антропоморфизм, А. К. Толстой.

Для цитирования: Печенкина, О. Ю. Структурная организация и семантическая деривация дендронимической лексики в поэзии А. К. Толстого / О. Ю. Печенкина, Д. И. Торопыно // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 81–90. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476134>.

Введение. С архаических этапов антропогенеза природная среда выступала доминантным фактором жизнедеятельности человека, определяя его экзистенциальную зависимость от внешнего мира. В процессе накопления эмпирического опыта и освоения объектов окружающей действительности формировались этноботанические знания. Тесный синкретизм человека и природы способствовал сакрализации флоры: растения интегрировались как в утилитарно-бытовую, так и в ритуально-обрядовую сферы деятельности. Наделение объектов флоры магическими и амбивалентными свойствами (способностью к исцелению или провоцированию деструктивных состояний) детерминировало мифологизацию не только самих растений, но и их номинаций. Акты именованья базировались на выделении релевантных дескриптивных признаков, служивших маркерами для идентификации объектов.

Данная совокупность номинаций образует лексико-семантический пласт, обозначаемый термином фитонимы, который, по мнению ряда исследователей, представляет собой один из древних уровней лексической системы языка.

Понятие фитоним вошло в лингвистику в 70-х годах XX века, но при этом до настоящего времени оно характеризуется отсутствием унифицированной дефиниции. В современной науке сосуществуют узкая и широкая трактовки данной терминологической единицы. В рамках настоящего исследования за основу принято определение

А. Д. Летовой, согласно которому фитоним представляет собой «семантическую общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур» [3, с. 31].

Проблема систематизации данного лексического пласта нашла отражение в многочисленных классификациях, базирующихся на различных когнитивных и семантических параметрах.

Так, в концепции В. В. Сальниковой тематическая группировка фитонимов выстраивается с опорой на специфику языковой картины мира ребенка, выделяя такие категории, как деревья, кустарники, травянистые растения, грибы и части растений [5, с. 157].

И. С. Зварыкина, исследуя региональный фитонимикон, предлагает таксономию, основанную на географических и перцептивных критериях: дескрипция внешнего облика, локус произрастания и ассоциативное сходство с иными природными реалиями [2, с. 34].

В одной из статей К. И. Шарафадина исследует флористические символы как особый аллегорический код в рукописных альбомах первой половины XIX века — популярном жанре любовной, полусалонной культуры того времени [10]. Эти альбомы объединяли стихи, рисунки, музыкальные ноты, вырезки и цветочные композиции, и служили формой личного общения, особенно среди женщин и интеллигенции.

Фундаментальный подход представлен в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой, где классификация номинаций растительных организмов строится на принципах системных противопоставлений. Автор выделяет общие обозначения (дифференцируемые по характеру произрастания и свойствам), а также иерархические группы высших и низших растений и грибов [4, с. 514].

В современных лингвистических исследованиях особое место занимает анализ авторских классификаций фитонимической лексики. Так, Ю. А. Дьяченко, исследуя функционирование фитонимов в художественном тексте, предлагает многоуровневую систему, базирующуюся на семантической широте и функциональной направленности номинаций:

1. родовые именованья (архилексемы: дерево, трава, куст);
2. собственно фитонимы (видовые и сортовые названия флоры: береза, вьюнок, астра);
3. миконимы (номинации грибов: боровик, опенок);
4. партитивные фитонимы (номинации структурных элементов растения: ветка, ствол, корень);
5. коллективные номинации (обозначения совокупностей растительных объектов: березняк, черемушник) [1, с. 39].

Диахронический анализ фитонимии позволяет проследить глубокую интеграцию природных реалий в духовный континуум народа. Еще в 1861 году Ф. И. Буслаев постулировал наличие корреляции между номинацией растений и мифопоэтическим сознанием, заложив основы для изучения мифологических детерминант в осмыслении природы. В том же направлении работал М. Забылин, который в ходе анализа русского фольклора эксплицировал функциональную роль фитонимов в системе народных поверий и апотропеической магии (оберегов). Автор приводит примеры использования фитонимических объектов в рамках промысловой магии, где конкретным растениям приписывалась способность обеспечивать результативность охоты.

Этимологический ракурс исследования фитонимов, представленный в работах В. А. Меркуловой, акцентирует внимание на словообразовательных моделях и семантической деривации. Исследователь отмечает отсутствие жесткой денотативной закреплённости фитонима: номинация одного и того же объекта может варьироваться в зависимости от актуализируемого признака, что свидетельствует о полисемантической и функциональной лабильности данного пласта лексики.

Аксиологический потенциал фитонимии подчеркивается в работах Т. И. Вендиной, которая рассматривает акт номинации как способ экспликации ценностных ориентаций

этноса. Изучение фитонимов в данном контексте позволяет реконструировать этнопсихологический портрет носителей языка и понять специфику их мировосприятия.

В конце XX века научный интерес сместился в сторону этнолингвистической парадигмы. Академик Н. И. Толстой рассматривал растительный мир через призму символической репрезентации, где флоре приписывались антропоморфные свойства. Мифологизация природы привела к выводу о том, что «язык и его категории способствуют возникновению мифологического мышления и мифологических представлений» [6, с. 217].

Сакрализация объектов флоры и поиск в них метафизических смыслов стали центральными темами в исследованиях А. В. Часовниковой. Автор трактует фитонимические номинации как отражение синкретичного мировосприятия, в котором языческие архетипы контаминируются с христианскими образами. Из этого следует, что фитонимикон выступает как сложный символический код, раскрывающий специфику познания окружающей действительности через призму духовной традиции [9, с. 11].

Таким образом, фитонимы выступают связующим звеном в системе лексем, обладающих семантической близостью и объединенных общим понятийным признаком. Номинация объектов флоры становится средством вербализации экстралингвистического контекста. Являясь значимыми компонентами лексической системы, фитонимы вызывают прагматический и аксиологический (оценочный) интерес в сознании носителя языка. Современные исследования подтверждают, что язык выступает кумулятивным механизмом, аккумулирующим и транслирующим культурно-языковое наследие.

В рамках лингвистического анализа художественного текста исследователи обращаются к идиостилю авторов, стремясь проследить динамику культурных смыслов и специфику творческого мышления. Через изучение флористической лексики эксплицируются способы восприятия и эстетической оценки мира, присущие конкретному писателю или поэту. Мир природы в литературном наследии становится источником формирования сложных символических систем и ассоциативных рядов.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе дендронимической лексики в поэтических текстах А. К. Толстого с позиций ее структурной организации и семантической деривации, то есть в выявлении особенностей словоупотребления, словообразования и смысловых трансформаций, которые приобретают дендронимы в художественном мире поэта.

В связи с чем можно поставить следующие задачи исследования:

1. Выявить и систематизировать корпус дендронимических единиц, представленных в поэтических произведениях А. К. Толстого, с учетом их лексико-грамматических характеристик и частотности употребления.
2. Описать структурную организацию дендронимической лексики: классифицировать единицы по словообразовательным моделям, выделить морфологические особенности и способы номинации.
3. Проанализировать контекстуальное употребление дендронимов, определить их сочетаемость с другими лексическими единицами и роль в построении художественных образов.
4. Выявить случаи семантической деривации дендронимической лексики в поэтических текстах, описать типы переносов (метафора, метонимия) и их функции в создании символического плана произведения.

Материалы и методы исследования.

В рамках настоящего исследования анализировался лексико-семантический состав дендронимической лексики в поэтическом корпусе А. К. Толстого, охватывающем произведения, написанные в период с 1840-х по 1870-е годы. В качестве основного материала использовались тексты лирических стихотворений, в которых упоминаются деревья и кустарники как элементы природного ландшафта. Корпус был сформирован на основе собрания сочинений поэта в трех томах, изданного в Москве в 1982 году, а также с учетом критических изданий, подготовленных в конце XX – начале XXI века. Отбор

дендронимов осуществлялся по принципу прямого номинативного употребления названий деревьев (например, «береза», «дуб», «тополь», «сосна», «ива», «липа» и др.), а также по наличию метафорических и символических переосмыслений, связанных с растительной образностью. В исследование включались как полнозначные имена существительные, так и прилагательные, образованные от них (например, «берёзовый», «дубовый»), если они несли стилистическую или семантическую нагрузку, релевантную тематике природы и её художественного осмысления.

Методологическая основа работы сочетает лингвистический анализ с элементами структурно-семантического и поэтического исследования. Применялся метод контекстуального анализа, позволяющий выявить не только частотность употребления тех или иных дендронимов, но и характер их вхождения в поэтическую ткань: в качестве центрального образа, фонового элемента, эпитета или метафоры. Особое внимание уделялось семантической деривации — процессу расширения и трансформации исходного значения дендронима в поэтическом тексте. Для этого использовалась методика семантического компонентного анализа, включающая выделение лексико-семантических признаков (например, «высота», «устойчивость», «гибкость», «долговечность», «свет» / «тьма»), которые затем интерпретировались в контексте художественного замысла. Дополнительно применялся метод ассоциативного анализа, направленный на выявление культурно значимых коннотаций, связанных с каждым деревом в русской литературной традиции и в личной образной системе А. К. Толстого.

Структурная организация дендронимической лексики рассматривалась на нескольких уровнях: лексико-грамматическом (виды словообразовательных моделей, типы дериватов), синтаксическом (характер синтаксических конструкций, в которых употребляются дендронимы — например, метафорические сравнения, олицетворения, метонимии) и стилистико-поэтическом (роль ритма, звукописи, эпитетов и эллипсисов в актуализации дендронимического образа). Особое внимание уделено феномену семантической трансформации: например, как нейтральное название «тополь» в стихотворении «Утро» приобретает символическое значение одиночества и тоски благодаря сочетанию с эпитетами «высокий», «одинокий» и ритмической изолированности строки. Анализ проводился с опорой на принципы структурной поэтики Ю. М. Лотмана и традиции лингвопоэтического анализа, разработанные в отечественной филологии. В результате была выстроена типология дендронимических образов в поэзии Толстого, отражающая их эмоционально-оценочную направленность, символическую насыщенность и функциональную роль в поэтическом высказывании.

Основная часть. В языке поэзии нашего земляка А. К. Толстого дендронимическая лексика подвергается глубокой концептуализации, выходя за пределы чисто дескриптивной функции. Его художественная система характеризуется синкретизмом природных реалий и ментальных процессов, что превращает каждое упоминание дерева или кустарника в сложную метафорическую конструкцию. Далее в работе будут подробно рассмотрены специфические способы семантической деривации дендронимов и их роль в формировании философско-эстетического континуума произведений поэта, начиная с анализа ключевых фитоморфных образов.

Так, в стихотворении «Вырастает дума, словно дерево...» (1858) поэт выстраивает развернутую аллгорию, где рациональный мыслительный акт уподобляется вегетативному циклу. Автор подчеркивает онтологическую масштабность возникновения идеи через развернутую фитоморфную метафору: «Вырастает дума, словно дерево, / Вроет в сердце корни глубокие, / По поднебесью ветвями раскинется, / Задрожит, зашумит тучей листьев...» [7, с. 55]. Каждый элемент фитонима в данном контексте коррелирует с определенной стадией когнитивного процесса: корень символизирует ментальную укорененность, ветви — когнитивную экспансию (разрастание мысли), а листва — многообразие и динамику интеллектуальных операций. Примечательно использование Толстым архаизированной формы «листвий» с йотированной вокализацией

в предпоследнем слоге. Данный стилистический прием является намеренной апелляцией к фольклорной традиции, усиливающей этнокультурный компонент произведения.

В ином контекстуальном векторе образ дерева у Толстого выступает медиатором состояния статического покоя и безмятежности, транслируемого из природной среды в психологическое состояние лирического субъекта: «Не пенится море, не плещет волна, / Деревья листьями не двинут, / На глади прозрачной царит тишина, / Как в зеркале мир опрокинут...» [7, с. 54]. Здесь фитоним *лист* (в форме *листами*) маркирует абсолютную тишину, становясь визуальным и аудиальным индикатором гармонии мироздания.

В лингвопоэтической системе Толстого лексема *лист* приобретает дополнительные коннотативные значения, выступая в роли психоэмоционального коррелята человеческой души. В стихотворении «Не ветер, вея с высоты...» (1851/1852) данный фитоним метафорически репрезентирует лабильность и хрупкость внутреннего мира субъекта: «Моей души коснулась ты — / Она тревожна, как листья, / Она, как гусли, многострунна...» [7, с. 23]. Образ «листов» здесь транслирует модус уязвимости и высокой сензитивности лирического героя.

В пласте высокой лексики автора фиксируется использование формы *деревцо*, придающей высказыванию торжественно-меланхолический модус. В стихотворении «Деревцо мое миндальное...» (1857/1858) образ цветущего *миндаля* апеллирует к библейской экзегетике, символизируя бренность земного существования и неизбежность возрастной инволюции: «Деревцо мое миндальное / Все цветами убирается, / В сердце думушка печальная / Поневоле зарождается...» [8, с. 142].

Большую часть фитонимического кода Толстого составляют дендронимы. Так, лексема *липа* выступает как инструмент ретроспекции, объективируя модус ностальгии по утраченному топосу «родового гнезда»: «Я помню дом и пестрые узоры / Вокруг окон, / Под тенью лип душистых разговоры — / Все это сон!...» [8, с. 132]. Дендрологический образ липы маркирует границу между реальным настоящим и онейрическим (сновидческим) прошлым. Аналогичную функцию выполняет пространственный образ степи, вербализующий масштаб утраченного лирическим субъектом края.

В стихотворении «Дождя отшумевшего капли...» (1840) образ *клена* функционирует как медиатор между темпоральными пластами прошлого и настоящего: «Сидел я под кленом и думал, / И думал о прежних годах...» [7, с. 16]. Дерево в данном контексте становится свидетелем внутренней трансформации души, фиксируя переход от юношеских иллюзий к зрелому осознанию экзистенциального несовершенства мира.

В ряде произведений персонификация объектов флоры (клен, дуб, береза) способствует формированию элегического хронотопа. Осенняя палитра и приписывание растениям способности к эмоциональной экспрессии («стряхают слезы») коррелируют с меланхолическим мироощущением автора: «... Там покрасневший клен, / Еще зеленый дуб и желтые березы / Печально на меня свои стряхают слезы...» [7, с. 46].

Особое место в идиостиле автора занимают экзотические фитонимы. Так, лексема *лавр* интегрирована в эстетизированное описание южного ландшафта, выступающего как объект созерцания лирического субъекта: «Как чудесно хороши вы, / Южной ночи красоты: / Моря синего заливы, / Лавры, скалы и цветы!...» [8, с. 106]. В данном контексте фиксируется аксиологическая дихотомия: величественность природного континуума противопоставляется прозаичности и дисгармонии его временных обитателей: «Но мешают мне немножко / Жизнью жить среди этих стран: / Скорпион, сороконожка / И фигуры англичан» [8, с. 106].

В иной лингвопоэтической парадигме образ лавра подвергается сакрализации. Апелляция к античному мифологическому субстрату (образ богини Дианы) наделяет фитоним божественными атрибутами: «И лавр, Дианою храним, / В лучах полудня зеленеет / Над морем вечно голубым» [8, с. 102]. Символика лавра как атрибута триумфа позволяет автору эксплицировать идею победы витальных сил над хтоническим холодом («суровой зимней природой»).

Фитоним *кипарис* в поэтике Толстого выступает в роли защитного локуса — места обретения покоя и завершения телеологического пути: «Добрый конь мой, ободрися, / Ускори ленивый бег, / Там под сенью кипариса / Ждет нас ужин и ночлег!..» [8, с. 132].

В стихотворении «О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая...» (1858) лексема *тополь* используется для построения онтологической параллели с быстротечностью человеческого существования: «О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая, / Пригнутая к земле, как тополь молодая; / Поблекла свежая ветвей твоих краса, / И листья кроет пыль и дольная роса...» [7, с. 45]. С лингвистической точки зрения примечательно использование фитонима *тополь* в женском роде. Несмотря на несоответствие современным литературным нормам, данная форма фиксируется словарями как архаическая (Д. Н. Ушакова). В идиостиле Толстого данный выбор детерминирован не только требованиями метрики и рифмы, но и стремлением к сохранению поэтического колорита предшествующей эпохи.

Метафорическое отождествление женского образа с миром флоры продолжается в стихотворении «Ты жертва жизненных тревог...» (1858), где героиня уподобляется цветку яблони: «Ты словно яблони цветы, / Когда их снег покрыл тяжелый: / Стряхнуть тоску не можешь ты, / И жизнь тебя погнула долу...» [7, с. 48]. В данном контексте фитоним выступает символом хрупкости и экзистенциальной незащитности перед деструктивным воздействием внешних обстоятельств («тяжелый снег»).

В поздней лирике Толстого природа часто выступает как эмоциональный резонанс внутренних переживаний автора. Фитонимы *верба*, *лес* и *цветы* подвергаются глубокой персонификации, становясь субъектами чувственного восприятия: «Нам вестью лес о ней шумит отрадной, / О ней поток гремит струею хладной / И говорят, качаясь, цветы. / И любим мы любовью раздробленной / И тихий шепот вербы над ручьем...» [7, с. 50].

Завершают дендрологическую парадигму образы ивы, куста и забытого сада, маркирующие топос разрушенного «родового гнезда». Семантика упадка и разрыва культурной преемственности эксплицируется через партитивный образ «поникишей главы» ивы: «Стоит опустелый над сонным прудом, / Где ивы поникли главой, / На славу расстреллем строенный дом, <...> Сокрытый кустами, в забытом саду / Тот дом одиноко стоит...» [8, с. 76]. В данном контексте фитонимическая лексика служит средством вербализации темы духовной стагнации и утраты исторических корней.

Символично-герменевтический анализ дендронима *сосна* в стихотворении «Как селянин, когда грозят...» (1858) позволяет выявить метафорическую параллель между актом сокрытия материальных ценностей и сохранением «пророческого слова» в условиях исторических катаклизмов: «И там во мрачной тишине / Глубоко в землю зарывает, / И на чешуйчатой сосне / Свой знак с заклатьем зарубает — / Так ты, певец, в лихие дни / Во дни гоненья рокового, / Под темной речью хорони / Свое пророческое слово» [8, с. 145]. В данном контексте выбор сосны как медиатора обусловлен ее архетипическими характеристиками — долголетием и имплицитным бессмертием, что проецируется на метафизическую устойчивость творческого наследия («певца»).

В лингвопоэтической парадигме произведения «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..» (1851) лексема *вяз* выступает в качестве антропоморфного покровителя: «Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу: / Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!» [7, с. 22]. Взаимодействие дендронимов *вяз* и *деревцо* актуализирует мотив экзистенциальной защиты и патронажа, где флористические объекты наделяются субъектностью и способностью к эмпатии.

В ином контекстуальном векторе береза функционирует как хронотоп памяти и символ юности. В элегическом пейзаже («То было раннею весной...») фитоним становится визуальным центром воспоминаний о начале романтических отношений: «То было раннею весной, / В тени берез то было, / Когда с улыбкой предо мной / Ты очи опустила...» [7, с. 68]. Весенний ландшафт и «тень берез» концептуализируются как сакральное пространство инициации чувств.

Акустическая организация поэтического пространства в стихотворении «Смотри, все ближе с двух сторон...» (1856–1858) реализуется через синкретизм антропогенных и природных звуковых рядов. Фитонимы клен, бук, граб и дуб образуют динамичный полифонический ансамбль: «Зубчатый клен, и гладкий бук, / И твердый граб, и дуб корнистый / Вторят подков железный звук / Среди гама птичьего и свиста...» [8, с. 109]. Метафора «вторят» свидетельствует о достижении аудиовизуальной гармонии, в которой природный мир резонирует с присутствием человека.

Завершает ландшафтную парадигму образ дубравы, шум которой коррелирует с человеческим шепотом. В стихотворении «Тебя так любят все; один твой тихий вид...» (1858) природная эстетика вступает в противоречие с психоэмоциональным диссонансом героини: «Как будто солнца свет, и вешние цветы, / И тень в полдневный зной, и шепот по дубравам, / И даже воздух тот, которым дышишь ты, / Все кажется тебе стяжанием неправым?» [7, с. 56]. Фитонимический код служит для создания фона, на котором «скрытые мучения» личности проявляются наиболее остро через конфликт с внешней гармонией мироздания.

В поэтическом дискурсе Толстого лексема *плющ* характеризуется семантической амбивалентностью. В стихотворении «Обычной полная печали...» (1856–1858) данный фитоним выступает одновременно в биологическом и метафорическом планах. С одной стороны, эпитет «юный» маркирует витальную силу растения, символизируя победу живой природы над статичным разрушением («следами вражды и зла»). С другой стороны, фитоним концептуализируется как медиатор защитного чувства: «Но юный плющ, вивась вокруг зданья, / Покрыл следы вражды и зла — / Ужель еще твои страданья / Моя любовь не обвила?» [8, с. 106]. В приведенном контексте реализуется уподобление любви органическому процессу обволакивания, где чувство героя призвано изолировать сознание возлюбленной от травматического опыта прошлого.

Фитонимы *орешник* и *шелковица* выходят за пределы чисто ландшафтной дескрипции, становясь инструментами объективации нежности и модуса заботы. В структуре лирического высказывания они функционируют как знаки преклонения перед женщиной: «Орешника лист ароматный / Тебе я в тени настелю. / Я там, у подножья аула / Тебе шелковицы нарву...» [7, с. 29].

В произведении «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» (1856–1858) ретроспекция счастливых мгновений материализуется через лексемы *шиповник*, *виноград* и *акация*. Эти фитонимы формируют романтический хронотоп, выступая в роли «свидетелей» интимного диалога героев: «Ты помнишь ли вечер, как море шумело, / В шиповнике пел соловей, / Душистые ветки акации белой / Качались на шляпе твоей? / Меж камней, обросших густым виноградом, / Дорога была так узка...» [8, с. 104]. Ароматические и визуальные характеристики данных растений способствуют созданию атмосферы беззаботности и эмоциональной полноты.

Фитонимические единицы чебер (чабрец) и шалфей в лирике Толстого репрезентируют медитативный пейзаж, инициирующий философскую рефлексию субъекта о гармонии мироздания и месте человека в нем: «Лесной чебер и полевой шалфей, / Блестя росой, в траве благоухали, / И думал я, в померкший глядя свод: / Куда меня так манит и влечет?...» [7, с. 71].

Особый аксиологический статус занимает лексема *вишня* в стихотворении «Вы все любуетесь на скалы...» (1856–1858). Автор выстраивает антитезу между возвышенной эстетикой («любование скалами») и радостью непосредственного бытия. Употребление данного фитонима как символа подлинной, «витальной» поэзии подкрепляется античным прецедентом: «Ужели вишни не природа / И тот, кто ест их, не поэт?.. / И Ифигения едала, / Когда она была в Крыму!» [8, с. 104].

Значительный пласт исследования составляют коллективные номинации растений, связанные с мифологемой родового имени. В элегическом послании «Ты помнишь ли, Мария...» (1840) образы лип, васильков и роши служат маркерами идеализированного

прошлого: «И липы вековые / Над дремлющим прудом?..», «На ниве золотистой / Степные васильки? / И рощу, где впервые / Бродили мы одни?..» [8, с. 65]. Однако эта идиллическая картина вступает в конфликт с темой необратимости времени, репрезентируемой через образы безмолвных аллей и заглохшего сада, что знаменует распад привычного уклада жизни.

Завершает когнитивный анализ лексема *нива*, используемая автором для масштабирования ментальных процессов. Через синтаксический параллелизм Толстой устанавливает тождество между бескрайностью аграрного пространства и неисчерпаемостью человеческой думы: «Уж ты нива моя, нивушка, / Не скосить тебя маху единого, / Не связать тебя всю во единый сноп! Уж вы думы мои, думушки! / Не стряхнуть вас разом с плеч долой, / Одной речью-то вас не высказать!..» [7, с. 27]. Данная метафора подчеркивает онтологическую невозможность мгновенного освобождения от груза размышлений, уподобляя интеллектуальный труд тяжелой физической жатве.

Взаимообусловленность природной среды и психоэмоциональной сферы лирического субъекта наиболее отчетливо прослеживается в стихотворении «На нивы желтые нисходит тишина...» (1862). Здесь образ нивы и внутренняя интроспекция героя подвергаются полному концептуальному слиянию: «На нивы желтые нисходит тишина; / В остывшем воздухе от меркнувших селений, / Дрожа, несется звон. Душа моя полна / Разлукою с тобой и горьких сожалений...» [7, с. 64]. Пейзаж в данном контексте выступает не просто фоном, а модусом переживания экзистенциального одиночества и элегической грусти.

Лексемы *сад* и *дуб* функционируют в идиостиле Толстого как маркеры временной регрессии. Через образы «опустошенного дома» и «завядших дубов» автор эксплицирует эстетику руин и безвозвратность прошлого: «Приветствую тебя, опустошенный дом, / Завядшие дубы, лежащие кругом, / И море синее, и вас, крутые скалы, / И пышный прежде сад — глухой и одичалый!..» [8, с. 76]. Фитонимы в данном контексте служат визуализацией энтропии и распада некогда гармоничного усадебного пространства.

В иной семантической плоскости образ сада концептуализируется как интимный романтический локус. Характерно использование адъективной формы *вишневый* (с традиционным для поэтики того времени акцентом): «Источник за вишневым садом, / Следы голых девичьих ног, / И тут же оттиснулся рядом / Гвоздями подбитый сапог...» [8, с. 153]. Данный фитоним символизирует юность и чистоту эмоциональных порывов, а сохранение специфической орфоэпической нормы продиктовано требованиями классической метрики и рифменной структуры.

Особое функциональное значение имеет устойчивое сочетание лексемы *лес* с эпитетом *дремучий*. Данная атрибуция подчеркивает онтологическую герметичность и первозданность природного пространства, не затронутого антропогенным воздействием: «Когда кругом безмолвен лес дремучий...» [7, с. 32], «Смотри, все ближе с двух сторон / Нас обнимает лес дремучий...» [8, с. 109].

В стихотворении «Где светлый ключ, спускаясь вниз...» (1856–1858) образ леса наделяется высшим сакральным статусом через апелляцию к античной мифологеме: «Но уж не та теперь пора; / Где был заветный лес Дианы, / Там слышны звуки топора...» [8, с. 108]. Внедрение в текст звуковой метафоры («звуки топора») знаменует процесс десакрализации природы и разрушения мирового порядка. Гибель «заветного леса» становится предвестием утраты внутренней гармонии и духовной деградации человечества.

Заключение. Таким образом, в ходе исследования было установлено, что дендронимическая лексика в поэтическом дискурсе А.К. Толстого представляет собой многоуровневую систему, выходящую за рамки номинативно-дескриптивной функции. Анализ семантической деривации фитонимов показал, что поэт мастерски использует механизмы антропоморфизма и метафоризации для объективации сложных философских категорий и психоэмоциональных состояний. Выявлено, что в идиостиле данного автора дендронимы выступают в роли фундаментальных когнитивных констант, связывающих конкретно-чувственные образы природы с абстрактными экзистенциальными смыслами,

такими как необратимость времени, преемственность родовых традиций и духовная трансформация личности. Системная организация названий деревьев и кустарников в текстах автора позволяет говорить о наличии индивидуализированного растительного кода, служащего инструментом познания антропоцентрической картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко, Ю. А. Место фитонимической лексики в художественной прозе Е. И. Носова // Вестник ВятГУ, 2010. — № 2. — С. 38–41.
2. Зварыкина, И. С. Принципы номинации растений в Астраханском регионе // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2014. — № 3. — С. 33–35.
3. Летова, А. М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2012. — № 2. — С. 30–34.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 2002. — 800 с.
5. Сальникова, В. В. Тематические группы фитонимов в автобиографических произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. — С. 156–159.
6. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Издательство «Индрик», 1995. — 512 с.
7. Толстой, А. К. Стихотворения. Баллады. Былины. — Спб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. — 224 с.
8. Толстой, А. К. Стихотворения. — М.: Издательство художественной литературы, 1963. — 803 с.
9. Часовникова, А. В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. А. В. Часовникова. — М.: Издательство «Индрик», 2003. — 248 с.
10. Шарафадина, К. И. «Алфавит флоры» в аллегорическом языке графики и поэзии рукописных альбомов первой половины XIX века Текст. / К. И. Шарафадина // Рус. лит-ра, 2004. — № 1. — С. 74–95.

REFERENCES

1. Dyachenko, Yu. A. (2010) The place of phytonymic vocabulary in the fiction of E. I. Nosov // Bulletin of Vyatka State University, 2, 38–41. (In Russian)
2. Zvarykina, I. S. (2014) Principles of plant nomination in the Astrakhan region // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 3, 33–35. (In Russian)
3. Letova, A.M. (2012) From the history of phytonymic vocabulary research: a linguistic and cultural aspect // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 2, 30–34. (In Russian)
4. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings (2002) / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of Russian Language; under the general editorship of N. Y. Shvedova, Moscow, 800. (In Russian)
5. Salnikova, V. V. (2014) Thematic groups of phytonyms in autobiographical works about childhood (based on the novels by S. T. Aksakov "The childhood of Bagrov the grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood") // Philological Sciences. Questions of theory and practice. — Tambov: Diploma, 9(39): in the 2nd part of Part I. 156–159. (In Russian)
6. Tolstoy, N. I. (1995) Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethno-linguistics. Moscow: Indrik Publishing House, 512. (In Russian)
7. Tolstoy, A. K. (2013) Poems. Ballads. Epics. St. Petersburg: Lenizdat Publishing Group, Team A, 224. (In Russian)
8. Tolstoy, A. K. (1963) Poems. Moscow: Publishing House of Fiction, 803. (In Russian)
9. Chasnikova, A.V. (2003) Christian images of the plant world in folk culture. Peter's cross. Adam's head. A. V. Chasovnikova. Moscow: Indrik Publishing House, 248. (In Russian)
10. Sharafadina, K. I. (2004) "The Alphabet of flora" in the allegorical language of graphics and poetry of handwritten albums of the first half of the 19th century Text. / K. I. Sharafadina // Rus. lit., 1. 74–95. (In Russian)

Поступила в редакцию 09.04.2026 г.

О. У. Pechenkina, D. I. Toropyno

STRUCTURAL ORGANIZATION AND SEMANTIC DERIVATION OF DENDRONYMIC VOCABULARY IN A.K. TOLSTOY'S POETRY

This study analyzes the structural organization and semantic derivation of dendronymic vocabulary in the poetry of A.K. Tolstoy. The functions of phytonyms as elements of a poetic system are considered, including their role in creating landscape images, conveying the psycho-emotional states of a lyrical subject, and representing cultural

and historical codes. Special attention is paid to the metaphorical potential of dendronyms, their connection with the mythological substratum, as well as the use of archaic forms and exotic nominations. The research is based on the analysis of specific poems and reveals how the choice of a phytonym and its contextual environment serve to explicate the author's worldview, philosophical ideas and aesthetic attitudes.

Key words: *dendronyms, vocabulary, poetry, semantics, anthropomorphism, A.K. Tolstoy.*

Торопыно Данила Иванович.

Брянский государственный университет, г. Брянск, Российская Федерация.

Студент 5 курса бакалавриата.

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профиль «Русский язык и литература».

ORCID 0009-0007-7946-8966.

E-mail: danila.toroppyno@mail.ru.

Toropyno Danila Ivanovich.

Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation.

A 5th year undergraduate student.

The field of study is Teacher education on 03.44.05, the profile «Russian language and literature».

ORCID 0009-0007-7946-8966.

E-mail: danila.toroppyno@mail.ru.

Печенкина Ольга Юрьевна.

Брянский государственный университет, г. Брянск, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук, доцент.

Преподаватель кафедры русского языка.

ORCID 0000-0001-9558-7446.

E-mail: olya_bryansk@mail.ru.

Pechenkina Olga Yurievna.

Bryansk State University,

Bryansk, Russian Federation.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Lecturer of the Russian language Department.

ORCID 0000-0001-9558-7446.

E-mail: olya_bryansk@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.20476176

Д. И. Устюжанина © 2026

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

ORCID 0009-0004-8757-5444

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ: ЕДИНСТВО ПРИ АСИММЕТРИИ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследуется характер взаимодействия категорий времени и пространства в текстах малой прозы. Вопреки концепции хронотопа М. М. Бахтина, предполагающей неразрывное единство двух категорий, категориально-текстовый анализ 59 текстов трех авторов современной русской малой прозы (А. А. Матвеева, М. А. Кучерская, О. А. Славникова) обнаруживает устойчивую функциональную асимметрию на трех уровнях: стратегии маркировки заглавия (компенсаторная темпоральная vs генеративная пространственная), внутренней структуры категориального поля (темпоральные маркеры демонстрируют большую авторскую вариативность по типам, пространственные — большую конструктивную устойчивость) и макрокомпозиции сборника. Делается вывод о том, что хронотоп в малой прозе представляет собой единство при асимметрии: время выполняет координирующую функцию, пространство — тематическую и стабилизирующую. Единственной точкой полной симметрии двух категорий является зачин: в 91,5 % текстов он содержит хотя бы один хронотопический маркер.

Ключевые слова: категория времени, категория пространства, хронотоп, малая проза, рассказ, категориально-текстовый анализ, компенсаторная маркировка, генеративная маркировка, А. А. Матвеева, М. А. Кучерская, О. А. Славникова.

Для цитирования: Устюжанина, Д. И. Категории времени и пространства в малой прозе: единство при асимметрии / Д. И. Устюжанина // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 91–101. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476176>.

Введение.

Концепция хронотопа, предложенная М. М. Бахтиным, исходит из того, что время и пространство в художественном тексте образуют неразрывное единство: «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 235]. Эта идея стала фундаментальной для лингвистики текста: категории времени и пространства рассматриваются как взаимосвязанные оси художественной реальности [14; 17; 11]. Вместе с тем понятие «единства» не предполагает симметрии, и вопрос о том, в чем именно и в какой мере две категории ведут себя одинаково, а в чем расходятся, в современной лингвистике малой прозы остается открытым.

Актуальность обращения к данной проблеме определяется несколькими факторами. Во-первых, несмотря на длительную традицию изучения художественного времени [16] и художественного пространства [9; 15], в лингвистике текста эти категории, как правило, анализируются изолированно: исследователь рассматривает либо темпоральную, либо пространственную организацию текста, но редко сопоставляет их системно на одном и том же материале. Так, в современных лингвистических работах категория пространства активно исследуется на материале поэтических произведений [3; 21] и крупной прозы [20]; совместное рассмотрение обеих категорий представлено в работах на материале классической малой прозы [1] и

нехудожественных сверхтекстов [13]. Современная русская малая проза в лингвистическом аспекте сопоставления двух категорий остается периферийной. Во-вторых, понятие хронотопа, разработанное в литературоведении и гуманитарных науках, не получило достаточной эмпирической верификации на уровне языковых единиц: утверждение о «неразрывности» времени и пространства остается скорее теоретическим постулатом, нежели выводом, подтвержденным лингвистическим анализом конкретных текстов. В-третьих, малая проза как жанр, предъявляющий к текстовым категориям особые требования (немедленность введения, экономия средств, ограниченность объема), остается недостаточно изученной с позиций категориально-текстового анализа. Настоящая статья призвана восполнить указанные лакуны.

Исследование опирается на категориально-текстовый анализ Т. В. Матвеевой [10; 12] в русле уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики [3; 6; 7; 19 и др.]. Принципиальное достоинство данного метода для нашей задачи состоит в том, что обе категории — времени и пространства — анализируются по единой схеме (набор, комбинаторика, размещение) [12, с. 902], что делает их результаты аналитически сопоставимыми.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо определить ряд терминов, впервые вводимых в настоящей статье. Под **компенсаторной темпоральной маркировкой** понимается механизм, при котором имплицитность темпоральной семантики заглавия компенсируется повышенной плотностью темпоральных маркеров в тексте рассказа. Под **генеративной пространственной маркировкой** — противоположный механизм, при котором эксплицитность пространственной семантики заглавия не замещает, а стимулирует маркировку пространства в тексте. **Хронотопическая инициализация** — закономерность, в соответствии с которой зачин рассказа содержит хотя бы один маркер категории времени или пространства; подробная типология моделей инициализации представлена в [18]. **Темпоральная инициализация и пространственная инициализация** — частные проявления этого принципа применительно к каждой из двух категорий.

Цель статьи — описать характер асимметрии категорий времени и пространства в малой прозе и предложить ее объяснение через жанровую специфику рассказа. Для достижения данной цели решаются следующие **задачи**: 1) выявить характер маркировки обеих категорий на уровне сборника; 2) сопоставить стратегии маркировки заглавия и плотности маркеров в тексте; 3) описать макрокомпозиционные модели обеих категорий; 4) определить точки симметрии и асимметрии двух категорий.

Материалы и методы исследования.

Материалом исследования послужил корпус из 59 текстов малой прозы трех авторов современной русской литературы — А. А. Матвеевой (четыре сборника: «Девять девяностых», «Лолотта и другие парижские истории», «Спрятанные реки», «Подожди, я умру — и приду»), М. А. Кучерской («Ты была совсем другой») и О. А. Славниковой («Любовь в седьмом вагоне»). Авторы относятся к одному поколению, работают в русле реалистической прозы и активно обращаются к жанру рассказа, что обеспечивает репрезентативность выборки для исследуемой проблематики.

Маркеры категорий времени и пространства выделялись методом сплошной выборки [10]; единицей счета служило каждое вхождение слова или словосочетания, выполняющего темпоральную либо локальную функцию в тексте. В итоге корпус включает 2231 темпоральный и 7556 пространственных маркеров. Поскольку классификации маркеров двух категорий различаются по принципу выделения единиц (темпоральные: прямые, косвенные, относительные; пространственные: ядро, ближняя и дальняя периферия поля локальности), прямое сопоставление абсолютных чисел не проводится; выводы строятся на функциональных паттернах.

Методом исследования является категориально-текстовый анализ, разработанный Т. В. Матвеевой [10; 12] в русле уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики. В

рамках данного подхода текст рассматривается как коммуникативная единица, а текстовая категория — как структурированная совокупность языковых единиц, выражающих определенное содержательное свойство [12, с. 902]. Категория времени реализуется через три типа маркеров: прямые (календарные и суточные номинации), относительные (биографические ориентиры) и косвенные (реалии эпохи) [11, с. 482]. Категория пространства организована как поле локальности: ядро (топонимы, дейксис), ближняя периферия (глаголы локализации и перемещения) и дальняя периферия (конкретно-предметная лексика с локальной коннотацией) [10, с. 33]. Анализ обеих категорий проводится в трех аспектах: парадигматическом, синтагматическом и композиционном.

Основная часть.

1. Хронотоп и категориально-текстовый анализ.

В лингвистике текста время и пространство определяются как категории, отражающие соотношение содержания текста с временной и пространственной осями соответственно [11, с. 481–483]. Текстовые категории, понимаемые как содержательные признаки текста, реализуемые совокупностью разноуровневых языковых единиц [4; 5], обеспечивают аналитическую сопоставимость времени и пространства, поскольку оба понятия сформулированы в рамках одной методологической традиции.

Важно подчеркнуть, что в рамках данного подхода «хронотопическое единство» по М. М. Бахтину не постулируется как аксиома, а верифицируется на конкретном материале. Именно это делает возможным обнаружение асимметрии: если обе категории анализируются по сопоставимым параметрам (набор маркеров, комбинаторика, размещение), то расхождения в результатах могут быть установлены эмпирически.

Малая проза предъявляет к обеим категориям одинаковое жанровое требование — немедленности: ограниченный объем рассказа не позволяет постепенного «романного» введения читателя в художественный мир. И время, и пространство должны быть заданы в зачине. Однако, как будет показано ниже, способ выполнения этого требования для двух категорий существенно различается. Рассказ, в отличие от романа, обладает, по Н. Л. Лейдерману, «односитуативностью» и «концентрацией художественного смысла» [8, с. 211], что вынуждает каждую текстовую категорию к предельной экономии средств. Именно в условиях этой экономии и проявляется характерная для каждой категории стратегия.

2. Характер маркировки.

Рассмотрим внутрикатегориальные характеристики маркеров. Маркеры обеих категорий выделялись методом сплошной выборки — единицей счета служило каждое вхождение слова или словосочетания, выполняющего темпоральную либо локальную функцию в тексте [10]. Данные по каждому сборнику представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Темпоральные маркеры по сборникам

Сборник / автор	Прямые	Косвенные	Относительные	Всего
«Девять девяностых» (А. А. Матвеева)	81 (23,5 %)	151 (43,8 %)	113 (32,7 %)	345
«Лолотта» (А. А. Матвеева)	312 (53,3 %)	127 (21,7 %)	146 (25,0 %)	585
«Спрятанные реки» (А. А. Матвеева)	127 (41,0 %)	91 (29,4 %)	92 (29,7 %)	310
«Подожди...» (А. А. Матвеева)	148 (41,1 %)	109 (30,3 %)	103 (28,6 %)	360
«Ты была совсем другой» (М. А. Кучерская)	142 (51,4 %)	57 (20,7 %)	77 (27,9 %)	276
«Любовь в 7-м вагоне» (О. А. Славникова)	165 (46,5 %)	132 (37,2 %)	58 (16,3 %)	355
ИТОГО	975 (43,7 %)	667 (29,9 %)	589 (26,4 %)	2231

Таблица 2. Пространственные маркеры по сборникам

Сборник / автор	Ядро	Ближн. периф.	Дальн. периф.	Всего
«Девять девяностых» (А. А. Матвеева)	1247 (71 %)	332 (19 %)	177 (10 %)	1756
«Лолотта» (А. А. Матвеева)	1093 (79 %)	208 (15 %)	75 (5 %)	1376
«Спрятанные реки» (А. А. Матвеева)	1073 (66 %)	257 (16 %)	293 (18 %)	1623
«Подожди...» (А. А. Матвеева)	571 (77 %)	115 (16 %)	54 (7 %)	740
«Ты была совсем другой» (М. А. Кучерская)	756 (68 %)	295 (26 %)	66 (6 %)	1117
«Любовь в 7-м вагоне» (О. А. Славникова)	700 (74 %)	131 (14 %)	113 (12 %)	944
ИТОГО	5440 (72 %)	1338 (18 %)	778 (10 %)	7556

Прямое межкатегориальное сравнение абсолютных чисел в рамках данной статьи не проводится: классификации маркеров для двух категорий различаются по принципу выделения единиц, и сопоставление их абсолютных объемов было бы методологически некорректным. Вместе с тем таблицы позволяют установить важные закономерности на уровне внутрикатегориальной вариативности.

У темпоральных маркеров обнаруживается значительная подвижность состава. Соотношение прямых, косвенных и относительных маркеров существенно варьируется от сборника к сборнику: от доминирования косвенных (43,8 % в «Девяти девяностых» А. А. Матвеевой — стратегия «эпохального» времени, воссоздающего предметный облик 1990-х) до доминирования прямых (53,3 % в «Лолотте» — стратегия хронометража, необходимого для координации двух нарративных пластов). Эта вариативность отражает сознательный авторский выбор стратегии темпоральной маркировки, определяемый художественной задачей конкретного сборника.

Пространственная категория, напротив, обнаруживает большую «конструктивную устойчивость». Доля ядерных единиц поля локальности (топонимы, дейксис, категориальная лексика, предлоги) устойчиво доминирует во всех шести сборниках, варьируясь от 66 % («Спрятанные реки») до 79 % («Лолотта»). Ближняя периферия составляет 14–26 %, дальняя — 5–18 %. Исключение — «Спрятанные реки», где доля дальней периферии достигает 18 % благодаря насыщенности «Камина Святого Якова» предметами паломнического быта (577 маркеров — 35 % от сборника). Тем не менее даже при наличии «текста-доминанты» общая пропорция уровней поля остается устойчивой.

Таким образом, первый уровень асимметрии касается характера маркировки. Темпоральная маркировка требует сознательного авторского усилия: хронологические рамки, даты, наречия длительности должны быть поставлены намеренно — без них читатель не ориентируется в эпохе. Это объясняет, почему состав темпоральных маркеров варьируется от сборника к сборнику в зависимости от авторской стратегии. Пространственная маркировка структурно устойчива: поле локальности воспроизводится в нарративе с высокой регулярностью, и его структура слабо зависит от художественной задачи текста.

Вместе с тем внутрикатегориальная вариативность не противоречит хронотопическому единству. Тексты с максимальной темпоральной маркировкой, как правило, обладают и максимальной пространственной: «Камин Святого Якова» (А. А. Матвеева) — 60 темпоральных и 577 пространственных маркеров; «Русская пуля» (О. А. Славникова) — 56 темпоральных и 152 пространственных; «Голубка» (М. А. Кучерская) — 84 темпоральных и 331 пространственный. Корреляция устойчива:

тексты, тематически ориентированные на время или пространство, интенсивно маркируют обе категории, что подтверждает хронотопическое единство в бахтинском смысле.

3. Противоположные стратегии маркировки заглавия.

Перейдем к анализу соотношения семантики заглавия и концентрации маркеров в тексте. В ходе проведенного анализа было установлено, что тексты с прямой темпоральной семантикой заглавия («Обстоятельство времени», «Девять девяностых» (одноименный рассказ), «День Патрика», «Настоящее прошедшее») характеризуются средней или пониженной концентрацией темпоральных маркеров в тексте — в среднем 36,8 маркера на рассказ. Напротив, тексты с косвенной темпоральной семантикой заглавия («Красный директор», «Шубка», «Русская пуля», «Норковая шапка В. И. Падерина») обнаруживают значительно более высокую концентрацию — в среднем 60,3 маркера. Объяснение: темпоральное заглавие «замещает» маркировку текста, выполняя координирующую функцию само по себе, и текст не нуждается в ее дублировании. Когда же время «спрятано» в косвенном заглавии, текст компенсирует имплицитность повышенной маркировкой. Этот механизм обозначен нами как *компенсаторная темпоральная маркировка*.

Анализ категории пространства обнаруживает картину, прямо противоположную. Тексты с прямой пространственной семантикой заглавия — «Горный Щит» (234 маркера), «Екатеринбург» (603), «Улица Девочек» (75), «На озере» (114), «В лесу» (106), «Остров Святой Елены» (61) — характеризуются повышенной средней концентрацией маркеров (в среднем 199 маркеров на рассказ). Тексты с косвенной или нулевой пространственной семантикой заглавия — «Теория заговора» (139), «Без фокусов» (85), «Минус футбол» (76), «Обними меня» (74), «Речь» (37) — демонстрируют существенно пониженную концентрацию (в среднем 82 маркера). Таким образом, пространственное заглавие не замещает, а стимулирует маркировку: «Екатеринбург» в заглавии порождает 603 пространственных маркера в тексте, тогда как «Без фокусов» — лишь 85.

Обратимся к объяснению этого расхождения. Темпоральное заглавие задает временную координату — и текст принимает ее как данность, не повторяя. Пространственное заглавие задает не координату, а тему: *город, улица, остров, озеро* — это не просто место действия, но предмет художественного исследования. Текст разворачивает эту тему через детализацию: «Екатеринбург» в заглавии влечет за собой полную топографическую карту города (*ул. Генеральская, ул. Восточная, ул. Бажова, Плотинка, ресторан «Океан»*); «Горный Щит» — энциклопедию уральского деревенского быта (*изба, огород, палисадник, забор, времянка, сени, голбец, погреб*). Иными словами: темпоральное заглавие «замещает» маркировку, пространственное — «порождает» ее.

Этот механизм обозначен нами как *генеративная пространственная маркировка*, противопоставленный компенсаторной темпоральной. Различие между двумя принципами отражает принципиальное различие функций: время в рассказе ориентирует читателя во вполне определенной исторической или биографической точке, пространство — разворачивает художественный мир через предметную детализацию. Координата не требует развертывания; тема — требует.

4. Расхождение макрокомпозиционных моделей.

Рассмотрим, как ведут себя обе категории на уровне сборника как целого. Сводные данные о концентрации темпоральных и пространственных маркеров в первом и последнем текстах каждого сборника представлены в таблице 3.

Таблица 3. Темпоральные и пространственные маркеры в первом и последнем текстах сборников

Сборник / автор	1-й текст: время	Послед. текст: время	1-й текст: простр.	Послед. текст: простр.
«Девять девяностых» (А. А. Матвеева): «Жемымо» → «Екатеринбург»	45	50	181	603

Сборник / автор	1-й текст: время	Послед. текст: время	1-й текст: простр.	Послед. текст: простр.
«Ты была совсем другой» (М. А. Кучерская): «Голубка» → «Речь»	84	11	331	37
«Любовь в 7-м вагоне» (О. А. Славникова): «Русская пуля» → «Любовь в 7-м вагоне»	56	21	152	73

Данные таблицы обнаруживают три типа макрокомпозиционных моделей. У М. А. Кучерской темпоральные и пространственные маркеры демонстрируют выраженную убывающую динамику: концентрация снижается в 7,6 раза для времени и в 9 раз для пространства. Промежуточные тексты сборника подтверждают эту тенденцию: заглавный рассказ «Ты была совсем другой» удерживает повышенную темпоральную плотность как структурно-семантический центр, далее следует коридор низких значений (7–15 маркеров). Эта «убывающая динамика» интерпретирована нами как движение сборника от насыщенной психологической хронологии к вневременному обобщению: финальный текст «выходит» из времени. У О. А. Славниковой представлен близкий тип, но с существенно меньшим масштабом снижения (в 2,7 раза для времени, в 2,1 раза для пространства). У А. А. Матвеевой обнаруживается принципиально иная модель — «рамка»: первый и последний тексты темпорально и пространственно насыщены, причем по обеим категориям финальный текст превосходит начальный.

Анализ категории пространства в сборнике М. А. Кучерской обнаруживает более сложную картину. Пространственная маркировка также убывает от первого текста к последнему: «Голубка» — 331 маркер, «Речь» — 37, однако характер этого убывания существенно отличается от темпорального. Темпоральные маркеры убывают с одновременным перераспределением типов: от доминирования прямых маркеров (хронометраж) к доминированию относительных (биографическая ретроспекция), что свидетельствует о качественном изменении стратегии. Пространственные маркеры убывают пропорционально: соотношение ядра, ближней и дальней периферии сохраняется — структура поля локальности остается типологически стабильной, меняется лишь его насыщенность.

Рассмотрим это расхождение на конкретных текстах. «Голубка» — психологический нарратив о болезни, насыщенный хронологической детализацией: 84 темпоральных маркера фиксируют каждый приступ, каждый этап переживания. Пространство организовано столь же интенсивно: 331 маркер создает замкнутый вертикальный мир подъезда (*подъезд, восьмой этаж, мусоропровод, подоконник, лифт*). Высокая доля дейктических средств (*здесь, там, туда, вниз, наружу, вперед* — 90 вхождений) и глаголов перемещения (*подниматься, входил, добирался, хватался, вцеплялся, вжимался* и др. — 17 вхождений) формирует пространственную ось как метафору психологического усилия.

«Речь» — монолог, лишенный хронологической привязки: 11 темпоральных маркеров, преимущественно относительных (*дедовы, с войны, при Сталине*). Пространство также убывает (37 маркеров), однако сохраняет функциональную необходимость: *нары, каменный котел, барак, Азовское море* — при снижении насыщенности пространство продолжает выполнять свою роль «места высказывания». Рассуждение не нуждается во временных координатах, но оно произносится *откуда-то*, и даже самое абстрактное высказывание имеет локус.

Именно здесь обнаруживается принципиальная функциональная асимметрия. Время в художественном тексте — *координирующая* категория: оно отвечает на вопрос «когда?» и нужно там, где нарратив требует хронологической ориентации. Когда тип речи меняется с повествования на рассуждение, хронологическая координата становится избыточной — и темпоральные маркеры не просто убывают, но качественно перестраиваются.

Пространство — *стабилизирующая* категория: оно отвечает на вопрос «где?» и необходимо всегда, потому что художественная речь всегда произносится из некоего места. Пространственная маркировка убывает количественно, но сохраняет свою структурную организацию.

У А. А. Матвеевой обе категории образуют «рамку» сборника, однако механизмы их формирования различны. Пространственная рамка строится через оппозицию локусов: «Жемымо» задает барачный двор Свердловска, «Екатеринбург» подводит итог расширением до городской панорамы. Темпоральная рамка строится через нарастание и убывание плотности маркеров. Совпадение рамок не означает их тождества: пространственная замкнута в один и тот же локус, темпоральная — разомкнута в разные периоды. У О. А. Славниковой композиционная симметрия достигается за счет сквозного мотива маршрута: «Русская пуля» открывает сборник маршрутом Москва–Иркутск, «Любовь в седьмом вагоне» закрывает его маршрутом Москва–Петербург. Однако в темпоральном плане наблюдается затухание: композиционная функция первого и последнего текстов как «врат путешествия» сохраняется, но количественная плотность темпоральных маркеров последовательно снижается. Случай О. А. Славниковой представляет промежуточный тип — между затуханием М. А. Кучерской и рамкой А. А. Матвеевой.

5. Хронотопическая инициализация как точка схождения.

При всей зафиксированной асимметрии обе категории обнаруживают одну зону симметрии — зачин. В отдельной публикации [18] нами была предложена типология моделей хронотопической инициализации (хронотопический, пространственный, атмосферный, акциональный и рефлексивный зачин). Здесь мы обратимся к данному принципу лишь в той мере, в какой он демонстрирует точку схождения двух категорий.

В ходе анализа установлено [18]: в 54 из 59 текстов (91,5 %) зачин содержит хотя бы один хронотопический маркер — темпоральный или пространственный. Пространственный маркер зафиксирован в зачине 44 текстов (74,6 %), темпоральный — 41 текста (69,5 %). Оба маркера одновременно представлены в 31 зачине (52,5 %). Лишь в 5 текстах (8,5 %) хронотопическая инициализация отсутствует, причем во всех случаях это жанрово мотивированный прием (притча, исповедь, перечислительный зачин). Таким образом, зачин — единственная зона текста, где обе категории подчиняются одному и тому же жанровому требованию немедленности.

Для целей настоящей статьи существенно не столько количественное распределение моделей (см. [18]), сколько сам факт симметричности двух категорий в зачине. Типичный хронотопический зачин — например, «*Я родился в самом начале восьмидесятых, в Свердловске, в бараке на улице Гурзуфской*» — три маркера в одном предложении: темпоральный и два пространственных — демонстрирует, что обе категории задаются одновременно, без иерархии. В «Русской пуле» (О. А. Славникова) зачин содержит только пространственный маркер («*На Казанском вокзале все выходы к поездам дальнего следования были перекрыты*»): темпоральная координата остается имплицитной и реконструируется из ситуации, тогда как пространственная задана эксплицитно. Это различие показательно: пространство «не может не быть названо», время может быть подразумеваемым. Напротив, в «Безумном Максе» (А. А. Матвеева): «*Было начало девяностых, город только-только переименовали из Свердловска в Екатеринбург*» — обе координаты заданы эксплицитно, причем смена топонима выступает синкретическим маркером, одновременно датирующим текст (1991 год) и задающим пространственную перспективу (два облика одного города).

Последний пример принципиально важен: он иллюстрирует существование синкретических маркеров — единиц, одновременно функционирующих в обеих категориях. Топоним *Свердловск / Екатеринбург* маркирует и пространство (два разных городских облика), и время (до и после 1991 года). В дневниковых текстах заголовки «*День первый. Сантьяго-де-Компостела*» синтагматически связывают темпоральный (номер дня) и пространственный (этап пути) маркеры в неразложимое единство. Предметы-хронотопы

(шубка, норковая шапка, кресло) одновременно локализуют событие во времени и в пространстве. Синкретические маркеры — наиболее отчетливое воплощение идеи М. М. Бахтина о «сплавленности» двух категорий.

Однако сама по себе хронотопическая инициализация не устраняет асимметрии — она лишь демонстрирует, что на уровне зачина требование жанра одинаково для обеих категорий. Жанровая природа рассказа — ограниченный объем, невозможность постепенного введения — вынуждает и время, и пространство к немедленности. За зачином эта симметрия исчезает, и каждая категория следует собственной стратегии.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующий итог. Хронотоп в малой прозе представляет собой единство при асимметрии: категории времени и пространства функционируют в неразрывной связи, но выполняют различные функции и подчиняются различным закономерностям.

Три уровня асимметрии, установленные на материале 59 текстов трех авторов, указывают на принципиальное функциональное разграничение двух категорий. Во-первых, характер маркировки принципиально различен: темпоральные маркеры представляют собой сознательный авторский выбор и демонстрируют высокую вариативность по типам (от доминирования косвенных в «Девяти девяностых» до доминирования прямых в «Лолотте»), тогда как пространственная маркировка конструктивно устойчива (доля ядра поля локальности варьируется от 66 % до 79 % при стабильном доминировании во всех шести сборниках). Во-вторых, стратегии маркировки заглавия противоположны: темпоральное заглавие замещает маркировку текста (компенсаторная темпоральная маркировка), пространственное — стимулирует ее (генеративная пространственная маркировка), поскольку задает не координату, а тему. В-третьих, макрокомпозиционные модели расходятся: у М. А. Кучерской обе категории убывают от первого текста к последнему, однако темпоральная маркировка перестраивается качественно (меняется соотношение типов), тогда как пространственная сохраняет свою структурную организацию.

Из этого следует, что время в рассказе выполняет прежде всего координирующую функцию: оно отвечает на вопрос «когда?» и необходимо там, где нарратив требует хронологической ориентации. Будучи сознательно выбранным авторским средством, темпоральная маркировка высоко вариативна: состав маркеров варьируется от сборника к сборнику и отражает художественную стратегию. Пространство выполняет тематическую и стабилизирующую функцию: оно задает художественный мир как предмет исследования и не может быть устранено, даже когда временная координата становится избыточной.

Единственной зоной симметрии двух категорий является зачин. Как показано в [18], в 54 из 59 текстов (91,5 %) зачин содержит хотя бы один хронотопический маркер, а оба маркера — темпоральный и пространственный — одновременно представлены в 31 тексте (52,5 %). Здесь жанровое требование немедленности одинаково для обеих категорий, и они работают в унисон. За зачином каждая следует собственной логике.

Полученные результаты уточняют концепцию хронотопа применительно к малой прозе как жанру: «сплавленность» времени и пространства [2, с. 235] не означает их симметрии. Хронотоп — это неравновесная система, в которой доминирующую роль в координации читателя играет время, а в стабилизации художественного мира — пространство. Асимметрия проявляется в качественных паттернах: вариативности состава темпоральных маркеров при структурной устойчивости пространственных, противоположных стратегиях маркировки заглавия, расходящихся макрокомпозиционных моделях. Именно эта функциональная дифференциация делает возможным создание ощущения полноценного художественного мира в условиях жанрового ограничения объема.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с верификацией предложенной модели на расширенном материале. Проверка гипотезы об асимметрии двух категорий на текстах других авторов современной русской малой прозы (в частности, авторов иной

поэтической ориентации — нереалистической, мифопоэтической, документальной), а также на материале классической русской малой прозы конца XIX — начала XX в. позволит установить, является ли обнаруженный паттерн жанровой константой или связан с типологическими особенностями реалистического нарратива. Самостоятельный интерес представляет применение разработанной методики сопоставления к смежным жанрам — повести и циклу новелл, — в которых жанровое требование немедленности категориальной маркировки реализуется иначе. Перспективным направлением представляется и углубленное изучение синкретических маркеров как точки преодоления категориальной асимметрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Т. Е. Характерологическая функция хронотопа в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» / Т. Е. Алиева, Т. В. Каширина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2022. — № 1 (53). — С. 95–98. — DOI 10.52772/25420291_2022_1_95. — EDN PGZYQV.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1975. — 504 с.
3. Бортников, В. И. Категория локативности в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай»: контент-анализ / В. И. Бортников // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2012. — № 3 (105). — С. 159–169. — EDN PVHFUB.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : КомКнига, 2006. — 144 с.
5. Дускаева, Л. Р. О жанровых текстовых категориях / Л. Р. Дускаева // Жанры речи. — 2016. — № 2 (14). — С. 25–32.
6. Ицкович, Т. В. Категории времени и пространства в религиозном стиле / Т. В. Ицкович // В мире научных открытий. — 2011. — № 4–1 (16). — С. 699–706.
7. Ицкович, Т. В. Сибириада Анатолия Омельчука: текстовые категории и ментально-специфический тип сибиряка / Т. В. Ицкович, Н. А. Купина // Quaestio Rossica. — 2024. — Т. 12, № 3. — С. 937–952. — DOI 10.15826/qr.2024.3.917.
8. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург : УрГПУ, 2010. — 904 с.
9. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова / Ю. М. Лотман. — М. : Просвещение, 1988. — 352 с.
10. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 168 с.
11. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 562 с.
12. Матвеева, Т. В. Текст / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — 3-е изд. — М. : Флинта, 2024. — С. 900–915.
13. Михайлова, Ю. Н. Категории пространства и времени в христианском сверхтексте толкового словаря / Ю. Н. Михайлова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24, № 1. — С. 224–235. — DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.015. — EDN FSZANJ.
14. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. — 3-е изд. — М. : Академия, 2008. — 272 с.
15. Поршнева, А. С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы / А. С. Поршнева // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 96–115.
16. Тивьяева, И. В. Изучение проблемы текстового времени в отечественной лингвистике / И. В. Тивьяева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1. — С. 348–357.
17. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. — М. : Просвещение, 1986. — 127 с.
18. Устюжанина, Д. И. Хронопоэтическая инициализация зачина как жанровый признак рассказа / Д. И. Устюжанина // Филология: научные исследования. — 2026. — № 4. — С. 110–123.
19. Чэн, Цзяоцзяо. Лингвотекстовая специфика газетного очерка (категории темы и композиции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Цзяоцзяо Чэн. — Екатеринбург, 2023. — 27 с.
20. Юань, С. Концепт «Путь» как маркер текстовой категории пространства в романе А. А. Фадеева «Разгром» / С. Юань // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14, № 4. — EDN AVEODP.
21. Tarek, A. Kh. Functions of the Category of Place in Poetic Works / A. Kh. Tarek // Global Scientific Potential. — 2023. — No. 8 (149). — P. 151–155. — EDN KPHSCK.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Кучерская, М. А. Ты была совсем другой : одиннадцать городских историй / М. А. Кучерская. — М. : АСТ, 2017. — 288 с.
23. Матвеева, А. А. Девять девяностых / А. А. Матвеева. — М. : АСТ, 2014. — 384 с.
24. Матвеева, А. А. Лологта и другие парижские истории / А. А. Матвеева. — М. : АСТ, 2016. — 352 с.

25. Матвеева, А. А. Подожди, я умру — и приду / А. А. Матвеева. — М. : АСТ, 2019. — 352 с.
 26. Матвеева, А. А. Спрятанные реки / А. А. Матвеева. — М. : АСТ, 2019. — 352 с.
 27. Славникова, О. А. Любовь в седьмом вагоне / О. А. Славникова. — М. : АСТ, 2023. — 384 с.

REFERENCES

- Alieva, T. E., & Kashirina, T. V. (2022). Kharakterologicheskaya funktsiya khronotopa v rasskaze A. P. Chekhova "Ionych" [The characterological function of chronotope in A. P. Chekhov's short story "Ionych"]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 1(53), 95–98. https://doi.org/10.52772/25420291_2022_1_95 (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Bortnikov, V. I. (2012). Kategoriya lokativnosti v poeme Dzh. Milтона "Poteryannyi rai": kontent-analiz [The category of locativity in J. Milton's "Paradise Lost": a content analysis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 3(105), 159–169. (In Russian).
- Galperin, I. R. (2006). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. KomKniga. (In Russian).
- Duskaeva, L. R. (2016). O zhanrovyykh tekstovyykh kategoriyakh [On genre textual categories]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2(14), 25–32. (In Russian).
- Itskovich, T. V. (2011). Kategorii vremeni i prostranstva v religioznom stile [Categories of time and space in religious style]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries], 4–1(16), 699–706. (In Russian).
- Itskovich, T. V., & Kupina, N. A. (2024). Sibiriada Anatoliya Omelchuka: tekstovye kategorii i mentalno-spetsificheskii tip sibiryaka [Anatoly Omelchuk's Siberiad: textual categories and the mentally-specific type of the Siberian]. *Quaestio Rossica*, 12(3), 937–952. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.3.917> (In Russian).
- Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [The theory of genre: studies and analyses]. UrGPU. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova* [In the school of poetic word]. Prosveshchenie. (In Russian).
- Matveeva, T. V. (1990). *Funktionalnye stili v aspekte tekstovyykh kategori* [Functional styles in the aspect of textual categories]. Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).
- Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Feniks. (In Russian).
- Matveeva, T. V. (2024). Tekst [Text]. In *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] (3rd ed., pp. 900–915). Flinta. (In Russian).
- Mikhailova, Yu. N. (2022). Kategorii prostranstva i vremeni v khristianskom sverkh tekste tolkovogo slovarya [Categories of space and time in the Christian supertext of an explanatory dictionary]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 24(1), 224–235. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.1.015> (In Russian).
- Nikolina, N. A. (2008). *Filologicheskii analiz teksta: uchebnoe posobie* [Philological analysis of text: textbook] (3rd ed.). Akademiya. (In Russian).
- Porshneva, A. S. (2010). Izuchenie khudozhestvennogo prostranstva: strategii i algoritmy [Studying literary space: strategies and algorithms]. In *Inoyazychnyi diskurs: problemy interpretatsii i izucheniya* [Foreign-language discourse: problems of interpretation and study] (pp. 96–115). Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).
- Tivyaeva, I. V. (2014). Izuchenie problemy tekstovogo vremeni v otechestvennoi lingvistike [Studying the problem of textual time in Russian linguistics]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [TulSU Bulletin. Humanities], 1, 348–357. (In Russian).
- Turaeva, Z. Ya. (1986). *Lingvistika teksta* [Linguistics of text]. Prosveshchenie. (In Russian).
- Ustyuzhanina, D. I. (2026). Khronotopicheskaya initsializatsiya zachina kak zhanrovyyi priznak rasskaza [Chronotopic initialization of the opening as a genre feature of the short story]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Studies], 4, 110–123. (In Russian).
- Chen, J. (2023). *Lingvotekstovaya spetsifika gazetnogo ocherka (kategorii temy i kompozitsii)* [Linguistic-textual specifics of newspaper essay (categories of theme and composition)] [Author's abstract of doctoral dissertation, Yekaterinburg]. (In Russian).
- Yuan, S. (2023). Kontsept "Put" kak marker tekstovoi kategorii prostranstva v romane A. A. Fadeeva "Razgrom" [The concept "Path" as a marker of the textual category of space in A. A. Fadeev's novel "The Rout"]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies], 14(4). (In Russian).
- Tarek, A. Kh. (2023). Functions of the category of place in poetic works. *Global Scientific Potential*, 8(149), 151–155.
- Kucherskaya, M. A. (2017). *Ty byla sovsem drugoi: odinnadtsat gorodskikh istorii* [You were quite different: eleven urban stories]. AST. (In Russian).
- Matveeva, A. A. (2014). *Devyat devyanostykh* [Nine of the nineties]. AST. (In Russian).
- Matveeva, A. A. (2016). *Lolotta i drugie parizhskie istorii* [Lolotta and other Parisian stories]. AST. (In Russian).
- Matveeva, A. A. (2019a). *Podozhdi, ya umru — i pridu* [Wait, I will die and come]. AST. (In Russian).

26. Matveeva, A. A. (2019b). *Spryatannye reki* [Hidden rivers]. AST. (In Russian).

27. Slavnikova, O. A. (2023). *Lyubov v sedmom vagone* [Love in the seventh carriage]. AST. (In Russian).

Поступила в редакцию 29.04.2026 г.

D. I. Ustyuzhanina

TEMPORAL AND SPATIAL CATEGORIES IN SHORT PROSE: UNITY WITHIN ASYMMETRY

The article investigates the interaction of temporal and spatial categories in short prose texts. Contrary to M. M. Bakhtin's concept of the chronotope, which postulates the inseparable unity of both categories, a categorical-textual analysis of 59 texts by three authors of contemporary Russian short prose (A. A. Matveeva, M. A. Kucherskaya, O. A. Slavnikova) reveals stable functional asymmetry at three levels: title marking strategies (compensatory temporal marking vs. generative spatial marking), the internal structure of the categorical field (temporal markers demonstrate greater authorial variability across types, whereas spatial markers exhibit greater structural stability), and the macro-composition of the collection. It is concluded that the chronotope in short prose constitutes a unity within asymmetry: the temporal category performs a coordinating function, the spatial — thematic and stabilizing functions. The sole locus of complete symmetry between the two categories is the incipit: in 91.5% of the texts it contains at least one chronotopic marker.

Keywords: *temporal category; spatial category; chronotope; short prose; short story; categorical-textual analysis; compensatory marking; generative marking; A. A. Matveeva; M. A. Kucherskaya; O. A. Slavnikova*

Устюжанина Дарья Ивановна.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация.
Аспирант 3 курса кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации.
ORCID 0009-0004-8757-5444.
E-mail: t_s_belle@mail.ru.

Ustyuzhanina Daria Ivanovna.

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.
3rd-year postgraduate student at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication.
ORCID 0009-0004-8757-5444.
E-mail: t_s_belle@mail.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Научный журнал «Новые горизонты русистики» входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025). Решением ВАК Российской Федерации от 30.03.2026 г. журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

2. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы студентов (в соавторстве с научным руководителем), магистрантов (в соавторстве с научным руководителем), аспирантов, молодых учёных, опытных учёных, учителей, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

3. При наличии рекомендации научного руководителя и положительных отзывов рецензентов работы студентов и магистрантов могут быть опубликованы самостоятельно.

4. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после проверки на наличие плагиата, рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

5. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

6. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

7. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

8. На адрес редколлегии (donrus452@yandex.ru) и параллельно на сайт журнала (<https://dongu-ngr.ru/index.php/ngr/about/submissions>) высылаются:

а. Электронный текст статьи (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf) в рамках диапазона **7–15** страниц (от **20 000** до **40 000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объеме текста

исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Гладкая_статья».

б. Текст для оглавления. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются полужирным шрифтом неразрывный пробел. Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Гладкая_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе

Gladkaya N. V. Linguocultural features of the language of military operations in Donbass

Чистоклетова А. В., Теркулов В. И. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория

Chistokletova A. V., Terkulov V. I. The abbreviation paradigm as a linguistic category

в. Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (или статус — студент, магистрант, аспирант), степень, звание, место работы (для студентов, магистрантов и аспирантов — курс, специальность, место учёбы), прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

9. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 7 до 15 страниц (от 20 000 до 40 000 печатных знаков);
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- аннотация, список литературы, таблицы, подрисовочные подписи, информация об авторах — шрифт Times New Roman, размер 10 пт;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчёркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,... “...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический; малое тире (–) употребляется только в числовых диапазонах без пробелов: с. 13–18, XIX–XX вв.;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

- если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пушиа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

10. **Внимание!** Обязательные требования к структуре статей

- 1 строка — (выравнивание по ширине) тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.
- 2 строка — (выравнивание по ширине) индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).
- 3 строка — DOI: (просто данная запись, сам индекс DOI присваивается редколлегией).
- 4 строка — (*выравниванием по центру полужирным курсивом*), знак ©, год, инициалы (перед фамилией) и фамилия автора (фамилии авторов): **Н. В. Гладкая**;
- 5 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) официальное **полное** название организации: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*;
- 6 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) ORCID: *ORCID 0000-0003-3903-4438*;
В случае, если у статьи несколько авторов, их фамилии набираются в одну строку, после каждой фамилии ставится порядковый номер в верхнем регистре и ниже приводятся данные для каждого автора:

Н. В. Гладкая¹, А. А. Алтухова²

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0000-0003-3903-4438

²ORCID 0009-0002-5023-0368

- 7 строка — название статьи — **ПЕЧАТАЕТСЯ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ ЖИРНЫМ ШРИФТОМ С ВЫРАВНИВАНИЕМ ПО ШИРИНЕ** (16 кегль);
- 8 строка — вклеивается:

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объёмом не менее 100 и не более 150 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. *Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, курсивом)*;
- через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»): **Для цитирования:** Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе // Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX-XX. — <https://doi.org>
- в случае, если необходимо указание на госзадание, грант
- через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, материалы и методы исследования, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

- Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — **10**.

• **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

Образцы оформления литературы:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая, М. В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

4. Ипатов, О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатов // Ольгердово копые: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

• После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё.

Правила оформления

Язык: все записи — на латинице (транслитерация или перевод).

Пунктуация: запятые и точки (знаки типа // из ГОСТ не используются).

Курсив: названия книг и журналов выделяются курсивом.

Правила транслитерации и перевода

Фамилии авторов: транслитерируются (например, Иванов → Ivanov). Инициалы пишутся слитно, без пробелов (A.S.).

Названия статей: переводятся на английский язык (в скобках можно указать [in Russian]).

Названия журналов:

если есть официальное англоязычное название, используется оно («Вопросы психологии» → Voprosy Psychologii);

если нет — транслитерируется («Психологический журнал» → Psikhologicheskii zhurnal).

Место издания: Moscow, Saint Petersburg.

Издательство: транслитерируется или переводится (Nauka; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta).

Примеры оформления источников

1. Книга одного автора

Оригинал на русском:

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.

В REFERENCES:

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsey ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga. (In Russian).

2. Книга нескольких авторов

Оригинал на русском:

2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

В REFERENCES:

2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad. (In Russian).

3. Статья в журнале

Оригинал на русском:

3. Баранова, Л. А. Особенности деабревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63), № 1, Ч. 1. — С. 317–323.

В REFERENCES:

3. Baranova, L.A. (2011). *Osobennosti dezabbreviatsii iskonnykh i zaimstvovannykh abbreviatur v sovremennom russkom yazyke* [Features of disabbreviation of native and borrowed abbreviations in modern Russian]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*, 24(63), No. 1, Part 1, 317–323. (In Russian).

4. Глава в коллективной монографии, статья в сборнике статей, материалов конференций

Оригинал на русском:

4. Теркулов, В. И. Парадигматические объединения сложносокращенных апеллятивов / В.И. Теркулов // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е. В. Петрухина [и др.]; отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — С. 91–97. . — https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/sys_res_fi.pdf.

5. Хуснутдинов, А. А. Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах / А. А. Хуснутдинов // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 93–96.

B REFERENCES:

4. Terkulov, V.I. (2024). Paradigmaticheskie ob"edineniya slozhnosokrashchennykh apellyativov [Paradigmatic groupings of compound abbreviated appellatives]. In E.V. Petrukhina et al. (Eds.), *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language] (pp. 91–97). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Retrieved from (In Russian).
5. Khusnutdinov, A.A. (2022). Leksikograficheskiy portret slova i vyrazheniya v nauchnom i metodicheskom aspektakh [Lexicographic portrait of a word and expression in scientific and methodological aspects]. In *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta* [Donetsk readings 2022: Education, science, innovation, culture and challenges of modernity: Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University] (pp. 93–96). Donetsk: Donetskiy natsional'nyi universitet. (In Russian).

5. Диссертация и автореферат диссертации

Оригинал на русском:

6. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02; 10.02.20. — М., 2009. — 47 с.
7. Теркулов В. И. Этимологические дублеты латино-романского происхождения в русском языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Донецк, 1994. — 202 с.

B REFERENCES:

6. Guketlova, F.N. (2009). *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoii kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic worldview (based on materials of typologically different languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).
7. Terkulov, V.I. (1994). *Etimologicheskie dublety latinoromanskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke* [Etymological doublets of Latin-Romance origin in the Russian language] (Doctoral dissertation, Donetsk). (In Russian).

Пример**REFERENCES**

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsy ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga Vlavatskaya, M. V. (2009). *Uchenie o sintagmaticheskikh svyazyakh slov v istoricheskom rassmotrenii* [The doctrine of syntagmatic word connections in historical review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1, 36–42. (In Russian).
2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad (In Russian).

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке;**
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**
- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Учёная степень и звание (если есть) (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант, специальность, курс обучения) (без выделения).
- ORCID.
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI:

А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов © 2025
¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
¹ORCID 0009-0002-2259-7218
²ORCID 0000-0002-0418-4260

АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена характеристике используемого в теории Донецкой дериватологической школы понятия «аббревиатурная парадигма», трактуемого как совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. Дано определение аббревиатурной парадигмы, определена роль синонимических отношений между сложносокращенными словами в ее формировании. Сформулированы ключевые характеристики аббревиатурной парадигмы как объединения сложносокращенных слов. В качестве главного свойства аббревиатурной парадигмы как лингвистической категории нами выделяется возможность употребления в одном тексте слов одной аббревиатурной парадигмы для обозначения одного и того же референта. В качестве примера для анализа выбрана аббревиатурная парадигма «авто-мото-VELO», «агро-сельхоз», «зам-пом» и «зоо-вет». Исходя из результатов их анализа определены и описаны входящие в них лексико-семантические группы и ономасиологические классы.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономасиологическое поле, лексико-семантическая группа, ономасиологический класс, сложносокращенное слово, синонимия.

Для цитирования: Чистоклетова А. В. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория / А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX–XX. — <https://doi.org>

Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).

Введение. Целью работы является описание аббревиатурной парадигмы, под которой мы понимаем «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [4, с. 91], как языковой категории. **Объектом исследования** являются аббревиатурные парадигмы «агро-сельхоз» (аграрный — сельскохозяйственный), «зоо-вет» (зоологический — ветеринарный), «авто-мото-VELO» (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный), и «зам-пом»

(заместитель — помощник), и входящие в них аббревиатурные группы и сложносокращенные слова, а **предметом** — отношения синонимии между всеми их компонентами.

Текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмина, О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дисс. ...канд. филол. наук :10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. — Горловка, 2010. — 148 с.
2. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
- ...
10. Теркулов, В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 79–96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Елисеев, И.А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка [более 30000 аббревиатур и сокращений] / И. А. Елисеев. — Москва: Инфра-М, 2015. — 716 с.

REFERENCES

1. Blyumina, O. V. (2010). *Substantivnye kompozity so znacheniem protsessual'nosti v russkom yazyke* [Substantive composites with the meaning of processuality in the Russian language] (Doctoral dissertation, Gorlovka). (In Russian).
2. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennyye slova: sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty opisaniya [Complex abbreviations: Synchronous and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], 6, 73–97. (In Russian).
- ...
- 10 Terkulov, V. I. (2023). Paradigmatika slozhnosokrashchennogo slova kak sredstvo prognozirovaniya ekvivalentnostnykh otnoshenii [Paradigmatics of a complex abbreviation as a means of predicting equivalent relations]. *Rusistika* [Russian Studies], 21(1), 79–96. (In Russian)

Поступила в редакцию XX.XX.20XX г.

A. V. Chistokletova, V. I. Terkulov

ABBREVIATED PARADIGM AS A LINGUISTIC CATEGORY

The paper is devoted to the characterization of the concept of the "abbreviation paradigm" used in the theory of the Donetsk School of Derivatology, interpreted as a set of abbreviation groups with acronyms included in the same abbreviation-onomasiological field. The definition of the abbreviation paradigm is given, the role of synonymous relations between compound words in its formation is determined. The key characteristics of the abbreviation paradigm as a combination of compound words are formulated. As the main property of the abbreviation paradigm as a linguistic category, we single out the possibility of using words of the same abbreviation paradigm in one text to refer to the same referent. The abbreviated paradigms "auto-moto-velo", "agro-agricultural", "zam-pom" and "zoo-vet" were chosen as an example for analysis. Based on the results of their analysis, the lexico-semantic groups and onomasiological classes included in them are identified and described.

Keywords: *abbreviation group, abbreviation paradigm, abbreviation-onomasiological field, lexico-semantic group, onomasiological class, compound word, synonymy.*

Чистоклетова Анна Валериевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доктор филологических наук, профессор
Заведующий кафедрой русского языка.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Chistokletova Anna Valerievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Student.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.

Doctor of Philology, Professor

Head of the Russian Language Department.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.